Russ. 265 l/1

Dornan de
Lastomiez

<36629995670012 S

<36629995670012

Bayer. Staatsbibliothek

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

I.

~~339~~ 5.
~~2946~~
40.
2119
VIII. 82.

РУССКАЯ
ИСТОРІЯ.

(Ustrjalov, Nikolaj Gerasimovič)
Aueu

1.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

862—1462.

БИБЛІОТЕКА ЛЮБЛИНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

A 162/7062
A 4696

947

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 19 Января 1837 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
MÜNCHEN

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

Издавая въ свѣтъ обозрѣніе минувшей судьбы нашего отечества, отличающееся отъ многихъ подобныхъ книгъ содержаніемъ, изложеніемъ, объемомъ, считаю излишнимъ говорить о планѣ его: читатель увидитъ изъ Введенія, съ какой точки смотрѣлъ я на свой предметъ. Мнѣ остается только сказать, что при начертаніи плана я имѣлъ въ виду преимущественно любителей старины отечественной, еще не посвященныхъ въ таинства Науки, однакожь и не совсѣмъ чуждыхъ историческаго образованія, имѣющихъ по крайней мѣрѣ общія свѣдѣнія въ Исторіи Русской и Всемірной. Для нихъ я желалъ написать книгу, которая съ одной стороны заключала бы въ себѣ удовлетворительное до извѣстной степени развитіе главныхъ явленій минувшей жизни нашей, въ связи, безъ мелкихъ впрочемъ подробностей; съ другой же стороны направляла бы умъ читающаго къ изслѣдованію и соображенію.

Все сочиненіе, по принятому мною плану, обнимая пространство времени отъ начала Руси

до смерти Александра I, состоитъ изъ четырехъ томовъ: первый томъ доведенъ до Іоанна III; второй до Петра Великаго; третій до Екатерины II; четвертый до восшествія на престолъ Государя Императора Николая I. Въ концѣ втораго тома помѣщенъ Очеркъ Русской Старины или обозрѣніе тѣхъ формъ, въ коихъ проявлялась древняя жизнь наша государственная, общественная и семейная; въ концѣ четвертаго тома изложено современное состояніе Россіи.

Знаю, что въ издаваемой мною книгѣ гораздо болѣе недостатковъ, чѣмъ достоинствъ. При всемъ томъ лестные отзывы просвѣщенныхъ людей, читавшихъ отрывки изъ нея въ отдѣльномъ разсужденіи, о системѣ прагматической Русской Исторіи, гдѣ они помѣщены въ видѣ основныхъ мыслей для ученаго диспута, даютъ мнѣ право надѣяться, что усердный трудъ мой не останется безплоднымъ.

Н. Устряловъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
MÜNCHEN

ВВЕДЕНІЕ.

I. Отечественная Исторія, въ смыслѣ науки.

1. Русская Исторія, въ смыслѣ науки, какъ основательное знаніе минувшей судьбы Русскаго народа, должна объяснить постепенное развитіе гражданской жизни его, отъ перваго начала ея до настоящаго времени, съ тѣмъ, чтобы, разливъ свѣтъ на главныя условія быта общественнаго и раскрывъ, почему они существуютъ такъ, а не иначе, указать: какое мѣсто занимаетъ Россія въ системѣ прочихъ государствъ; какія правила политики внутренней и внѣшней наиболѣе были сообразны съ ея выгодами; какія причины, какъ плоды времени и обстоятельствъ, ускоряли или замедляли успѣхи промышленности и образованности. Цѣль ея.

2. Цѣлью науки опредѣляется предметъ ея. Предметъ. Русская Исторія достигаетъ своей цѣли вѣрнымъ

изображеніемъ послѣдовательныхъ перемѣнъ въ состояніи Русской державы, съ указаніемъ причинъ тому и слѣдствій. Такимъ образомъ предметъ ея — постепенный переходъ Россіи изъ одного положенія въ другое. Какъ перемѣны государственныя всегда зависятъ отъ стеченія многихъ обстоятельствъ, отъ причинъ ближайшихъ и отдаленныхъ, отъ прямаго и косвеннаго дѣйствія ихъ: то Исторія должна обнимать все, что имѣло вліяніе на судьбу государства, что оставило по себѣ слѣды замѣтные. Въ слѣдствіе того, она изображаетъ: достопамятныя дѣйствія людей, управлявшихъ внутреннею и внѣшнею политикою Россіи; успѣхи законодательства, промышленности, наукъ и художествъ; вліяніе религіи, нравовъ и обычаевъ.

Значеніе Р. Истор.

3. Изъ вышесказаннаго очевидно, какое мѣсто занимаетъ отечественная Исторія въ системѣ знаній: она имѣетъ высокое значеніе и тѣсную связь со всѣми науками общественнаго образованія. Какъ вѣрная повѣсть всего роднаго, какъ завѣтъ предковъ къ потомству, объясняя рядомъ картинъ женій народа, плоды сѣмянъ добрыхъ и злыхъ, озаряя въ неразрывной цѣпи вѣковъ все отечес-

ственное, она раскрываетъ идею Россіи во всемъ ея объемѣ, показываетъ истинныя свойства народа и потребности государства, подтверждаетъ умозрительныя изслѣдованія всего, что относится до Россіи, и служитъ лучшимъ пособіемъ къ примѣненію всякаго рода уставовъ: ибо все улучшается опытомъ; Исторія же есть самый обильный запасъ разнообразныхъ опытовъ. И едва ли есть народъ, который могъ бы съ такими утѣшительными мыслями оглянуться на прошедшее и получить отъ него столько пользы въ настоящемъ, какъ мы, Русскіе. Въ первомъ отношеніи, мы съ справедливою гордостію можемъ сказать, что предки наши, застигаемые неоднократно безпримѣрными бѣдствіями, какихъ не вынесъ бы ни одинъ народъ, спасали себя не случаемъ, не чужеземною помощію, а собственными силами, вѣрою въ Провидѣніе, усердіемъ къ престолу, любовію къ отечеству, что они умѣли выпутываться съ честію и славою изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, что страницы нашей Исторіи ознаменованы болѣе дѣлами доблести, нежели порока, и что наконецъ только она описываетъ дѣянія Петра Великаго. Во второмъ отношеніи, послѣ рѣшительнаго вліянія

на насъ Европейскаго образованія, когда пробудилась мысль о народности, обѣщающая столь вожделѣнные плоды въ будущемъ, Исторія вѣрнѣе всѣхъ умозрительныхъ изслѣдованій можетъ сказать, въ чемъ заключаются элементы Русской народности, или тѣ основныя начала, изъ коихъ развилась наша жизнь государственная, общественная и семейная.

Сред. къ изуч. Ист.

4. Основательное знаніе отечественной Исторіи пріобрѣтается постояннымъ изученіемъ современныхъ памятниковъ минувшаго и знакомствомъ съ позднѣйшими изыскателями: первые сообщаютъ живое понятіе о старинѣ; вторые поясняютъ недосказанное ими болѣе или менѣе удачными соображеніями. Современные памятники минувшаго (историческіе источники) бываютъ или письменные или неписьменные. Къ первымъ относятся: 1, сказанія современниковъ; 2, акты государственные; 3, произведенія наукъ и изящной словесности; ко вторымъ принадлежатъ: 1, изустныя преданія; 2, остатки искусствъ и ремеслъ.

Источники.

Сказанія Современниковъ суть извѣстія тѣхъ людей, кои частію сами видѣли описываемыя

событія, частію узнавали ихъ отъ другихъ лицъ самовидцевъ, и предали потомству о видѣнномъ и слышанномъ въ лѣтописяхъ, дневникахъ, запискахъ, письмахъ и проч. Какъ подробное, связное объясненіе минувшаго, этотъ источникъ служитъ основою историческаго знанія. Пользуясь имъ, должно смотрѣть, могъ ли современникъ знать достовѣрно описанныя имъ событія и такъ ли передалъ ихъ потомству, какъ зналъ? Чѣмъ болѣе имѣлъ онъ средствъ узнать событія и чѣмъ добросовѣстнѣе описывалъ видѣнное или слышанное имъ, тѣмъ сказанія его любопытнѣе для потомства: съ одной стороны ни высокимъ саномъ, ни обширными свѣдѣніями, ни дѣятельнымъ участіемъ въ дѣлахъ повѣствуемыхъ, онъ не внушитъ потомству довѣрія безъ любви къ истинѣ; съ другой стороны самая дѣтская откровенность будетъ безплодною въ свидѣтелѣ малосвѣдущемъ или неискусномъ.

Акты государственные бываютъ внутренніе и внѣшніе, постоянные и временные. Къ нимъ относятся: уставы гражданскіе, военные, церковные, торговые и пр.; грамматы и указы по частнымъ случаямъ; дѣла слѣдственныя; договоры дипломатическіе. Какъ памятники дѣйствій прави-

тельства, они указываютъ степень образованности, состояніе промышленности, правила политики, весь механизмъ гражданскаго устройства. Чѣмъ обильнѣе ими Исторія, тѣмъ она выразительнѣе и достовѣрнѣе: каждое событіе, запечатлѣнное актомъ, въ главномъ основаніи несомнѣнно, и если Новая Исторія далеко превосходитъ Древнюю, то сею выгодою она обязана наиболѣе актамъ государственнымъ.

Памятники наукъ и изящной словесности, нерѣдко выражая характеръ времени живѣе самыхъ подробныхъ извѣстій историческихъ, опредѣляя степень образованности и вкусъ народа, принадлежатъ также къ историческимъ матеріаламъ. Во всѣхъ письменныхъ памятникахъ должно обращать вниманіе на языкъ: какъ орудіе выраженія мыслей, еще болѣе какъ хранилище идей, онъ даетъ средства судить о родствѣ народныхъ поколѣній, о степени вліянія одного племени на другое, о направленіи и успѣхахъ гражданственности.

Изустныя преданія суть разсказы о минувшемъ времени, сохранившіеся отчасти донынѣ только въ памяти народной, отчасти внесенные въ историческія сочиненія, со всѣми признака-

ми свѣдѣній о старинѣ отдаленной, дошедшихъ до бытописателя чрезъ нѣсколько поколѣній. Предшествуя обыкновенно памятникамъ письменнымъ и служа основою первоначальной Исторіи каждаго народа, они тѣмъ любопытнѣе, чѣмъ сообразнѣе съ общимъ ходомъ событій, съ духомъ времени и чѣмъ менѣе заключаютъ явно баснословнаго.

Остатки искуствъ, художествъ и ремеслъ, зданія, монументы, картины, монета, одежда, оружіе, домашняя утварь, также изстари сохранившіяся обыкновенія, при помощи письменныхъ источниковъ, могутъ живо выражать характеръ вѣка и часто вести къ важнымъ заключеніямъ. Они тѣмъ драгоцѣннѣе для потомства, чѣмъ древнѣе; въ особенности любопытны тѣ памятники, которые, относясь къ міру уже изчезнувшему, напоминаютъ гражданскій бытъ, отличный отъ нашего.

5. Самое подробное знаніе фактовъ не принесетъ существенной пользы, если они не будутъ приведены въ стройную систему, гдѣ каждое явленіе было бы на своемъ мѣстѣ, какъ слѣдствіе предъидущаго и причина послѣдующаго; каж- Связь событій.

дое событіе имѣло бы свое знаменованіе, сообразное съ его важностію, и вело бы къ предполагаемой Исторіею цѣли. Для соединенія фактовъ въ одно стройное цѣлое, въ одну живую картину минувшаго, правильно очерченную и ярко освѣщенную, необходимо: 1) вникнуть въ общій смыслъ Исторіи и найти нить, которая, связывая всѣ явленія непрерывною цѣпью, образуется самымъ ходомъ событій, вліяніемъ вѣка, геніемъ народа, и по мѣрѣ измѣненія тѣхъ и другихъ пружинъ, измѣняетъ свое направленіе; 2) опредѣлить точки, гдѣ общій ходъ событій получаетъ иной характеръ, въ слѣдствіе стремительнаго переворота дѣлъ или быстраго развитія гражданственности, и сообразно этому измѣненію раздѣлить всѣ факты на нѣсколько разрядовъ, для лучшаго обзора и уразумѣнія ихъ; 3) принаровляясь къ общему историческому ходу, размѣстить всѣ явленія по мѣрѣ важности, такъ, чтобы въ изображеніи ихъ соблюдена была точность и соразмѣрность, съ правильною связью причинъ и слѣдствій. Перспектива, въ особенности правильное освѣщеніе необходимы какъ въ Живописи, такъ и въ Исторіи.

Изъ сего слѣдуетъ, что изучая отечественную Исторію, должно предварительно составить ясную

идею объ отличительномъ характерѣ ея и о тѣхъ эпохахъ, кои производили рѣшительныя перемѣны въ судьбѣ Россіи.

II. Очеркъ Русской Исторіи.

6. Гражданское общество, служившее основою Русской державы, возникло въ племени Славянъ, подъ верховною властію одной господствующей фамиліи, главою коей былъ Норманскій витязь Рюрикъ. Оно получило названіе *Руси* и средоточіемъ сначала имѣло Новгородъ. Въ первый вѣкъ бытія, Русь раздвинула свои предѣлы отъ береговъ Ильменя за пороги Днѣпровскіе, до истоковъ Вислы, Западнаго Буга, до устья Оки и береговъ Волги; всѣ восточныя поколѣнія Славянскаго и частію Финскаго племени, обитавшія между сими рубежами, безъ всякихъ почти понятій о жизни гражданской, въ патріархальной простотѣ нравовъ, признали неограниченное господство Рюриковыхъ потомковъ и вошли въ составъ Руси, средоточіемъ коей сталъ уже Кіевъ. По введеніи христіанской вѣры Греческаго исповѣданія, они сли- Эпохи Р. Исторіи.

лись въ одно государство, получившее окончательное устройство при Ярославѣ Мудромъ, который наложилъ печать закона на главныя условія жизни гражданской, опредѣливъ частію письменными уставами, частію своими дѣйствіями судъ и расправу, порядокъ престолонаслѣдія, зависимость Князей Удѣльныхъ отъ Великаго, права и обязанности духовенства, предѣлы своей державы и отношенія ея къ сосѣдамъ.

Около половины XI вѣка кончилось *основаніе Руси*; съ тѣхъ поръ внѣшнее расширеніе ея прекращается; настаетъ бореніе между потомками Владиміра св. Это бореніе, неминуемое слѣдствіе современнаго понятія о правѣ на удѣлъ каждаго члена господствующей фамиліи, не только не уничтожило единства Руси, но еще болѣе скрѣпило узы общественныя, распространивъ всюду одинъ языкъ, одну вѣру, одни уставы гражданскіе, утвердивъ право одного рода Владиміра св. на власть верховную. Мысль о необходимости единодержавія никогда не изчезала.

Прежде однакожь, чѣмъ кончилась семейная борьба Рюриковыхъ потомковъ и таившаяся мысль о единодержавіи успѣла сосредоточить народныя силы, неотразимые завоеватели, при-

шедшіе изъ глубины Азіи, Монголы, покорили всю Русскую землю, обложили ее данью и присвоили себѣ право возводить и низвергать Князей, не измѣнивъ впрочемъ внутренняго устройства, оставивъ неприкосновенными главные элементы государственные: вѣру, языкъ, гражданскіе уставы и право Рюрикова дома на исключительное господство.

Тяжкое иго угнетало Русь около двухъ вѣковъ съ половиною. Въ первый вѣкъ рабства, она была беззащитною жертвою ослѣпленія Князей, лютости Монголовъ, хищности и фанатизма западныхъ сосѣдей; въ началѣ втораго вѣка совершился великій переворотъ, имѣвшій рѣшительное вліяніе на судьбу нашего отечества. Русскія княжества къ востоку отъ Днѣпра постепенно стали изчезать и входить въ составъ *Государства Московскаго*, признавая надъ собою власть одного дома, въ родѣ Іоанна Калиты, потомка Владиміра св. изъ поколѣнія Князей Суздальскихъ. Русскія княжества къ западу отъ Днѣпра, исключая Галиціи, присоединившейся къ Польшѣ, слились также въ одно цѣлое и образовали вмѣстѣ съ Литовскимъ народомъ самостоятельное государство, подъ именемъ *Вели-*

каго Княжества Литовскаго, главою коего былъ домъ Гедимина. Отселѣ Русская земля раздѣлилась на двѣ половины, на Восточную или Московскую и Западную или Литовскую. Какъ въ той, такъ и въ другой возникаетъ новый порядокъ вещей, отличный отъ прежняго.

Русь Восточная, съ начала XIV вѣка оживленная умомъ Князей Московскихъ, мало по малу сосредоточила раздробленныя силы, вступила въ борьбу съ Монголами, свергла съ себя ненавистное иго, избавилась отъ неустройствъ удѣльной системы и образовала державу сильную, самостоятельную — *Русское Царство*. Главою ея былъ Государь самодержавный, съ наслѣдственною властью, переходившею по праву первородства отъ отца къ сыну, въ родѣ Іоанна Калиты, а съ 1613 года, послѣ жестокаго потрясенія Самозванцами, въ домѣ Романовыхъ. Постоянною цѣлью Русскихъ Царей, по сверженіи ига до конца XVII вѣка, было: въ дѣлахъ внутреннихъ органическое устройство государства въ духѣ древнихъ уставовъ и самодержавія, получившее окончательное образованіе при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и сынѣ его Θеодорѣ; въ дѣлахъ внѣшней политики, на югѣ и востокѣ

обузданіе Татарскихъ ордъ, покореніемъ ихъ Русскому скипетру, на западѣ постепенное сближеніе съ Европою торговыми связями и возвращеніе земель за Днѣпромъ и при Балтійскомъ морѣ, искони составлявшихъ часть Русской земли. Въ слѣдствіе сего главнымъ явленіемъ Исторіи Русскаго Царства было постоянное развитіе мысли о необходимости возстановить Русскую землю въ тѣхъ предѣлахъ, кои имѣла она при Ярославѣ и около трехъ вѣковъ послѣ него; изъ этого источника проистекали всѣ наши споры съ Польшею, Ливонскимъ Орденомъ и Швеціею, овладѣвшими лучшею частію нашего отечества во время бѣдственнаго рабства.

Русь Западная осталась подъ властью Князей Литовскихъ, въ родѣ Гедимина, но такъ же, какъ и Восточная, спасла свою вѣру, свой языкъ, свои уставы гражданскіе. Слѣдовательно самыя крѣпкія узы связывали ее съ Восточною Русью, и народъ, свято сохраняя законъ прародительскій, неоднократно обнаруживалъ живѣйшее желаніе возвратиться въ подданство Царя православнаго, цѣлыми областями присоединяясь къ его державѣ. Ни въ той, ни въ другой части Руси, мысль о соединеніи ихъ въ одно цѣлое никогда

не изчезала: еще въ началѣ XIV вѣка, когда блеснулъ первый лучь надежды на освобожденіе отъ ига Монголовъ, владѣтели Москвы приняли титулъ Великихъ Князей *всея Руси.* Она живо пробудилась со временъ Іоанна III, коему добровольно поддались многія области, составлявшія часть Литовскаго Княжества. Случайное обстоятельство полагало преграду къ сліянію и прочихъ областей въ одно цѣлое: Польша, страшась могущества потомковъ Гедимина, примкнула къ ихъ державѣ, избравъ на свой престолъ внука его Ягелла, и всѣми мѣрами старалась отклонитъ опасное для нея соединеніе Западной Руси съ Восточною. Но какъ съ одной стороны, Русскіе Цари имѣли неотъемлемое право на Западную Русь, гдѣ предки ихъ водворили жизнь гражданскую и святую вѣру, гдѣ въ полномъ блескѣ развилась Русская жизнь, и при единодушномъ желаніи той и другой части быть подъ властію одного Государя, соединеніе рано или поздно было неизбѣжно; съ другой же стороны, судьба Польскаго Королевства была уже неразлучна съ судьбою Великаго Княжества Литовскаго: то, по естественному порядку вещей, самая Польша должна была не-

минуемо войти въ составъ одной державы Русской. Эта истина была очевидна въ XVI и въ XVII вѣкѣ, когда, по пресѣченіи династіи Ягеллоновой, благомыслящіе Поляки, тѣмъ болѣе Литовскіе чины неоднократно поручали судьбу свою Русскимъ Царямъ. Однѣ интриги Польскихъ магнатовъ и Езуитовъ препятствовали соединенію двухъ народовъ единоплеменныхъ, единовѣрныхъ, разлученныхъ случайными обстоятельствами и поставленныхъ судьбою въ такое положеніе, что только подъ державною десницею одного Вѣнценосца они могли найти миръ и благоденствіе. — Оставаясь подъ властію Польши до временъ Екатерины II, исключая областей, возвращенныхъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Западная Русь испытала всѣ бѣдствія анархіи, свирѣпствовавшей въ Польскомъ Королевствѣ, и величайшее зло народное, гоненіе за вѣру.

Въ началѣ XVIII вѣка, все, о чемъ заботились, къ чему стремились Русскіе Цари, было рѣшено Петромъ Великимъ. Совершивъ исполинскій, безпримѣрный въ Исторіи подвигъ, преобразовавъ и себя и свой народъ, создавъ войско, флотъ, промышленость, торговлю, науки,

художества, новую, лучшую жизнь, даровавъ отечеству то, что западная Европа получила послѣ вѣковыхъ усилій, ознаменованныхъ Крестовыми походами, городскими общинами, огнестрѣльнымъ оружіемъ, Реформаціею, однимъ словомъ воплотивъ въ себѣ все, что приготовило первенство Европы надъ прочими частями свѣта, Петръ поставилъ свое государство на такую степень, что оно явилось незапно исполиномъ въ кругу своихъ сосѣдей и уже при первыхъ преемникахъ Петра стало усвоивать плоды Европейской гражданственности. Отселѣ началась Исторія *Россійской Имперіи*, настала та сфера, въ коей мы живемъ: древній Русскій міръ изчезъ съ большею частію его уставовъ, законовъ, формъ, нравовъ, обычаевъ. Только два главные элемента, религія и самодержавіе, слившіеся съ Русскою жизнію, остались неприкосновенными.

Екатерина II довершила мысль и древнихъ Царей и многіе планы Петра: соединила подъ свою державу почти всю Русскую землю, вмѣстѣ съ значительною частію Польскаго Королевства, которое съ отдѣленіемъ Западной Руси, не могло существоватъ самобытно въ формахъ анархіи, даровала своему государству рѣшитель-

ный перевѣсъ надъ сосѣдними народами магометанскими и диктаторскій голосъ въ дѣлахъ Европейскихъ, ознаменовавъ внутреннее управленіе многими учрежденіями для народной промышленности и образованности.

Усвоивъ всѣ плоды Европейской гражданственности, безъ вредныхъ однакожъ плевелъ, одушевляемая отличительнымъ свойствомъ народнаго характера, безпредѣльною преданностію вѣрѣ и престолу, Россія была непоколебима, среди всеобщаго потрясенія западныхъ государствъ Французскою революціею, и подъ знаменемъ Александра I, избавила Европу отъ величайшаго изъ завоевателей.

Наконецъ съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая I начался новый, современный намъ періодъ Русской Исторіи: живѣе, чѣмъ когда либо, пробудилась мысль о необходимости органическаго устройства державы, основаннаго на истинныхъ началахъ народности и образованія.

7. Сообразно съ общимъ отличительнымъ ходомъ событій нашего отечества, можно раздѣлить Русскую Исторію на двѣ главныя части, на Древнюю и Новую. Періоды Р. Исторіи.

I. Древняя Исторія, отъ начала Руси до Петра Великаго (862-1689), изображая постепенное развитіе трехъ главныхъ элементовъ, изъ коихъ возникла Русская жизнь, Славянскаго, Норманскаго и Византійскаго, подъ вліяніемъ въ одной части съ половины XIII вѣка Монголовъ, въ другой съ конца XVI вѣка Поляковъ, представляетъ слѣдующія явленія:

1. *Основаніе Руси,* соединеніе Славянъ въ общество гражданское господствомъ Норманновъ, Христіанскою вѣрою и законодательствомъ Ярослава, 862-1054.
2. *Раздѣленіе Руси* по праву удѣльному на нѣсколько союзныхъ Княжествъ въ Рюриковомъ потомствѣ: семейные споры Князей за власть верховную, 1054-1240.
3. *Покореніе Руси Монголами* и борьба ея съ иноплеменными народами на западѣ: начало раздѣленія Руси на Восточную и Западную, 1240-1328.
4. Постепенное соединеніе удѣльныхъ Княжествъ Восточной Руси въ *Государство Московское;* образованіе въ Западной Руси *Великаго Княжества Литовскаго*

и начало тѣснаго союза его съ Польшею, 1328-1462.

5. Борьба Государей Московскихъ съ Монголами за право независимаго господства въ восточной Европѣ, съ Польшею за Литовское Княжество. Самостоятельность Восточной Руси, подъ именемъ *Русскаго Царства; соединеніе* Западной съ Польшею, 1462-1600.

6. Потрясеніе Русскаго Царства *Самозванцами,* Великаго Княжества Литовскаго *Унісю,* 1600-1613.

7. *Возобновленіе борьбы* Русскихъ Царей съ Польшею за Литовское Княжество, при явномъ стремленіи Восточной Руси къ благоустройству, при новыхъ усиліяхъ Польскаго правительства уничтожить народность въ Западной Руси, 1613 - 1689.

II. Новая Исторія, отъ Петра Великаго до смерти Императора Александра I (1689-1825), имѣя отличительнымъ характеромъ измѣненіе древняго образа жизни, дѣятельное участіе Россіи въ дѣлахъ Европейскихъ и быстрое развитіе умственныхъ и промышленныхъ силъ, представляетъ слѣдующія главныя явленія:

1. *Преобразованiе Русскаго Царства въ Россiйскую Имперiю* Петромъ Великимъ, при сильномъ влiянiи Европейской жизни въ царствованiе первыхъ его преемниковъ. Изнеможенiе Западной Руси подъ игомъ Поляковъ, 1689-1762.
2. Начало *органическаго устройства* Россiйской Имперiи и *соединенiе* всѣхъ почти Русскихъ земель въ одно цѣлое Екатериною II, 1762-1796.
3. Рѣшительное *участiе* Россiи въ судьбѣ Европейскихъ государствъ, при новыхъ мѣрахъ къ врутреннему благоустройству, при очевидномъ смягченiи нравовъ и быстромъ *развитiи* умственныхъ и промышленныхъ силъ, 1796 - 1825.

Наконецъ отличительный характеръ современнаго намъ перiода, съ 1825 г. есть *органическое развитiе силъ государства* изъ собственныхъ началъ его и въ свойственныхъ ему формахъ образованiя.

III. Источники Древней Русской Исторіи.

7. Къ источникамъ Древней Русской Исторіи относятся:

I. Сказанія современниковъ, объясняющія Древнюю Русскую Исторію, могутъ быть раздѣлены на отечественныя и иноземныя. Къ первому разряду относятся: лѣтописи безъименныя и записки особъ извѣстныхъ; ко второму преданія иноземцевъ, писавшихъ о нашемъ отечествѣ по слуху, и записки очевидцевъ.

1. *Лѣтописи безъименныя* [1]) представляютъ почти непрерывный рядъ записокъ монастырскихъ, съ конца XI вѣка до половины XVII столѣтія, дѣеписателей неизвѣстныхъ, наблюдавшихъ событія большею частію издали, впрочемъ добросовѣстныхъ и безпристрастныхъ. Достовѣрность Русскихъ лѣтописей, подтверждаемая въ сущности дѣла или въ главныхъ обстоятельствахъ согласіемъ иноземныхъ писателей и многими актами, обнаруживается еще болѣе, если вникнемъ

1) Лучшіе списки: Лаврентьевскій до 1305, Кенигсбергскій до 1206, Волынскій до 1289, Новгородскій до половины XV вѣка, Псковской до 1650 и многіе другіе.

въ самый ходъ событій. Начало лѣтописей, по общему мнѣнію, укорененному вѣками, положено инокомъ Кіевопечерскаго монастыря преподобнымъ Несторомъ, родившимся около 1050 года и умершимъ въ концѣ XI вѣка. Онъ писалъ частію по преданію старожиловъ, дополняя и повѣряя ихъ Греческими хрониками, частію по собственнымъ наблюденіямъ, и служилъ образцемъ для позднѣйшихъ лѣтописцевъ: слѣдуя примѣру его, люди духовные, столь же скромные и добросовѣстные, описывали событія, распри Князей, дѣла церковныя, войны внѣшнія, знаменія небесныя, необыкновенныя явленія природы, хотя кратко, часто поверхностно, даже ошибочно, но всегда съ любовію къ истинѣ. До начала XIII вѣка лѣтописи сходствуютъ одна съ другою содержаніемъ, описывая дѣла всей Руси; со времени нашествія Монголовъ, разсказываютъ преимущественно событія областныя.

2. *Записки* людей извѣстныхъ начинаются съ половины XVI вѣка: онѣ слишкомъ малочисленны въ сравненіи съ подобными историческими матеріалами западной Европы. Особеннаго вниманія заслуживаютъ: *Курбскаго* Исторія Іоан-

на Грознаго [1]; *Авраамія Палицына* Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря Поляками [2]; *Шушерина* Житіе Патріарха Никона [3].

3. *Преданія иноземцевъ*, писавшихъ о древнѣйшемъ состояніи нашего отечества мимоходомъ, по слуху, могутъ служить весьма важнымъ дополненіемъ нашихъ лѣтописей, повѣствующихъ кратко о первыхъ вѣкахъ Руси. Особенно замѣчательны:

а. Византійскіе писатели; сенаторъ *Прокопій* [4] и императоръ *Маврикій*, [5] о состояніи Славянъ Дунайскихъ въ VI вѣкѣ; императоръ *Константинъ Багрянородный* [6] о св. Ольгѣ и внутреннемъ устройствѣ Руси въ X вѣкѣ; *Левъ Діаконъ* [7] о войнѣ Святослава съ Цимисхіемъ; *Кедринъ*, о Владимірѣ Св. б Восточные, наиболѣе Аравійскіе купцы, путешественные,

1) Сказанія Князя Курбскаго. 1833, въ 2 томахъ.
2) Издано нѣсколько разъ; первое изд. 1784.
3) Напеч. въ С. П. б. 1817.
4) Procopii Caesareensis Historiarum sui temp. lib. Parisiis, 1662.
5) Mauricii artis militaris libri XIII. Ups. 1664.
6) De administrando Imperio; de Ceremoniis Aulae Bysantinae et caet.
7) Исторія Льва Діакона Калойскаго, С. П. б. 1820.

ники и ученые, знавшіе Руссовъ на берегахъ Волги: *Фоцланъ,* 1) *Масуди, Гаукалъ, Абулфеда* и др. в. Скандинавскія саги или историческія преданія о Норманнахъ X и XI вѣка. 2) г. Нѣмецкіе лѣтописцы, X, XI и XII столѣтій: *Луитпрандъ* 3) епископъ Кремонскій объ Игорѣ; *Дитмаръ* 4) епископъ Мерзебургскій о Владимірѣ св. и Ярославѣ; *Ламбертъ* 5) Ашафенбугскій объ Изяславѣ; *Гельмольдъ* 6) о миѳологіи Славянъ Прибалтійскихъ. д. Польскіе лѣтописцы, компиляторы не всегда вѣрные древнихъ хроникъ Русскихъ, еще болѣе пристрастные въ описаніи современныхъ событій, но весьма замѣчательные для объясненія дѣлъ Россіи съ Польшею: *Кадлубко,* 7) епископъ Краковскій довелъ свою лѣтопись до начала XIII вѣка; *Длугошъ* 8) до конца XV вѣка; *Кромеръ* 9) до половины XVI вѣка; *Стрыйковскій* 10) до

1) Ibn Foßlans und anderer Araber Berichte. 1823.
2) Эймундова сага и др 1833.
3) Luitprandi opera. Antver. 1640.
4) Chronici Ditmari libri VIII. Hannov. 1707.
5) De rebus gestis Germanorum. Ratisb. 1726.
6) Chronica Slavorum. Lubecae 1659.
7) Historia Polonica. Wratisl. 1823.
8) Historiae Polonicae libri XIII. Lipsiae. 1711.
9) De origine et rebus gestis Polonorum. Basil. 1555.
10) Chronika Polska, Litewska et caet. 1582.

конца XVI, и въ особенности *Кояловичъ*, 1) достовѣрнѣе другихъ описавшій дѣла Литовскаго Княжества до 1569 года.

4. *Записки иноземцевъ очевидцевъ*, писавшихъ о нашемъ отечествѣ съ половины XIII вѣка, преимущественно по собственнымъ наблюденіямъ, весьма разнообразнымъ, выразительнымъ и чрезвычайно важнымъ для объясненія событій, нравовъ, обыкновеній. Иноземные наблюдатели наиболѣе оставили свѣдѣній отъ начала XVI вѣка до конца XVII, когда являясь въ Москву одинъ за другимъ послами, агентами, путешественниками, или вступая въ Русскую службу, они съ живѣйшимъ любопытствомъ смотрѣли на Россію, гдѣ все было для нихъ ново, чудно, отлично отъ Европейскаго, и записывали все видѣнное и слышанное ими съ единственною цѣлію доставить своимъ соотечественникамъ ясное понятіе о полуночной Московіи. Изъ нихъ замѣчательны: а. О періодѣ Монгольскомъ, преимущественно о самыхъ Монголахъ: *Плано-Кар-*

1) Historiae Litvanae lib. II. 1650 и 1669.

пини, *Асцелинъ и Рубруквисъ* [1]) западные миссіонеры, бывшіе у Батыя, Гаюка и другихъ хановъ въ XIII вѣкѣ; *Марко-Поло* [2]), Венеціанскій дворянинъ, болѣе 20 лѣтъ служившій Монгольскимъ ханамъ въ XIII вѣкѣ, *Шильдбергеръ*, [3]) Баварецъ, плѣнникъ Баязета и Тамерлана, участвовавшій въ ихъ походахъ болѣе 30 лѣтъ б. О состояніи Россіи отъ Іоанна III до Самозванцевъ: *Контарини*, [4]) посланникъ, Венеціанскій, бывшій въ Москвѣ при Іоаннѣ III; *Павелъ Іовій*, [5]) Римскій кардиналъ, узнавшій много любопытнаго о Москвѣ отъ Русскаго гонца; баронъ *Герберштейнъ* [6]) посолъ Императора Максимиліана I къ В. К. Василію Іоанновичу, лучшій, основательнѣйшій изъ ни-

1) Записки ихъ изданы Бержерономъ: Voyages faits principalement en Asie (La Haye 1735) и еще лучше, къ сожалѣнію только двухъ первыхъ, Д И Языковымъ, въ *Собраніи путешествій къ Татарамъ*, 1825.

2) Delle mirabigli del mondo, 1496.

3) Eine wunderbar. History. Одна изъ древнѣйшихъ печатныхъ книгъ.

4) Viaggio del. magn. Ambr. Contarini. Venet. 1559.

5) De Legatione Basilii Magni Principis Moscoviae, 1551.

6) Rerum Moscoviticarum Commentarii. Первое изданіе въ Вѣнѣ, 1549; лучшее въ Базелѣ, 1556.

сателей иноземныхъ; *Францискъ да-Колло* 1) посолъ Цесарскій къ В. К. Василію; *Ченслеръ*, Англійскій капитанъ, *Дженкинсонъ, Баусъ, Рандолфъ, Горсей* 2) посланники Елисаветы Англійской, при Іоаннѣ IV; *Таубе и Крузе*, 3) свидѣтели жестокости Іоанновой; Антоній *Поссевинъ* 4) Папскій легатъ, описавшій свои пренія о вѣрѣ съ Іоанномъ IV; *Флетчеръ*, 5) посолъ Елисаветы къ Ѳеодору Іоанновичу, весьма умный наблюдатель внутренняго состоянія Россіи. в. О Самозванцахъ: *Маржеретъ* 6), капитанъ гвардіи Лжедимитріевой; *Мартинъ Беръ*, 7) Московскій пасторъ, лучшій историкъ Самозванцевъ; *Жолкѣвскій*, 8) Польскій военачальникъ, под-

1) Trattamento di pace tra il s. Sigismondo e Gran Basilio, въ Падуѣ, 1603.

2) Извѣстія Англичанъ объ Іоаннѣ Грозномъ напечатаны Гаклюйтомъ въ первомъ томѣ: The principal navigations и проч. Lond. 1599 и 1809.

3) Zar Iwan der Grausame. Dorp. 1818.

4) Moscovia. Vilnae, 1586.

5) Of the Russe Common-Wealth Lond. 1591.

6) Estat de l'Empire de Russie. Первое изданіе 1807 г. Русскій переводъ въ 3 томѣ Сказ. совр. о Димитріи Самозв. 1832.

7) Лѣтопись Московская, въ 1 части Сказ. совр. о Димитріи Самозв. 1831.

8) Начало и успѣхъ войны Московской. Москва 1835.

робно и вѣрно описавшій избраніе Владислава на Русскій престолъ; *Самуилъ Маскѣвичъ* 1) офицеръ Польской службы; *Петрей*, 2) Шведскій посланникъ къ Василію Шуйскому и Самозванцамъ. г. О царствованіи дома Романовыхъ: *Бопланъ*, 3) Французскій инженеръ, Польской службы, оставилъ весьма подробныя свѣдѣнія о Малороссіи; *Олеарій*, 4) Голштинскій ученый, путешествовавшій по Россіи при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; *Баронъ Мейербергъ*, 5) посолъ Леопольда I къ Царю Алексѣю Михайловичу, жившій въ Москвѣ около года; *Графъ Карлейль*, 6) посолъ Англійскій къ нему же: *Коллинсъ* 7) Англійскій врачъ Царя Алексѣя; *Рейтенфельсъ*, 8) посланникъ Тосканскій; *Стрейсъ*, 9) Голландскій

1) Дневникъ, въ 5 части Сказаній соврем. о Димитріи Самозванцѣ.

2) Historien und Bericht von dem Großfürstentumb Muschkov. Lipsiae, 1620.

3) Description d'Ukranie. A Rouen 1660. Русскій переводъ въ 1832: *Описаніе Украйны.*

4) Neue orientalische Reisebeschreibung, Schleswig, 1647.

5) Jter in Moschoviam,

6) La relation de trois Ambas. de Carlisle. 1672.

7) The present state of Russia. Lond. 1671.

8) De rebus Moschoviticis. Patavii. 1680.

9) Les voyages de Jean Struys, 1681.

корабельный мастеръ, свидѣтель мятежа Степьки Разина; *Таннеръ*, [1]) Богемецъ, спутникъ Литовскихъ пословъ къ Ѳеодору Алексѣевичу; *Кемпферъ*, [2]) ученый путешественникъ Нѣмецкій, бывшій въ Россіи въ правленіе Царевны Софіи, и весьма многіе другіе.

II. Акты государственные, до половины XIII вѣка или до утвержденія господства Монголовъ въ Русской землѣ, слишкомъ малочисленны, отчасти потому, что ихъ истребило время при содѣйствіи невѣжества и Монголовъ, отчасти и потому, что, по тогдашнему устройству государственному, письменность не могла быть столь разнообразною и необходимою, какъ въ послѣдствіи. Они дошли до потомства не въ подлинникахъ, а въ спискахъ, сохранившихся въ лѣтописяхъ и въ разныхъ сборникахъ; 3) и хотя въ основаніи своемъ сообразны съ обстоятельствами времени, съ духомъ вѣка, однакожь критика находитъ болѣе или менѣе основательный

1) Legatio Polono-Lithuanica. Norimb. 1689.

2) Отрывки его дневника въ книгѣ Аделунга: *Баронъ Мейербергъ*, 1827.

3) Древнѣйшій подлинный актъ есть граммата Мстислава I (1125-1132) Новгородскому Юрьевскому монастырю на землю и судныя пошлины.

поводъ если не сомнѣваться въ ихъ существованіи, по крайней мѣрѣ предполагать позднѣйшія прибавленія. Таковы суть: мирные договоры Олега, Игоря и Святослава съ Греками; церковные уставы Владиміра св и Ярослава I о правахъ Грекороссійскаго духовенства; Русская Правда о судѣ и расправѣ.

Съ половины XIII вѣка, въ особенности со времени основанія Государства Московскаго, тѣмъ болѣе послѣ Іоанна III, акты государственные становятся несравненно обильнѣе и служатъ важнымъ пособіемъ Русской Исторіи, поясняя какъ внутреннее устройство государства, такъ и внѣшнюю политику. Изъ нихъ мы узнаемъ: отношенія Удѣльныхъ Князей къ Великому Князю Московскому; 1) постепенное разширеніе предѣловъ Государства Московскаго, вмѣстѣ съ городами и областями, ему принадлежавшими; 2) подробности суда и расправы 3); порядокъ сбора государственныхъ доходовъ 4);

1) Договорныя грамматы Новгородцевъ и Удѣльныхъ Князей съ Великими, съ 1265 по 1480.

2) Духовныя завѣщанія Государей Московскихъ съ 1328 года.

3) Уставныя грамматы разныхъ Князей; судебники, уложенія и весьма многіе указы Царей Русскихъ.

4) Таможенные и торговые уставы.

образованіе войска; [1]) устройство церкви; [2]) внѣшнія отношенія къ сосѣдамъ, пріобрѣтенія, уступки и проч. ([3] Многіе поясняютъ сверхъ того подробности событій. [4]) Лучшія собранія суть: Государственные грамоты и договоры, изданные графомъ Румянцовымъ въ 4 томахъ; Акты, собранные Археографическою экспедиціею Академіи Наукъ въ 4 томахъ; первые два тома Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи.

III. Памятники Словесности до конца XVII вѣка состоятъ преимущественно изъ сочиненій писателей духовныхъ, изъ лѣтописей, (если разсматривать ихъ въ литературномъ смыслѣ), изъ посланій святителей, изъ переводовъ съ Греческаго и частію Латинскаго языковъ.

Изъ писателей свѣтскихъ особенно замѣчательны: Владиміръ Мономахъ, сочинитель Слова о полку Игоревомъ, Князъ Курбскій и немногіе

1) Разряды и грамматы по случаю разныхъ походовъ
2) Жалованныя грамматы духовенству, монастырямъ; уставъ Патріаршій и проч.
3) Дѣла посольскія, въ государственномъ Архивѣ.
4) Слѣдственныя дѣла о Максимѣ Грекѣ, Царевичѣ Димитріи и проч., также окружныя грамматы или манифесты.

другіе. Къ сему же разряду относятся и народныя пѣсни, изъ коихъ нѣкоторыя носятъ на себѣ печать глубокой древности.

IV. Преданія изустныя замѣтны преимущественно въ древнихъ лѣтописяхъ; нѣкоторыя украшены вымысломъ.

V. Памятники искусствъ и ремеслъ разсѣяны по всей Россійской Имперіи. Изъ нихъ особенно важны монеты, оружіе, утварь, зданія и проч.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ.

Глава I.

ОСНОВАНІЕ РУСИ

862-1054.

9. Основаніе государствъ, т. е. соединеніе поколѣній одного или нѣсколькихъ племенъ въ общество гражданское, обыкновенно совершается такъ медленно, незамѣтно, такъ мало оставляетъ по себѣ памятниковъ, что Исторія, съ трудомъ проникая въ сумракъ временъ отдаленныхъ, рѣдко можетъ объяснить непрерывнымъ рядомъ событій, какимъ образомъ народы разстаются съ дикою волею, признаютъ власть закона и, свѣдавъ выгоды общежитія, образуютъ державы: все это бываетъ дѣломъ вѣковъ и сцѣпленія многихъ, мало извѣстныхъ обстоятельствъ. Одно только явленіе общее, несомнительное, замѣтно при началѣ почти всѣхъ державъ древнихъ и новыхъ: гражданское общество возникаетъ по большей части изъ соединенія двухъ или нѣсколькихъ народовъ разноплеменныхъ, изъ коихъ сначала одинъ господствуетъ, а другой пови- Начало государс.

нутся, въ послѣдствіи оба сливаются въ одно племя. Такъ возникли первыя общества въ Египтѣ, въ Греціи, въ древней Италіи, въ Германіи, Франціи, Англіи. Основаніе всѣхъ почти государствъ въ главныхъ чертахъ одинаково; но отъ различія въ свойствахъ народныхъ, въ отношеніи побѣдителей къ побѣжденнымъ, въ вѣрѣ, въ климатѣ, въ обстоятельствахъ случайныхъ, каждое государство при самомъ началѣ получаетъ особенное направленіе, въ коемъ скрывается сѣмя будущей жизни его, какъ въ зернѣ прозябаемомъ таится свойство плода. И потому разсуждая объ основаніи своего отечества, мы должны указать, какіе народы и какимъ образомъ составили гражданскій союзъ, получившій названіе Руси.

Всѣ памятники Русской древности, въ особенности сказанія нашихъ лѣтописцевъ свидѣтельствуютъ, что краеугольный камень основанію Руси положили два народа, Славяне и Норманны, что господство Норманновъ въ землѣ Славянской завязало первый узелъ общественный, что Христіанская вѣра скрѣпила его, а правленіе Ярослава I, наложивъ печать закона на главныя условія юнаго общества, утвердило въ немъ тотъ порядокъ вещей, изъ коего въ послѣдствіи развивались главныя явленія нашей Исторіи, измѣняясь по мѣрѣ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ и успѣховъ общественной жизни. Два столѣтія продолжалось основаніе Руси,

первый періодъ нашей Исторіи. Для уразумѣнія его необходимо обозрѣть: 1) судьбу *Славянъ* вообще и въ особенности тѣхъ отраслей Славянскаго племени, кои вошли въ составъ Руси; 2) главныя черты *Норманновъ*; 3) соединеніе Славянъ Норманнами въ одно общество гражданское, подъ именемъ *Руси*; 4) введеніе *христіанской вѣры*; 5) правленіе *Ярослава I.*

I. Славяне.

10. Племя, извѣстное нынѣ подъ именемъ Славянскаго, при первомъ появленіи въ Исторіи, въ концѣ V и въ началѣ VI вѣка по Рождествѣ Христовѣ, занимало многочисленными поколѣніями пространство отъ моря Балтійскаго до Чернаго и Дуная, отъ Тейса и Одера до береговъ Днѣпровскихъ. Современники именовали его Венетскимъ, раздѣляя на три главныя поколѣнія: на *Венетовъ*, обитавшихъ между Балтійскимъ моремъ и Карпатскими горами, на *Славянъ*, жившихъ отъ Тейса до береговъ Днѣстра и отъ Дуная до истоковъ Вислы, на *Антовъ*, облегавшихъ берега Чернаго моря между устьями Дуная и Днѣпра. Встрѣчая въ Исторіи столь сильное, до конца V столѣтія совершенно неизвѣстное племя, въ эпоху всеобщаго переселенія народовъ, мы могли бы думать, что

Появленіе въ Истор.

оно пришло въ Европу по слѣдамъ Гунновъ и другихъ дикихъ ордъ средней Азіи, еслибы въ языкѣ, въ природныхъ свойствахъ Славянъ, въ наружномъ видѣ, въ очертаніи лица, въ самыхъ нравахъ, не было признаковъ, что, подобно Германцамъ, они принадлежали къ семейству абоfunctionalities ригеновъ или коренныхъ обитателей Европы. Поздно же явились они въ историческомъ мірѣ, потому, что сами не оставили никакихъ свидѣтельствъ о прежней судьбѣ своей, а Греки и Римляне, давая чуждымъ народамъ имена произвольныя, обыкновенно одно и тоже племя въ разныя эпохи называли разными именами, включая въ одинъ разрядъ разноплеменные народы; такимъ образомъ Славяне могли быть извѣстны имъ вмѣстѣ съ другими народами, подъ общимъ неопредѣлительнымъ названіемъ Скиѳовъ, Сарматовъ и проч.

Судьба Славянскаго племени, отъ перваго появленія его въ Исторіи до образованія въ немъ въ IX и X вѣкѣ государствъ Русскаго, Польскаго, Богемскаго, Моравскаго, Сербскаго и другихъ, мало извѣстна. Въ VI и VII столѣтіи замѣтнѣе другихъ отраслей дѣйствуютъ Славяне южные или Дунайскіе; въ началѣ VIII столѣтія они скрываются отъ взоровъ Исторіи, и ѳеатръ переносится на берега Одера и Эльбы; въ IX столѣтіи пробуждается дѣятельность на Вислѣ, около Ильменя и по теченію Днѣпра. Славяне южные уступаютъ свои земли другимъ чуждымъ народамъ; Славяне западные признаютъ власть Карла Вели-

каго и преемниковъ его; Славяне восточные образуютъ самостоятельную державу, Русь. Укажемъ на главныя событія и черты Славянской жизни.

11. Славяне южные или Дунайскіе были страшными врагами Византійской Имперіи во все время царствованія Императора Юстиніана Великаго. Съ самаго начала его правленія, съ 527 года, они стали вторгаться въ его области чрезъ Дунай и тѣмъ были опаснѣе, что съ дикою отвагою соединяли хитрость и искусство, умѣли таиться въ оврагахъ, за кустами, даже въ рѣкахъ, и презирая опасности, какъ бы играли войною. Если же удавалось искусному вождю Греческому окружить отдѣльныя толпы ихъ, храбрость ихъ усугублялась: они бились отчаянно, жены сражались рядомъ съ своими мужьями, и никакія муки не могли принудить плѣннаго Славянина измѣнить единоземцамъ. Самъ Юстиніанъ Великій съ твердынь неприступной столицы видалъ, какъ дикія толпы этого народа опустошали увеселительные дворцы въ окрестностяхъ Царяграда; и Велизарій съ трудомъ, болѣе золотомъ, нежели оружіемъ, спасъ отъ нихъ Византію. Славяне южные.

Что побуждало Славянъ къ неутомимой враждѣ съ Греками, достовѣрно неизвѣстно. Историки Византійскіе приписываютъ ихъ набѣги ненасытному грабительству. Не имѣя никакихъ памятникомъ Славянскихъ того времени, мы не можемъ ни подтвердить, ни отвергнуть сказаній Нравы ихъ.

ихъ непріятелей. Впрочемъ единогласное свидѣтельство писателей современныхъ удостовѣряетъ, что Славяне въ VI вѣкѣ находились на той же степени образованности, на которой видимъ нынѣ многія независимыя племена Кавказа. Подобно симъ дѣтямъ природы, они жили отдѣльными колѣнами или семействами, не зная ни крѣпостей, ни городовъ, имѣя впрочемъ селенія; любили болѣе всего свободу необузданную; одна власть старѣйшинъ управляла односемейными; инаго господства не терпѣли. Въ обстоятельствахъ важныхъ, когда непріятель грозилъ ихъ странѣ опустошеніемъ, или сами задумывали грабить сосѣдей, многія семейства соединялись для совѣта и рѣшали дѣло по приговору старѣйшинъ. Но своевольство неукротимое всегда отличало Славянъ Дунайскихъ; рѣдкое совѣщаніе оканчивалось мирно: мечи обыкновенно рѣшали ихъ споры. Вождь, указывавшій путь въ землю непріятельскую, могъ пріобрѣсть ихъ довѣренность и повиновеніе только личною храбростью или особеннымъ искусствомъ, и рѣдко имѣлъ силу обуздывать своихъ товарищей; они сражались гдѣ и какъ хотѣли, но каждый Славянинъ всегда бросался прямо въ средину враговъ, и не смотря на долговременное искусство, легіоны Византійскіе часто обращали предъ ними тылъ. Выигравъ сраженіе, Славяне обыкновенно въ конецъ опустошали непріятельскую землю, все предавали огню и мечу, не щадили ни

возраста, ни пола, и обремененные добычею, удалялись въ свои лѣса недоступные.

Но дикая свирѣпость не была отличительнымъ ихъ характеромъ. Славянское племя вообще имѣло болѣе склонности къ жизни мирной, чѣмъ воинственной. Какъ Славяне Прибалтiйскiе въ концѣ V вѣка извѣстны были тихимъ нравомъ, такъ и Славяне Дунайскiе, если ни вторженiе непрiятелей, ни внутреннiе раздоры не воспаменяли ихъ страстей, любили жизнь мирную, семейную, охотно занимались земледѣлiемъ, отличались добродушiемъ, и своимъ гостепрiимствомъ удивляли просвѣщенныхъ Грековъ, оставивъ эту добродѣтель въ наслѣдство самымъ отдаленнымъ потомкамъ. Путешественника встрѣчали, какъ стариннаго знакомаго, угощали съ радостiю и сдавали другъ другу на руки, отвѣтствуя за его безопасность; рабамъ (плѣнникамъ), по минованiи опредѣленнаго срока, возвращали свободу, или принимали ихъ въ свои семейства. Чистота нравовъ, коею славились жены и дѣвы ихъ, есть другая прекрасная черта характера народнаго: Славянки такъ были привязаны къ своимъ мужьямъ, что не разлучались съ ними въ самыхъ битвахъ, и нерѣдко потерявъ ихъ, искали утѣшенiя въ смерти, чтобы не горевать вдовицами.

Народъ съ такими свойствами не могъ надолго оставаться на степени народа дикаго, обнаруживая явное стремленiе въ жизни обществен-

ной. Славяне уже любили земледѣліе, завели села и мечемъ ограждая національную независимость, ждали только, чтобы свѣтъ божественной религіи смягчилъ ихъ душу, а умъ какого нибудь Кекропса или Нумы Помпилія направилъ ихъ силы къ цѣли нашего бытія, къ общежитію и образованности. Но не на берегахъ Дуная суждено было имъ достигнуть этой цѣли: тамъ пролегалъ главный путь, коимъ кочевыя орды средней Азіи стремились на Римскую Имперію и одна за другою вытѣсняли Славянъ.

Болгары. Авары. Въ VII столѣтіи появились на берегахъ Дуная сильные враги, пришедшіе изъ за Дона, Болгары, которые сначала вмѣстѣ съ Славянами опустошали Имперію, а потомъ обратили оружіе на своихъ союзниковъ, и частію покорили ихъ, частію принудили переселиться за Тейсъ и Карпатскія горы. Въ слѣдъ за ними новые варвары, видомъ и свирѣпостью напоминавшіе Гунновъ, Авары или Обры, изъ за Каспійскаго моря перенеслись въ Европу, поработили Болгаръ съ подвластными имъ и независимыми отъ нихъ Славянами, и утвердили свое господство отъ Волги до Эльбы. Презирая благодѣянія труда и природы, Авары жили грабежемъ, и свою добычу, сокровища подвластныхъ имъ народовъ, складывали въ укрѣпленные станы, коихъ слѣды сохранялись долго на берегахъ Тейса и Алуты. Тщетно нѣкоторыя поколѣнія Славянъ старались спасти свою независимость, и одинъ

изъ вождей ихъ, Лавритасъ съ презрѣніемъ говорилъ посламъ Хана Аварскаго Бояна, требовавшимъ покорности, что никто въ мірѣ не лишитъ ихъ свободы, доколѣ естъ война и мечи въ свѣтѣ: Боянъ вступилъ въ ихъ землю и обратилъ въ пепелъ всѣ *селенія*. Поражаемые неодолимымъ завоевателемъ, Славяне или покорились ему, или по слѣдамъ прежнихъ выходцевъ, удалились за Карпатскія горы. Это послѣднее, общее переселеніе совершилось вѣроятно во второй половинѣ VII вѣка. Одни Славяне двинулись къ западу и сѣверу въ Иллирію, Богемію, Мекленбургію, Померанію и Польшу, гдѣ уже обитали единоплеменники ихъ; другіе же удалились на равнины нынѣшней западной Россіи.

12. Славянскія поколѣнія, удалившіяся съ береговъ Дуная на сѣверозападъ въ VII столѣтіи, заняли все пространство отъ Эльбы до Вислы и смѣшавшись тамъ вѣроятно съ единоплеменниками своими, приняли названія *Чеховъ* въ Богеміи, *Моравовъ* въ Моравіи, *Сорабовъ* въ Турингіи (между Салою и Эльбою), *Оботритовъ* и *Вильцевъ* между нижними частями Эльбы и Одера, *Поморянъ* при Балтійскомъ морѣ въ Помераніи, *Ляховъ* или *Лехитовъ* въ Польшѣ. До конца VIII вѣка они вели безпрерывную борьбу на юговостокѣ съ Аварами, на сѣверозападѣ съ Франками. Освобожденные отъ ига Аваровъ оружіемъ Карла Великаго, они должны были Славяне западные.

большею частію признать его господство. Преемники Карловы старались утвердить эту власть введеніемъ христіанской вѣры въ земляхъ Славянскихъ; но дѣйствовали насильственными мѣрами и нерѣдко вынуждали Славянъ къ упорной защитѣ ихъ нравовъ, языка, вѣры и свободы. Властолюбіе Нѣмецкихъ Императоровъ, при вмѣшательствѣ Римскихъ Папъ, долго препятствовало мирному развитію гражданственности, къ коей Славяне обнаруживали явное стремленіе, занимаясь земледѣліемъ, торговлею, имѣя села и города, сохранившіе доселѣ Славянскія названія.

Славяне восточн.

13. Поколѣнія Славянъ, вытѣсненныя Аварами съ береговъ Дуная и Чернаго моря, и удалившіяся къ сѣверовостоку, вѣроятно въ VII или въ началѣ VIII вѣка, заняли все пространство отъ истоковъ Вислы до Оки, отъ Ладожскаго озера до пороговъ Днѣпровскихъ. Какіе народы обитали въ этомъ пространствѣ до прихода новыхъ вселышиковъ и какъ Славяне утвердились тамъ, силою ли оружія, другими ли средствами, достовѣрно неизвѣстно. Мы знаемъ, что при Иродотѣ жили здѣсь какіе то Андрофаги и Меланхлены, что въ I столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ, племя Вендовъ занимало равнины, орошаемыя Вислою, Двиною и Волховомъ (гдѣ, по словамъ Нестора, св. Апостолъ Андрей уже видѣлъ Славянъ), что съ III столѣтія въ продолженіе 400 лѣтъ приходили въ нынѣшнюю южную Россію разные народы: съ сѣвера Готѳы, ос-

новавшіе тамъ въ IV вѣкѣ могущественное государство, съ востока несмѣтныя толпы Гунновъ, Алановъ, Болгаръ, Аваровъ; но въ VII или VIII столѣтіи, какъ можно догадываться, только малочисленные остатки этихъ народовъ могли удержаться въ западной Россіи, и Славяне вѣроятно нашли тамъ однѣ пустыни, гдѣ скитались слабыя толпы частію единоплеменниковъ ихъ, частію чуждыхъ народовъ, скоро слившихся съ ними.

Латыши. Финны.

Не вся нынѣшняя Европейская Россія была занята Славянами. Къ сѣверозападу отъ нихъ, въ нижнихъ частяхъ Нѣмана и Двины обитали отрасли самостоятельнаго племени Латышскаго, населявшаго и восточную Пруссію. Происхожденіе его неизвѣстно; нѣкоторые писатели признаютъ его смѣсью Вендовъ, Германцевъ и всельниковъ Римскихъ; поколѣнія его были *Пруссы* въ нынѣшней восточной Пруссіи; *Ятвяги* въ Гродненской губерніи; *Литва* въ Виленской; *Корсь* въ Курляндіи; *Ливь и Латыгиги* въ Лифляндіи. Къ сѣверостоку отъ Славянъ, за Ильменемъ, Бѣлоозеромъ и Окою, обитало другое самобытное племя Финновъ, еще извѣстное Тациту. Съ незапамятныхъ временъ, оно занимало глубину сѣверной Европы, никогда не славилось ни завоеваніями, ни успѣхами жизни общественной, живо выражало въ своихъ чертахъ, въ самыхъ способностяхъ души окружающую его природу, скупую на дары и печальную. Оно раздѣлялось на многія вѣтви, изъ коихъ главнѣйшими были: *Чудь*

въ Эстляндiи, *Нарова* по берегамъ Наровы, *Ижера* по Невѣ, *Ямь* или *Емь* въ южной Финляндiи, *Корела* въ Олонецкой губернiи, *Весь* на Бѣлѣозерѣ, *Пермь* въ Пермской губернiи, *Меря* вокругъ Ростова, *Мурома* около Мурома, *Черемиса, Мордва* въ Казанской и Вятской губернiи и проч.

Хазары. На юговостокъ сосѣдями Славянъ были Хазары, могущественный народъ, единоплеменный древнимъ Туркамъ, искони обитавшiй между Чернымъ и Каспiйскимъ морями. Они являются въ Исторiи въ III столѣтiи по Р. Х. Въ V и VI извѣстны были своими набѣгами на Арменiю и сѣверную Персiю. Тщетно Персидскiй Шахъ Хозрой старался оградить отъ нихъ свое государство построенiемъ знаменитой стѣны Кавказской: Хазары часто прорывались въ Арменiю. Халифы Арабскiе, покорившiе Персiю, также нерѣдко испытывали опустошительные набѣги ихъ, особенно въ концѣ VII вѣка. Въ началѣ VIII столѣтiя они утвердили свою власть въ Тавридѣ, подвластной Византiйскимъ Императорамъ, которые съ тѣхъ поръ не рѣдко вступали съ Хазарскими государями въ родственныя связи, чтобы удержать ихъ отъ нападенiй въ Имперiю. Хазары раздѣлялись на многiя поколѣнiя, подъ властiю особенныхъ Князей, зависѣвшихъ впрочемъ отъ верховнаго Князя, Кагана или Хакана: столицею его былъ Атель или Балангiаръ, при устьѣ Волги. Въ концѣ VIII столѣтiя они держались закона Еврейскаго; мно-

гія поколѣнія исповѣдывали также религію христіанскую; въ послѣдствіи въ X вѣкѣ господствующею вѣрою была магометанская.

Въ новомъ отечествѣ своемъ Славяне должны были измѣнить прежній образъ жизни; борьба съ Аварами связала разсѣянныя семейства ихъ узами братства; переселеніе въ чуждыя страны, опасности пути, сосѣдство новыхъ народовъ, необходимость взаимной помощи и обороны, все требовало тѣснѣйшаго союза. Въ слѣдствіе того на берегахъ Днѣпра, Волхова, Оки, Двины, Припяти и Горыни, Славяне являются уже не разсѣянными колѣнами, какъ на берегахъ Дуная, а съ именемъ народовъ отдѣльныхъ или союзовъ. Такъ поселившіеся по Днѣпру (въ Кіевской губерніи) назвались *Полянами*, по берагамъ Днѣстра *Лутичами и Тиверцами*, въ Волыни *Древлянами*, по сѣверовосточнымъ отраслямъ Карпатовъ *Хорватами*, по западному Бугу *Бужанами*, по Двинѣ и Припяти *Полочанами и Дреговичами*, по Деснѣ и Сулѣ *Сѣверянами*, по Окѣ *Вятичами*, на берегахъ Сожи *Радимичами*, въ верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги *Кривичами*, на берегахъ же озера Ильменя удержали имя *Славянъ*. Нѣкоторые изъ Славянскихъ народовъ построили города: Поляне Кіевъ; Сѣверяне Любечь, Черниговъ; Кривичи Смоленскъ, Изборскъ, Полоцкъ; Древляне Коростенъ. Эти города могли быть ничтожны, могли состоять изъ хижинъ, огражденныхъ тыномъ или рвомъ

Славяне. поколѣн.

для защиты отъ лютыхъ звѣрей и хищныхъ сосѣдей; но тамъ люди соединялись родствомъ, дружбою; тамъ была колыбель гражданскаго общества; открывалась первая, главная ступень къ людкости, къ понятіямъ о выгодахъ общежитія. Въ такомъ положеніи находилось племя Славянъ, занявшее земли нынѣшней Европейской Россіи, когда пришли къ нимъ Норманны и соединили ихъ отрасли въ одно цѣлое, въ одинъ народъ, получившій названіе Русскаго.

II. Норманны. [1]

Очеркъ ихъ 14. Отечествомъ Норманновъ была Скандинавія, страна суровая климатомъ, бѣдная необходимыми для жизни потребностями, скупо награждающая трудъ земледѣльца, покрытая цѣпью безплодныхъ скалъ и утесовъ, вѣковыми лѣсами и многими озерами, окруженная почти со всѣхъ сторонъ бурнымъ моремъ. Здѣсь, въ безпрерывной борьбѣ съ жестокою стужею, съ голодомъ съ бурями, человѣкъ или падалъ подъ тяжестью нуждъ и прозябалъ подобно растенію, или одолѣвъ природу, присвоивалъ и желѣзную крѣпость тѣла, и мощную силу души, со всемъ пыломъ

1) Histoire des expéditions maritimes des Normands, par *Depping*. Paris, 1816. 2 vol. Лучшее сочиненіе о Норманнахъ.

страстей, съ самобытнымъ характеромъ, отпечаткомъ окружающихъ его явленій. Всегда, при первомъ развитіи силъ общественныхъ, человѣкъ зависѣлъ отъ климата и свойства страны: въ Греціи онъ полюбилъ художества и поэзію, въ средней Азіи кочевую жизнь, въ Швейцаріи скотоводство, въ Финикіи торговлю, въ Египтѣ земледѣліе. Скандинавъ могъ быть только пиратомъ, такъ точно, какъ житель Аравіи бедуиномъ. Напрасно проливая потъ, чтобы воздѣлать неблагодарную почву, съ трудомъ успѣвая завести малочисленное стадо, онъ тѣмъ охотнѣе разгуливалъ по своимъ озерамъ и по водамъ морскимъ, что въ ихъ нѣдрахъ находилъ удобнѣйшія средства къ утоленію голода. Море стало его стихіею. Тамъ онъ привыкалъ къ опасностямъ, къ удальству, къ хищничеству. Бури и непогоды были ему забавою, неутомимая дѣятельность потребностью души, кровавыя битвы наслажденіемъ.

Съ такимъ образомъ жизни неразлучна свобода личная, и Скандинавы дорожили ею болѣе всего на свѣтѣ. Но какъ въ глазахъ ихъ первою добродѣтелью было мужество въ бояхъ, соединенное съ силою тѣлесною, съ умомъ лукавымъ, и потомки дорожили подвигами предковъ, считая ихъ славу семейною, то уже съ самыхъ древнихъ временъ въ Скандинавіи существовало различіе между людьми благородными или родословными и простолюдинами: на этомъ

различіи мало по малу утвердилось первенство и господство однѣхъ фамилій и подданство другихъ. Отъ того при первомъ появленіи въ Исторіи, Скандинавы раздѣлялись на множество мелкихъ обществъ, изъ коихъ каждое имѣло своего *Конунга* (Князя или Короля), съ наслѣдственною властію въ его родѣ. Онъ былъ главою суда и расправы, вождемъ въ битвахъ, награждалъ заслуги, наказывалъ преступленія. Дружину или дворъ его составляли: *Ярлы и Герсы*, главные спутники своего Конунга въ походахъ, исполнители воли его, производившіе именемъ его судъ и собиравшіе дань, *Кемпе*, тѣлохранители, мечники королевскіе. Простолюдины были или *Бендс*, свободные люди, или *Трелле*, рабы, плѣнники.

Не взирая на единство языка и вѣры, Конунги безпрерывно воевали другъ съ другомъ, побуждаемые частію голодомъ, соперничествомъ или безпокойною врожденною дѣятельностію. Къ войнѣ подстрекала ихъ и вѣра, основанная на мысли, что только храбраго, падшаго въ битвѣ, ждетъ праотецъ Одинъ въ обѣтованной Валгаллѣ, гдѣ Гилькеріи будутъ угощать его роскошными яствами и напитками, а Скальды въ безсмертныхъ пѣсняхъ не престанутъ воспѣвать его подвиги. Отъ того жажда битвъ доходила у нихъ до фанатизма: въ Скандинавскихъ сагахъ или историческихъ преданіяхъ, нерѣдко упоминаются Берсеркеры, которые, не имѣя случая измѣрить свое оружіе, въ воинственномъ энтузіазмѣ гры-

зли желѣзо, глотали горящіе угли. Кромѣ пламенной мечты о славѣ, о будущихъ наслажденіяхъ, самая необходимость, слѣдствіе увеличившагося народонаселенія, заставляла Скандинавовъ бросаться въ отчаянныя предпріятія. Въ вождяхъ недостатка не было: по коренному обычаю, каждый сынъ Конунга былъ самъ Конунгъ, по рожденію, и имѣлъ право на Конунгаръ или отдѣльное королевство; но какъ братья, при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства, обыкновенно обдѣляли другъ друга, то Конунги, не получавшіе участка, собирали дружины и съ именемъ Морскихъ Королей пускались въ сосѣдственныя страны за добычею.

15. Уже задолго до Карла Великаго, Скандинавы безпокоили своими набѣгами западную Европу: древнѣйшіе походы ихъ относятся къ III столѣтію по Р. Х. когда, овладѣвъ Оркадскими островами, служившими въ послѣдствіи сборнымъ мѣстомъ для сѣверныхъ пиратовъ, они начали появляться толпами сперва въ Шотландіи и Британіи, потомъ въ Ирландіи. Туземцы называли ихъ Датчанами, Англами, Саксами и Остменами (восточными людьми). Первый набѣгъ на Францію былъ въ началѣ VI вѣка при Кловисѣ: они были отбиты и при Меровингахъ болѣе не показывались. При Карлѣ Великомъ, они снова появились въ сѣверныхъ предѣлахъ его Имперіи: нѣсколько разъ опустошали Фрис- Морскіе походы.

ландію; грозили самому Ахену. По смерти же Карла Великаго, уже знакомые съ благодатнымъ климатомъ юга, съ привлекательностію грабежа, Скандинавы и единоплеменные имъ обитатели Ютландіи, цѣлыми толпами, какъ голодные рои пчелъ, по выраженію современниковъ, стали врываться въ беззащитное государство его преемниковъ, и вскорѣ по всей Европѣ загремѣло имя *Норманновъ* (людей сѣвера). На легкихъ, плоскодонныхъ челнахъ, поднимавшихъ до 50 человѣкъ, предводимые Морскими Королями,* они приставали къ берегамъ Франціи, Англіи, Испаніи, Италіи; по направленію рѣкъ вторгались во внутренность земель, осаждали города многолюдные, нерѣдко слабою дружиною, брали богатые окупы, или все обращали въ пепелъ и развалины. Прибрежныя страны западной и южной Европы не знали, какъ избавиться отъ этихъ неутомимыхъ мореходцевъ: въ церквахъ молили Всевышняго о спасеніи отъ Норманновъ; Короли давали имъ золото; подданные все, что могли, и все было тщетно: если удалялась одна толпа, приходили новыя въ большемъ числѣ, привлекаемыя молвою удачи счастливыхъ единоземцевъ. Долго, въ теченіе трехъ вѣковъ, страдали отъ нихъ обитатели береговыхъ странъ отъ устьевъ Рейна до пролива Дарданельскаго.

Болѣе всѣхъ государствъ терпѣла Франція. Безпрерывныя вторженія Норманновъ въ эту страну начались немедленно по смерти Карла

Великаго; при Людовикѣ Кроткомъ не проходило года, когда бы они не тревожили его Имперіи, съ сѣвера и запада: появлялись на Сенѣ, грабили Аквитанію, кромѣ того Галицію въ Испаніи; по смерти Людовика, знаменитый Норманнъ Гастингъ опустошилъ страну между Лоаромъ и Шеромъ; разорилъ Нантъ, нѣсколько разъ грабилъ Парижъ, Орлеанъ, Оксеръ, бралъ съ Карла Лысаго тяжкіе окупы; ходилъ за добычею въ Испанію, Мавританію, въ Италію; снова появлялся во Франціи и не давалъ ей покоя, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его *Рюрикъ* держалъ въ страхѣ сѣверные предѣлы, гдѣ овладѣлъ Утрехтомъ. Во второй половинѣ IX столѣтія появился во Франціи знаменитѣйшій изъ Норманновъ Ролонъ (или Гролфъ), коему преемники Карла Лысаго нѣсколько разъ платили огромныя суммы, чтобы спасти свое государство отъ всеобщаго разоренія; наконецъ принуждены были уступить ему въ потомственное владѣніе одну изъ областей королевства, получившую названіе Нормандіи.

16. Предпринимая отдаленные походы въ моря Атлантическое и Средиземное, Норманны естественно не могли оставить безъ вниманія ближайшихъ странъ Прибалтійскихъ, въ особенности Славянскихъ, гдѣ находили, кромѣ хлѣба и мягкой рухляди, другую для себя выгоду: чрезъ землю восточныхъ Славянъ пролегалъ Сношенія съ Славянами.

путь въ богатую Грецію, которую они считали самою обильною страною въ мірѣ всѣми благами природы, и охотно отправлялись туда, отчасти для грабежа, отчасти для полученія платы за службу Императорамъ: достовѣрно, что задолго до поселенія въ землѣ Славянской, въ императорской гвардіи были многіе Норманны. Путь, коимъ они ходили въ Грецію, былъ слѣдующій: нынѣшнимъ Финскимъ заливомъ и Невою они вступали въ Ладожское озеро; оттуда Волховомъ въ Ильмень; изъ Ильменя шли вверхъ по теченію Ловати до истоковъ ея; здѣсь перетаскивали свои легкіе челны въ Днѣпръ и спускались въ Черное море. До половины IX столѣтія, Норманны приходили въ землю Славянскую на время и, кажется, не имѣли прочныхъ поселеній; когда же въ Скандинавіи, по смерти Карла Великаго, произошло всеобщее волненіе, и недостатокъ въ продовольствіи заставилъ обитателей ея искать новаго отечества, однѣ толпы бросились на западъ, другія на востокъ. Въ Англіи, Франціи, Италіи, Норманны утвердились послѣ долговременной борьбы; въ землѣ Славянской не встрѣтили такого отпора и овладѣли ею безъ труда.

Варяги. 17. Первое поселеніе Норманновъ, подъ именемъ Варяговъ въ землѣ Славянской, служившее началомъ Руси, описано въ нашихъ лѣтописяхъ слѣдующимъ образомъ: »Въ 859 году

пришли Варяги изъ за моря и наложили дань на Чудь, Славянъ, Мерю и Кривичей. Года чрезъ два они были изгнаны. Но раздоръ возникъ между народами, освободившимися отъ иноплеменниковъ; родъ возсталъ на родъ, управы не было. Страдая отъ безначалія и вѣроятно опасаясь быть вновь жертвою внѣшнихъ враговъ, Славяне рѣшились избрать себѣ Князя, т. е. судью, правителя и защитника, въ той мысли что только одна власть крѣпкая могла спасти ихъ. Послы Славянъ Ильменскихъ и Кривичей, вмѣстѣ съ послами двухъ Финскихъ народовъ, Веси и Чуди, отправились за море Варяжское, къ Варяго-Руссамъ, и сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; пріидите княжить и владѣть нами.“ Нѣкто Рюрикъ согласился исполнить эту просьбу: сопровождаемый своими братьями Синеусомъ и Труворомъ, со всѣмъ родомъ своимъ, онъ прибылъ въ 862 году къ берегамъ Ильменя и утвердивъ свое господство въ Новгородѣ, Ладогѣ, Изборскѣ, на Бѣлѣозерѣ, положилъ начало гражданскому обществу, получившему, отъ имени пришедшихъ съ нимъ Варяговъ, названіе Руси.“

Варяги — Норманны.

18. Слова лѣтописца, что Руссы были изъ племени Варяговъ и что Славяне призвали ихъ добровольно править и владѣть, многимъ писателямъ кажутся неясными; спрашиваютъ обыкновенно: I, кто были Варяго-Руссы и откуда они

пришли и 2, какъ рѣшились Славяне покориться добровольно единоземцамъ своихъ прежнихъ притѣснителей? Эти вопроси рѣшали различно: разсуждая о первомъ вопросѣ, Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Карамзинъ и новѣйшіе писатели признаютъ Варяговъ Норманнами; Татищевъ и Болтинъ Финнами, Ломоносовъ Пруссами, Эверсъ Хазарами; относительно втораго вопроса, Миллеръ думалъ, что Норманны, бывъ призваны только для защиты границъ, въ послѣдствіи стали господствовать; Шлецеръ, Карамзинъ и другіе писатели, слѣдуя точному смыслу Нестора, полагали, что Славяне добровольно сами собою поручили имъ власть верховную.

По всей вѣроятности, Варяго-Руссы были Норманны, въ чемъ удостовѣряютъ слѣдующія доказательства: 1, Несторъ подъ именемъ Варяговъ вообще разумѣетъ многочисленное племя, обитавшее къ западу отъ Славянъ за Балтійскимъ моремъ и раздѣлявшееся, по его понятію, на пять поколѣній: *Свеи* (Шведы), *Урмяне* (Норвежцы), *Русь*, *Агняне* (Англы) и *Гте* (Готы); слѣдовательно Руссы были единоплеменники Шведамъ и Норвежцамъ и обитали за Балтійскимъ моремъ, гдѣ въ IX вѣкѣ жили одни Норманны. 2, Столь же важно свидѣтельство языка: какъ имена первыхъ Князей нашихъ, Бояръ и пословъ суть неоспоримо Норманскія, такъ и названія семи Днѣпровскихъ пороговъ, приводимыя Константиномъ Багрянороднымъ, могутъ быть

объяснены только Скандинавскими словами, чтобы согласить ихъ съ переводомъ Греческимъ; слѣды языка Скандинавскаго сохранились въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ Несторовой лѣтописи и Русской Правды. 3, Изъ писателей иноземныхъ Луитпрандъ, имѣвшій случай знать Руссовъ лично въ X вѣкѣ, свидѣтельствуетъ, что народъ, именуемый у Грековъ Россами, на западѣ слыветъ подъ именемъ Норманновъ; нѣкоторые историки Арабскіе также говорятъ, что Варягами назывались жители Скандинавіи. 4, Наконецъ если въ характерѣ древнихъ Русскихъ законовъ находится менѣе признаковъ Скандинавскаго ихъ происхожденія, чѣмъ обыкновенно думаютъ, то одинъ взглядъ на дѣла потомковъ Рюрика удостовѣритъ, что только воинственный Норманнъ могъ быть праотцемъ Русскихъ Князей, въ коихъ живо отражаются всѣ черты Норманскія. Вопросъ, почему Скандинавы назывались въ Славянской землѣ Варягами, разрѣшается тѣмъ, что Норманны, служившіе Греческимъ Императорамъ, составляли съ другими наемниками особенную дружину и были названы *союзники* (foederati), на древнемъ Скандинавскомъ языкѣ, Vaeringar, или по Греческому произношенію, *Варангъ*: проходя чрезъ землю Славянскую на пути въ Грецію, Норманны говорили Славянамъ, что они Варанги, т. е. союзники Грековъ, и это слово, означавшее званіе, обратилось въ имя народа.

Относительно втораго вопроса, какимъ образомъ Славяне рѣшились добровольно покориться единоземцамъ своихъ прежнихъ враговъ, ими изгнанныхъ, и притомъ чрезъ два года, прежде всего замѣтимъ, что призваніе Варяго-Руссовъ союзомъ Славянъ и Финновъ несправедливо называютъ событіемъ безпримѣрнымъ въ Исторіи, предполагая, что послы Славянскіе пригласили къ себѣ тѣхъ самыхъ Норманновъ, кои за два года были изгнаны (вопреки Нестору, который говоритъ ясно, что изгнаны Варяги, т. е. пришельцы неизвѣстные, а призваны Варяго-Руссы); подобныя событія встрѣчаются въ Исторіи и другихъ народовъ. Какъ жители Амальфи въ XI вѣкѣ сами просили къ себѣ Норманновъ и вручили имъ власть верховную: такъ и Славяне, угрожаемые внѣшними грабителями и внутренними мятежниками, могли искать защиты у тѣхъ Норманновъ, кои вѣроятно были имъ извѣстны прежде, какъ люди добрые и умные: ибо выше замѣчено, что задолго до Рюрика Норманны приходили въ землю Славянскую, отправляясь къ Царюграду, и естественно должны были искать дружбы туземцевъ, которые, извѣдавъ на опытѣ ихъ расторопность, могли замѣтить, что эти пришельцы далеко превосходили ихъ старѣйшинъ дѣятельностію ума, обогащеннаго странствованіемъ въ земляхъ отдаленныхъ. Въ смыслѣ гражданскомъ Славяне вѣроятно не уступа-

ли Норманнамъ, обнаруживая явную склонность къ общежитію земледѣліемъ и строеніемъ городовъ, изъ коихъ Смоленскъ былъ укрѣпленъ, а Кіевъ торговалъ съ Византіею, между тѣмъ, какъ Норманны въ IX столѣтіи, въ блестящую эпоху своей жизни, когда Скальды воспѣвали ихъ подвиги, занимались только разбоями, или съ именемъ Конунговъ владѣли одними лѣсами и пустынями, гдѣ не было ни городовъ ни селъ, и гдѣ не каждое семейство имѣло свою хижину; тѣмъ не менѣе ихъ удальство, врожденная сила души, умъ лукавый и гибкій, мужество въ бояхъ, все это могло сдѣлать сильное впечатлѣніе въ Славянахъ, которые въ слѣдствіе того рѣшились поручить свою участь смѣлымъ в тязямъ. Къ этому могли присоединиться и другія намъ неизвѣстныя обстоятельства; по крайней мѣрѣ мы не вправѣ, по одному сомнѣнію, ни на чемъ не основанному, отвергать сказанія лѣтописца безпристрастнаго, который вѣроятно зналъ хорошо, какъ пришелъ Рюрикъ: ибо могъ бесѣдовать съ потомками его спутниковъ въ 4 или 5 колѣнѣ, когда преданія были еще въ свѣжей памяти.

III. Начало Русскаго Народа. 1)

Обозрѣніе. 19. Отъ пришествія Рюрика на берега Ильменя, или отъ перваго соединенія Славянъ съ Норманнами, до принятія правнукомъ его Владиміромъ Христіанской вѣры, утвердившей бытіе Русской державы, главнымъ явленіемъ Исторіи нашего отечества было быстрое разширеніе предѣловъ Руси, сперва на юговостокъ къ берегамъ Оки, потомъ на югъ по Днѣпру, далѣе на западъ до истоковъ Вислы и Нарева. Это разширеніе было слѣдствіемъ Норманскаго характера. Какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Славянской землѣ, они дѣйствовали одинаково: стоило имъ только утвердиться въ одномъ мѣстѣ, чтобы далеко распространить свои набѣги, и если обстоятельства благопріятствовали, утвердить свою власть въ земляхъ, покоренныхъ оружіемъ ихъ. Овладѣвъ однимъ пунктомъ, они углублялись, по направленію рѣкъ, во внутренность страны, занимали прибрежные города или строили ихъ сами, налагали на окрестныхъ жителей дань, собирали ее силою оружія, и мало помалу сливались съ туземцами, заимствуя у нихъ вѣру, языкъ, нравы, обычаи, удерживая за собою одно право господства. Въ западной Европѣ имъ не удалось занять столь обширной

1) Русскія Лѣтописи. Das älteste Recht der Russen von Ewers. Dorp. 1826.

страны и притомъ въ такое короткое время: тамъ они встрѣчали сильный отпоръ въ укрѣпленныхъ городахъ, въ благоустроенныхъ правительствахъ, въ самомъ народѣ, видѣвшемъ въ нихъ только грабителей или морскихъ разбойниковъ. Славянская земля была для нихъ открытою: туземцы, раздробленные на мелкія отдѣльныя поколѣнія, не могли ни соединить своихъ силъ, ни остановить завоевателей городами, коихъ было не много, или естественными преградами, коихъ вовсе не было: слѣдовательно здѣсь легче было вести войну наступательную, чѣмъ оборонительную. Славяне тѣмъ охотнѣе могли жертвовать своею волею и признавать господство Норманновъ, что національность ихъ оставалась неприкосновенною: ибо вездѣ, куда ни приходили, во Франціи, въ Англіи, въ Италіи, Норманны скоро сливались съ туземцами; тѣмъ неизбѣжнѣе было это сліяніе въ землѣ Славянской, что тамъ они должны были разсѣяться въ странѣ обширной и при своей малочисленности, въ сравненіи съ массою покореннаго народа, утратить національную физіономію. Они были для Славянъ поколѣніемъ благороднымъ, господствующимъ, но не враждебнымъ, и служили только звѣномъ соединенія.

20. Установленная Норманнами въ Славянской землѣ система господства, по мнѣнію нѣкото- Образъ правленія.

рыхъ писателей, въ главныхъ чертахъ, сходствовала съ Ленною или Феодальною системою государствъ, основанныхъ Германцами на развалинахъ Римской Имперіи. „Какъ предводители Германцевъ, говорятъ эти писатели, дѣлили покоренныя земли въ видѣ добычи между своими спутниками, распредѣляя участки по мѣрѣ заслугъ или по степени сана, такъ и Рюрикъ раздавалъ своимъ единоземцамъ, искавшимъ счастія на чужбинѣ, города и волости: примѣру его слѣдовали Олегъ, Игорь, Святославъ.“ Мнѣніе едвали справедливое. Дружины Кловиса, Генгиста, Албоина и другихъ вождей Германскихъ, вторгались въ области Римскія не столько для своихъ предводителей, сколько для собственной пользы: пріобрѣтая мечемъ и кровью земли, города, сокровища, они дѣлили свою добычу, сообразно древнимъ уставамъ, по жребію: вождь получалъ свою часть, воины свою въ неотъемлемую собственность. Этотъ дѣлежъ служилъ основаніемъ Аллодіальной системы, изъ коей въ послѣдствіи возникла Феодальная. Совсѣмъ не то было въ нашемъ отечествѣ. Русскіе Князья, призванные Славянами властвовать, также привели съ собою дружину; но спутники ихъ не могли требовать отъ нихъ такой награды, на какую имѣли право Кловисовы Франки, Генгистовы Саксы: ибо Варяго-Руссы пришли съ Рюрикомъ не завоевателями. Правда Рюрикъ и Олегъ поручали города и волости своимъ единоземцамъ, но вѣро-

ятно потому, что испытанной преданности ихъ довѣряли болѣе, чѣмъ сомнительной покорности старѣйшинъ Славянскихъ, не лишая себя права располагать произвольно участками своихъ намѣстниковъ. Съ теченіемъ времени эти участки могли бы обратиться въ наслѣдственныя отчины и Феодальная система возникла бы въ нашемъ отечествѣ, если бы Рюриковы преемники были похожи на Хильпериковъ, Хильдериковъ, Дагобертовъ: Олегъ, Святославъ, Владиміръ не допустили развиться ни Аллодіальному, ни Феодальному праву такъ, что для выраженія понятій о ленахъ, феодахъ и аллодіяхъ, въ языкѣ нашихъ праотцевъ не сохранилось и словъ равносильныхъ. Отсутствіе подобныхъ словъ рѣшительнѣе всего свидѣтельствуетъ, что Феодальная система у насъ не существовала. Да и напрасно искать ея признаковъ въ нашемъ отечествѣ: она была не въ духѣ Норманновъ. Если единоземцы Рюрика Роллонъ, Гвискардъ установили въ Нормандіи и Неаполитанскомъ Герцогствѣ Феодальную систему; то это произошло отъ того, что задолго до нихъ она существовала во Франціи и въ Италіи: слѣдовательно они не принесли ея, а заимствовали у туземцевъ.

Удѣльная Система.

Справдливѣе скажемъ, что господство Норманновъ въ землѣ Славянской имѣло свой отличительный характеръ, принесенный ими изъ Скандинавіи. Въ Скандинавіи, раздѣленной на множество независимыхъ поколѣній, при всей привязанности

обитателей ея къ свободѣ личной, необузданной, искони господствовало право наслѣдственнаго первенства немногихъ фамилій, которыя возвышались надъ прочими благородствомъ предковъ, основаннымъ на славѣ оружія, на древности и знаменитости рода. Такія фамиліи были въ каждомъ поколѣніи Норманновъ, какъ въ древней Греціи до войны Троянской. Имъ принадлежала земля, въ коей они имѣли власть собирать дань, проиводить судъ и расправу. Власть ихъ, передаваемая изъ рода въ родъ, становилась неотъемлемою собственностію семейною. Въ ней участвовали всѣ члены фамиліи съ почетнымъ названіемъ *Конунговъ*, верховныхъ вождей въ битвахъ, главныхъ судей и правителей. Каждый сынъ Конунга былъ самъ Конунгъ, имѣлъ право на *Конунгаръ*, или на отдѣльный независимый участокъ, имѣлъ свой дворъ или дружину и господствовалъ самовластно; если же кому либо изъ сыновей не удавалось получить участка въ отцовскомъ наслѣдствѣ, онъ, не теряя имени Конунга, добывалъ себѣ удѣлъ силою оружія; велъ войну въ братьями, или пускался въ море для грабежа чуждыхъ странъ. Въ случаѣ пресѣченія одного рода, Конунгаръ переходилъ къ другому изъ той же фамиліи. Съ тѣми же понятіями о правѣ, объ исключительной власти одного семейства, объ участіи въ ней всѣхъ членовъ господствующаго рода, пришли Норманны и въ землю Славянскую. Благороднѣйшимъ ко-

лѣномъ Руссовъ было Рюриково: этому колѣну принадлежало исключительное право на властъ Конунга - Князя. Слѣдовательно правленіе, введенное Норманнами, было не Аллодіальное, ни Феодальное, а Удѣльное. Различіе ихъ еще болѣе объяснится въ послѣдствіи, при обозрѣніи событій по смерти Ярослава.

Два главныя преимущества принадлежали Князю: право верховнаго суда и право собирать дань. Судъ производилъ онъ или самъ или чрезъ своихъ посадниковъ, т. е. намѣстниковъ. Для сбора дани ежегодно объѣзжалъ свои области съ дружиною; требовалъ мѣховъ, хлѣба, меду, съ цѣлыми обозами припасовъ возвращался въ столицу и раздавалъ ихъ своей дружинѣ; но какъ сборъ дани не всегда могъ быть успѣшенъ или обиленъ, и Норманны не могли имъ довольствоваться, то Князь предпринималъ походы въ сосѣдственныя земли за добычею; изъ этого источника проистекали постоянныя войны Русскихъ Князей съ Византійскою Имперіею, которая изъ всѣхъ странъ обѣщала богатѣйшую добычу. Сверхъ того къ войнѣ увлекала ихъ и страсть къ битвамъ, доходившая у Норманновъ до фанатизма. Разсматривая съ этой точки краткія преданія Русскихъ лѣтописей о первомъ вѣкѣ нашего отечества, до введенія христіанской вѣры, изложимъ въ подробности постепенный ходъ событій. Князь.

Рюрикъ. 862-879.

21. Призванные союзомъ Славянъ, Кривичей, Чуди и Веси господствоватъ надъ ихъ страною, три брата Норманскіе Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ пришли въ новое отечество съ дружиною одноплеменниковъ и раздѣлили Русь, то есть подвластную имъ страну, на три удѣла: Рюрикъ утвердился въ Ладогѣ, Труворъ въ Изборскѣ (не далеко отъ Пскова), Сенеусъ на Бѣлѣозерѣ. Чрезъ два года младшіе братья умерли; старшій перенесъ свою столицу въ Новгородъ и сталъ властвоватъ одинъ, назначивъ посадниковъ или намѣстниковъ изъ своихъ единоземцевъ въ Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ. Слѣдовательно, хотя лѣтопись не говоритъ о воинскихъ дѣйствіяхъ его; но зависимость Полочанъ, Ростовцевъ и Муромцевъ, не участвовавшихъ въ призваніи Варяговъ, свидѣтельствуетъ, что Рюрикъ не измѣнялъ Норманскому характеру и успѣлъ разширить оружіемъ предѣлы Руси на юговостокъ до береговъ Оки, на югозападъ до Двины.

Въ тоже время два единоземца его Аскольдъ и Диръ, также отъ племени Русскаго, но вожди особенной дружины, не получивъ ни волости, ни города въ Русской землѣ, исключительно принадлежавшей Рюрику и дому его, съ согласія Князя отправились на югъ искать счастія въ Византійской Имперіи, гдѣ намѣревались вступить въ службу императорскую, по примѣру многихъ единоземцевъ своихъ. На пути по Днѣпру, они увидѣли Кіевъ, узнали, что жители его

платятъ дань Хазарамъ, успѣвшимъ покорить, кромѣ того, Вятичей, освободили Кіевъ отъ власти иноплеменниковъ и сами завладѣли имъ: ни Хазары, ни Поляне не въ силахъ были боротъся съ витязями Норманскими. Неожиданная удача перемѣнила ихъ прежнее намѣреніе: они рѣшились основать независимое Княжество и искать въ Греціи золота не службою, а оружіемъ; пустились на ладьяхъ въ Черное море, подступили къ Византіи и привели въ ужасъ Грековъ, которые видѣли въ нихъ враговъ не- 866.
побѣдимыхъ и не смѣли отразить ихъ оружіемъ. Буря спасла Византію: Русскія ладьи погибли въ волнахъ; Аскольдъ и Диръ съ трудомъ возвратились въ Кіевъ и приняли христіанскую вѣру, вѣроятно по убѣжденію Греческихъ миссіонеровъ, ревностно заботившихся въ то время о распространеніи св. религіи въ земляхъ полунощныхъ. Съ тѣхъ поръ Русь считалась въ числѣ Греческихъ эпархій. Такимъ образомъ въ Славянской землѣ возникли двѣ Русскія державы, изъ коихъ одна столицею имѣла Новгородъ, другая Кіевъ. Ихъ раздѣляли независимые Славяне — Кривичи и Сѣверяне. Но кажется, не взирая на отдаленность, Князь Новгородскій находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ владѣтелямъ Кіевскимъ. Вражда обнаружилась вскорѣ по смерти Рюрика, когда, за малолѣтствомъ сына его Игоря, въ права Великаго

Князя вступилъ Олегъ, Норманнъ и умомъ и душею.

Олегъ. 879-912.

22. Наслѣдовавъ отъ Рюрика страну суровую, необильную дарами природы, едвали вознаграждавшую Норманновъ за покинутую родину, Олегъ съ завистью смотрѣлъ на господство единоземцевъ своихъ въ Кіевѣ, гдѣ было болѣе удобствъ жизни и откуда такъ легко было ходить въ Грецію, искони извѣстную на сѣверѣ своимъ золотомъ, шелковыми тканями, роскошнымъ климатомъ, изнѣженностію народа. Онъ рѣшился переселиться на югъ. Первымъ дѣломъ его было овладѣть теченіемъ Днѣпра, служившаго путемъ въ богатую Грецію. Смоленскъ, главный городъ независимыхъ Кривичей, коего не могли взять Аскольдъ и Диръ, покорился Олегу; Любечь также. Въ Кіевѣ ожидала его упорная оборона двухъ витязей, не уступавшихъ ему въ искусствѣ воинскомъ и доказавшихъ свое мужество подъ стѣнами Византіи. Олегъ прибѣгнулъ къ хитрости, столь свойственной Норманнамъ: назвалъ себя купцомъ Варяжскимъ и требовалъ свиданія съ владѣтелями Кіева. Аскольдъ и Диръ встрѣтили его, какъ гостя: дружина Олегова немедленно окружила ихъ. „Вы не Князи, ни Бояре„ сказалъ имъ Олегъ, давая тѣмъ знать, что они не имѣли права господствовать независимо отъ Рюрикова дома; умертвилъ обоихъ, вступилъ въ Кіевъ

безъ сопротивленія и назвалъ его *матерью* городовъ Русскихъ, или столицею Руси.

Утвердившись въ Кіева, Олегъ безъ труда покорилъ Славянскія поколѣнія по Днѣпру и по впадающимъ въ него рѣкамъ: по Деснѣ Сѣверянъ, по Сожѣ Радимичей, по Горыни и Припяти Древлянъ; кромѣ того Лутичей и Тиверцевъ по Днѣстру и Бугу; Хорватовъ по восточнымъ отраслямъ горъ Карпатскихъ. Для обузданія ихъ, онъ бралъ тѣ же мѣры, коими Рюрикъ распространялъ свое господство на сѣверѣ: строилъ города или крѣпости, назначалъ въ посадники своихъ единоземцевъ и ходилъ съ войскомъ за данью. Славяне не въ силахъ были бороться съ неодолимыми завоевателями и тѣмъ охотнѣе признавали Олега Княземъ, что получали право участвовать въ его походахъ и въ добычѣ: ибо войско его состояло преимущественно изъ туземцевъ.

Но дань Славянскихъ народовъ не могла удовлетворить ни Олега, ни дружины его: онъ искалъ даровъ богатѣйшихъ, и увлекаемый предпріимчивымъ духомъ, рѣшился потревожить Грековъ. Всѣ подвластныя ему поколѣнія прислали свои дружины; 2000 судовъ, изъ коихъ каждое поднимало до 40 человѣкъ, спустились по Днѣпру въ Черное море; добрались до Босфора и явились подъ стѣнами Византіи, гдѣ 906.
укрывался Императоръ Левъ Философъ, не смѣя выступить съ войскомъ на встрѣчу врагамъ.

Греки заградили гавань цѣпью. Воины Олеговы вышли на берегъ и начали опустошать окрестности Византіи. Села запылали; увеселительные дворцы обратились въ пепелъ; самой столицѣ грозила опасность приступа. Дворъ Византійскій, привыкшій удалять враговъ не оружіемъ, а дарами, предложилъ ихъ и Олегу: онъ требовалъ по 12 гривенъ или по 6 фунтовъ серебра на человѣка. Какъ ни славились богатствомъ Греки, но заплатить 12.000 пудовъ серебра конечно было трудно; начались переговоры. Русскій Князь наконецъ согласился взять по 12 гривенъ на *ключь* (вѣроятно на извѣстное число воиновъ, составлявшее отдѣленіе или отрядъ), сверхъ того получилъ дары на часть посадниковъ своихъ въ Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ; условился о взаимныхъ выгодахъ торговыхъ, поклялся Перуномъ и Волосомъ въ ненарушимости мира и, повѣсивъ свой щитъ на вратахъ Царяграда, обремененный добычею, возвратился въ отечество. Баснословныя обстоятельства, коими преданіе украсило Греческій походъ Олеговъ, не взирая на молчаніе Византійскихъ писателей, рѣшительнѣе всего свидѣтельствуютъ успѣхъ набѣга Руссовъ на Византію: иначе современники не имѣли бы повода выдумывать ни шелковыхъ парусовъ, ни колесъ, на коихъ Русскія ладьи при попутномъ вѣтрѣ подкатились къ Царюграду. Дѣло въ томъ, что Олегъ воспользовался слабостію Имперіи и

возвратился съ богатою добычею. Народъ, встрѣчая своего Князя побѣдоноснаго, удивляясь сокровищамъ Греціи, и золоту, и шелковымъ тканямъ, и дарамъ благословеннаго климата, и произведеніямъ хитраго искусства, смотрѣлъ на Олега, какъ на чародѣя, и прозвалъ его *вѣщимъ* или мудрымъ.

Между тѣмъ Византійскій дворъ, двукратно испытавъ нашествіе Руссовъ, желалъ оградить себя отъ новыхъ вторженій и предложилъ Русскому Князю подтвердить миръ и дружбу письменнымъ договоромъ: Олегъ согласился, безъ сомнѣнія убѣжденный въ выгодахъ союза съ образованною Греціею для своего народа. Послы его явились въ Византію и тамъ въ Септябрѣ 911 года заключили трактатъ слѣдующаго содержанія: 1, съ обѣихъ сторонъ обязались сохранять миръ и дружбу на вѣчныя времена; 2, Руссамъ дозволено приходить въ Грецію для торговли и для службы Императорамъ; 3, въ случаѣ споровъ между частными лицами, Руссами и Греками, дѣло рѣшится по очевиднымъ доказательствамъ; при недостаткѣ ихъ, клятвою; 4, за смерть, смерть убійцѣ; если онъ скроется, родственники убіеннаго получаютъ законную часть изъ его имѣнія; 5, за ударъ мечемъ пеня 6 литръ серебра; 6, пойманный въ воровствѣ можетъ быть умерщвленъ на мѣстѣ преступленія; 7, за грабежъ виновный платитъ втрое; 8, выброшенныя бурею лодки на

Русскій или Греческій берегъ возвращаются хозяину; 9, плѣнники освобождаются; 10, бѣглые рабы Русскіе выдаются владѣльцамъ; 11, имѣніе Русса, умершаго въ Греціи безъ завѣщанія, возвращается въ его отечество.—Тѣсный союзъ съ Греками былъ послѣднимъ дѣломъ Олега, героя незабвеннаго въ нашей исторіи: ибо властвуя счастливо и мудро до самой кончины около 33 лѣтъ, онъ скрѣпилъ крѣпкими узами разсѣянныя поколѣнія Славянъ отъ Бѣлаозера до пороговъ Днѣпровскихъ, отъ истоковъ Оки до горъ Карпатскихъ, съ Норманскими пришельцами въ одинъ народъ Русскій.

Игорь. 912-945.

23. Игорь, сынъ Рюриковъ, по смерти Олега принявшій достоинство Великаго Князя, не наслѣдовалъ ни ума, ни счастія своего предшественника. Подданные вѣроятно знали его слабость: по крайней мѣрѣ немедленно по кончинѣ твердаго правителя, открылся мятежъ въ землѣ Древлянской; еще сподвижники Олеговы могли смирить непокорныхъ, послѣ долговременныхъ усилій; но въ слѣдъ за тѣмъ обнаружился раздоръ въ самой дружинѣ его: отдавъ платимую Древлянами дань любимцу своему Свѣнельду, онъ возбудилъ ропотъ и зависть въ другихъ вельможахъ.

Въ концѣ своей жизни, до старости не ознаменованной никакимъ замѣчательнымъ дѣломъ для внутренняго устройства, ни подвигомъ ратнымъ,

увлекаемый вѣроятно корыстолюбіемъ своей дружины, онъ нарушилъ договоръ Олега съ Греками и по примѣру его отправился къ Царюграду въ надеждѣ добычи. Нечаянный набѣгъ 941.
его заставилъ трепетать Императора Романа: Греческій флотъ въ то время сражался съ Сарацинами въ Средиземномъ морѣ; Византія оставалась безъ защиты. Руссы вышли на берегъ и около 3 мѣсяцевъ опустошали окрестности ея съ ожесточеніемъ: плѣнниковъ распинали или ставили цѣлью для стрѣльбы изъ луковъ; другимъ ломали составы, инымъ вбивали въ голову гвозди. Между тѣмъ подоспѣло на помощь столицѣ восточное войско; Руссы удалились на лодки и вступили въ морскую битву. Греческій огонь, истребляя суда Игоревы, казался воинамъ его небесною молніею. Одни изъ нихъ погибли въ волнахъ, другіе бросились на берега Виѳиніи; но встрѣченные здѣсь храбрымъ Вардою, были побиты наголову. Князь едва спасся съ немногими и ушелъ восвояси.

Желая отмстить Грекамъ за пораженіе, въ три года онъ успѣлъ собрать новое войско, призвалъ изъ за моря Варяговъ или Норманновъ и нанялъ Печенѣговъ. Сей дикій народъ, неизвѣстнаго племени, принадлежавшій къ многочисленному разряду степныхъ ордъ средней Азіи, до исхода IX столѣтія кочевалъ между Ураломъ и Волгою; бывъ выгнанъ изъ тамошнихъ степей другою сильнѣйшею ордою

Узовъ или Половцевъ, въ концѣ Олегова правленія онъ приблизился къ Русскимъ предѣламъ и занялъ все пространство отъ береговъ Дона до самой Алуты, облегая весь сѣверный берегъ Чернаго моря. Свирѣпостъ въ лицѣ, хищностъ и кровопійство отличали Печенѣговъ отъ прочихъ народовъ. Игорь, заключивъ съ ними союзъ, указалъ примѣръ самой бѣдственной политики: теперь онъ нанялъ ихъ, чтобы свирѣпствоватъ въ Имперіи; дадутъ имъ золото и Греки для отмщенія нашему отечеству, и около двухъ вѣковъ варвары будутъ терзать и Русь и Грецію. Многочисленную рать Игореву при устьяхъ Дуная встрѣтили Романовы послы съ обѣщаніемъ заплатитъ дань, какую взялъ нѣкогда Олегъ; между тѣмъ дарили Печенѣговъ и успѣли расторгнуть союзъ ихъ съ Русскимъ Княземъ; онъ взялъ предложенные дары и возвратился въ Кіевъ.

Византійскій дворъ спѣшилъ обязатъ преемника Олегова, какъ и прежде, письменнымъ договоромъ не тревожить Греціи. По желанію Императора, послы Игоревы явились въ Византіи и заключили мирный договоръ, отчасти подтвердивъ Олеговъ, отчасти дополнивъ его новыми статьями, не столь выгодными, какъ прежнія. Руссы клялись не нарушатъ дружбы, доколѣ сіяетъ солнце и міръ стоитъ; въ противномъ случаѣ, за вредные Грекамъ умыслы, обрекали своихъ единоземцевъ на вѣч-

ную гибель. Руссы, приходившіе въ Грецію, долженствовали предъявлять письменный видъ, чего прежде не требовалось; не всѣ имѣли право получать съѣстные припасы, вопреки договору Олегову, и не могли зимовать въ Греціи, какъ бывало прежде. Кромѣ того Великій Князь обѣщалъ отражать Болгаръ, безпокоившихъ область Херсонскую, и давать вспомогательное войско по требованію Императора. Всѣ эти условія явно клонились къ пользѣ Грековъ; Руссы, въ замѣнъ ихъ, не получали никакихъ выгодъ: самые дары, взятые Игоремъ, кажется, были незначительны.

По крайней мѣрѣ Великій Князь не могъ удовлетворить своей дружины Греческимъ золотомъ. Вельможи, завидуя Свѣнельду, говорили, что отроки его имѣютъ оружіе, одежду, а у нихъ нѣтъ ни того, ни другаго. Игорь пошелъ въ землю Древлянскую и собралъ дань для своей дружины вооруженною рукою; едва кончился поборъ, онъ пришелъ къ Древлянамъ вторично: жители главнаго города ихъ Коростена озлобились и умертвили Игоря, привязавъ его къ двумъ деревьямъ, которыя разорвали его на части. Древляне отложились отъ Кіева и провозгласили Княземъ своимъ Мала. Главою Руси остался сынъ Игоревъ, малолѣтній Святославъ.

24. По смерти Игоря, положеніе Руси было опасное. Малолѣтство преемника его, явное не- Ольга. 945-957.

согласіе дружины, мятежъ Древлянъ, сосѣдство хищныхъ Печенѣговъ, все это грозило сильными потрясеніями, среди коихъ могли погибнуть плоды ума Олегова; болѣе всего надлежало опасаться, что, по примѣру Древлянъ, и другіе Славянскіе народы захотятъ возвратить прежнюю волю. Мать Святославова, незабвенная въ нашихъ лѣтописяхъ Ольга, спасла юную Русь. Вопреки обычаю Славянъ, тѣмъ болѣе Норманновъ, присвоивъ верховную власть, она правила до совершеннолѣтія сына, съ рѣдкимъ по тогдашнему времени благоразуміемъ; не искала новыхъ завоеваній, но ревностно заботилась о внутреннемъ благоустройствѣ, о смягченіи нравовъ, о первыхъ основаніяхъ гражданскаго порядка, и приготовила умы народа къ принятію христіанской вѣры.

Древляне не долго считали себя независимыми: Ольга смирила ихъ местью ужасною, но безъ сомнѣнія справедливою и тѣмъ болѣе нужною, что подобныхъ волненій надлежало опасаться и въ другихъ областяхъ. Молва о мести и хитростяхъ Ольгиныхъ, описанныхъ въ лѣтописи съ баснословными подробностями, долженствовала оставить сильное впечатлѣніе въ современникахъ и лишить ихъ всякой надежды на успѣхъ борьбы съ Рюриковымъ домомъ.

Зная, что неопредѣлительность въ сборѣ дани была главною виною мятежа Древлянскаго, Ольга спѣшила установить лучшій порядокъ въ под-

властной ей странѣ: съ этою цѣлію, какъ заботливая хозяйка, она путешествовала по всему государству, раздѣляла землю на погосты и уроки, вѣроятно опредѣленные участки, учреждала порядокъ въ платежѣ дани, судѣ и расправѣ; строила мосты; улучшала состояніе городовъ. Не знаемъ въ подробности всѣхъ ея учрежденій; но они долженствовали быть весьма важны: ибо спустя сто лѣтъ, народъ съ благодарностію воспоминалъ объ ея путешествіи; самые Древляне, строго наказанные Великою Княгинею, знали, гдѣ она останавливалась и забавлялась охотою: а Псковитяне берегли даже сани ея, какъ драгоцѣнность.

Важнѣйшую услугу оказала Ольга своему народу принятіемъ христіанской вѣры въ Царѣградѣ. 957. Хотя она не успѣла крестить своихъ подданныхъ, но примѣръ ея, по всей вѣроятности, нашелъ многихъ подражателей, и въ послѣдствіи рѣшилъ недоумѣніе Владиміра. Христа Спасителя славили въ Кіевѣ еще прежде Ольги, вѣроятно со времен Аскольда и Дира; при Игорѣ тамъ находилась церковь св. Иліи Пророка; въ самой дружинѣ Великаго Князя были христіане. Мудрая Ольга легко могла убѣдиться въ ничтожествѣ идолопоклонства и въ святости христіанской вѣры; она крестилась въ Царѣградѣ въ 957 году. Императоръ Константинъ Багрянородный былъ воспріемникомъ ея отъ купели, а Патріархъ Поліевктъ

наставникомъ въ истинахъ христіанскихъ. Возвратясь въ отечество, Ольга желала озарить свѣтомъ религіи и народъ и сына, но безъ насильственныхъ мѣръ, къ коимъ никогда не прибѣгали наши Государи. Убѣжденія ея были тщетны: все зависѣло отъ Великаго Князя, который уже возмужалъ; Святославъ же, помышляя единственно о битвахъ и завоеваніяхъ, отвергалъ ученіе мира и любви и хотя не запрещалъ подданнымъ креститься, но принявшимъ христіанскую вѣру оказывалъ презрѣніе.

Святославъ. 957 - 972.

25. Святославъ былъ совершенный идеалъ Норманна. Лѣтописецъ описываетъ характеръ его такимъ образомъ: „Собравъ смѣлыхъ воиновъ, Князь стремился въ бранное поле съ быстротою легкаго барса; за нимъ не тянулись обозы съ котлами и яствами; онъ питался кониною и мясомъ дикихъ звѣрей, которое самъ жарилъ на угляхъ; не любилъ и шатровъ; спалъ подъ открытымъ небомъ; конскій потникъ растилалъ подъ собою, сѣдло служило ему изголовьемъ. Таковы были и всѣ воины его". Пятнадцатилѣтнее правленіе его было непрерывною цѣпью браней. Не одна корысть, главная пружина подобныхъ ему вождей, увлекала его въ отдаленныя земли: онъ искалъ не столько добычи, сколько славы, не менѣе корысти знакомой Норманнамъ, и каждый разъ, когда задумы-

валъ воевать съ сосѣдями, посылалъ вѣстника сказать имъ: „иду на васъ.“

Прежде всего онъ обратилъ оружіе на востокъ въ страну Славянскаго поколѣнія Вятичей, живших по Окѣ, и покорилъ ихъ. Хазары, считавшіе Вятичей своими данниками, хотѣли исторгнуть ихъ изъ власти Русскаго Князя, и самъ Каганъ вывелъ многочисленное войско: Святославъ разбилъ его наголову, овладѣлъ Саркеломъ или Бѣлою Вежею, крѣпостью, построенною Хазарами на берегахъ Дона, опустошилъ ихъ страну, простеръ свое оружіе до подошвы Кавказа; разбилъ тамъ Ясовъ и Касоговъ и утвердилъ господство Руссовъ на берегахъ Кубани. Потрясенная имъ Хазарская держава вскорѣ рушилась и была добычею Половцевъ.

Съ береговъ Кубани Святославъ перенесъ 967.
свое оружіе на берега Дуная въ Болгарію, куда звалъ его Императоръ Никифоръ Фока, въ отмщеніе Болгарскому Царю Петру, не согласившемуся признавать надъ собою верховную власть Византійскаго Государя и безпокоившему владѣнія его частыми набѣгами. Великій Князь съ радостію принялъ вызовъ Императора, посадилъ на суда до 60,000 молодыхъ воиновъ и явился въ устьяхъ Дуная: Петръ хотѣлъ отразить высадку; Святославъ разсѣялъ враговъ, овладѣлъ многими Болгарскими крѣпостями,

наконецъ и главнымъ городомъ Переяславцемъ (нынѣ Преслава на правомъ берегу Дуная).

Вѣсть о бѣдствіи отечества принудила Святослава выйти изъ Болгаріи: пользуясь отсутствіемъ его, Печенѣги обложили Кіевъ, гдѣ заключилась Ольга съ дѣтьми Великаго Князя Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Кіевляне, изнуренные голодомъ и жаждою, уже помышляли о сдачѣ: смерть или лютая неволя грозила Великой Княгинѣ и внукамъ ея. Къ счастію, Русскій вождь Претичь успѣлъ собрать слабую дружину въ окрестностяхъ и рѣшился спасти Княжеское семейство или умереть: при звукѣ трубъ онъ двинулся въ ладьяхъ по Днѣпру, прямо на враговъ, распустивъ слухъ, что за нимъ идетъ самъ Святославъ. Печенѣги оробѣли и удалились. Въ слѣдъ за тѣмъ прибылъ Великій Князь, настигъ свирѣпыхъ грабителей и прогналъ ихъ.

Но спокойная жизнь была для него несносна. „Не любо мнѣ въ Кіевѣ, говорилъ онъ матери и Боярамъ; хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тамъ *среда* земли моей: туда стекаются всѣ блага: отъ Грековъ золото, паволоки, вина, плоды; отъ Чеховъ и Угровъ (Венгровъ) серебро и кони; изъ Руси медъ и невольники." Ольга, лежавшая на одрѣ смертномъ, просила дождаться по крайней мѣрѣ ея кончины, и вскорѣ, по выраженію лѣтописи, угасла, какъ
969 денница предъ солнцемъ, какъ заря предъ свѣ-

томъ. Святославъ рѣшился исполнить свое намѣреніе, утвердить свою столицу въ Болгаріи. Отправляясь въ походъ, онъ раздѣлилъ Русь между сыновьями: Ярополку отдалъ Кіевъ, Олегу землю Древлянскую, Владиміру Новгородъ. 970.

Въ Болгаріи однакожь встрѣтили Святослава, какъ непріятеля; владѣтель ея поладилъ съ Византійскимъ Императоромъ, собралъ значительныя силы и не хотѣлъ отказаться отъ престола; соперники вступили въ кровопролитную битву близь Переяславца. Болгары одолѣвали. „Здѣсь намъ погибнуть, воскликнулъ Святославъ, ударимъ, братцы, дружно,“ и сломилъ враговъ. Столица Болгаріи взята приступомъ; прочіе города также заняты были Руссами.

Между тѣмъ въ Имперіи произошла важная перемѣна. Никифоръ Фока погибъ; Армянинъ Іоаннъ Цимисхій облекся порфирою. Въ его маломъ тѣлѣ заключалась сила исполина, соединенная съ рѣдкимъ искусствомъ; ни одинъ воинъ не металъ удачнѣе его ни стрѣлъ, ни копій; ни одинъ атлетъ не славился такою быстротою бѣга и такимъ мужествомъ: нерѣдко онъ одинъ врѣзывался въ толпу враговъ и сразивъ многихъ, возвращался къ своимъ невредимый; въ широкой груди его душа пылала славолюбіемъ героя. Такой Государь не могъ оставить Болгарію во власти Русскихъ. Цимисхій просилъ Святослава не тревожить ея, какъ

древней области Имперіи, и удалиться. Великій Князь отвѣчалъ, что онъ намѣренъ завоевать и Грецію. Отряды его уже начали появляться въ окрестностяхъ Адріанополя. Императоръ двинулъ всѣми силами Имперіи: призвалъ Азіатскіе легіоны, составилъ полкъ изъ храбрѣйшихъ витязей, назвавъ его безсмертнымъ, пріучилъ свое войско къ искуснымъ движеніямъ, и вскорѣ явился подъ стѣнами Переяславца, прежде, чѣмъ Великій Князь успѣлъ собрать свои дружины, разсѣянныя по городамъ. Вождь его Сфенкалъ оборонялъ столицу съ упорствомъ; Греки взяли ее приступомъ и осадили самого Святослава въ Доростолѣ. Одушевляемые примѣромъ Князя, Руссы неоднократно выходили изъ крѣпости, стремительно нападали на враговъ, сражались безъ отдыха по цѣлымъ днямъ, нѣсколько разъ приводили въ замѣшательство легіоны; но Цимисхій всегда одолѣвалъ многочисленностію войска, искусствомъ движеній, личною храбростію. Потерявъ главныхъ вождей, видя кругомъ себя немногихъ воиновъ, изнуренныхъ голодомъ, Святославъ созвалъ дружину на совѣтъ и хотѣлъ знать, на что думаетъ она рѣшиться. Одни предлагали заключить миръ съ Греками, другіе сѣсть на суда и отправиться восвояси. „Бѣгство не спасетъ насъ, сказалъ Святославъ, сразимся волею и неволею, да не посрамимъ земли Русской: мертвымъ срама нѣтъ. Станемъ крѣпко. Я иду предъ вами, и если

положу свою голову, промышляйте, какъ хотите.» «Гдѣ твоя глава ляжетъ, отвѣчали Руссы, тамъ и свои головы сложимъ.» Открылась послѣдняя отчаянная битва; долго она колебалась, доколѣ жестокая рана не принудила Святослава оставить поле сраженія. Утративъ большую часть войска, онъ предложилъ Цимисхію миръ, согласился оставить Болгарію, не тревожить Византійской Имперіи, и, утвердивъ дружбу личнымъ свиданіемъ съ Императоромъ, спѣшилъ возвратиться въ отечество. Греки дали знать Печенѣгамъ, кочевавшимъ при устьѣ Днѣпра, что Русскій Князь идетъ съ богатою добычею. Варвары заслонили ему путь; Святославъ 972.
хотѣлъ пробиться, но близъ пороговъ Днѣпровскихъ палъ въ сѣчѣ.

Вражда Святославичей. 972-980.

26. По смерти Святослава, Русь осталась раздробленною между его сыновьями, Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ, на три Княжества: Кіевское, Древлянское и Новгородское. Ярополкъ, какъ старшій въ родѣ, принялъ достоинство Великаго Князя, или главы семейства; но удѣлы братьевъ были ему не подвластны: каждый Князь, сообразно понятіямъ вѣка, считалъ свою область неотъемлемою собственностію. При независимости Князей, при воинственномъ духѣ Норманновъ, междоусобія были неминуемы. Дѣти Святославовы разсорились за его любимца и сподвижника: Князь Древлянскій

убилъ на охотѣ Свѣнельдова сына Люта; престарѣлый отецъ, сражавшійся подъ знаменами Игоря и героя Болгарскаго, неотступно требовалъ мести отъ Великаго Князя. Ярополкъ, въ наказаніе брату, хотѣлъ, кажется, лишить его Древлянской области; но судьба устроила иначе: побѣжденный въ битвѣ, Олегъ спасался бѣгствомъ въ городъ Овручъ; тѣснившіеся воины столкнули его съ мосту; тѣло его, раздавленное конями, едва могли отыскать подъ грудою мертвыхъ. Ярополкъ не желалъ смерти его и плакалъ надъ трупомъ брата; но по тогдашнему понятію о родовой мести, кровь требовала крови; союзъ родства былъ расторгнутъ. Младшій братъ, Владиміръ, смотрѣлъ на старшаго, какъ на врага своего рода, и считалъ своею обязанностію отмстить смерть брата смертью братоубійцы. Для вѣрнѣйшаго успѣха, онъ удалился за море къ Норманнамъ, въ два года собралъ многочисленную дружину и пришелъ въ Рускую землю съ явнымъ намѣреніемъ отмстить брату; прежде всего отнялъ у него невѣсту Рогнѣду, дочь Полоцкаго Князя Рогвольда, присвоившаго независимую власть надъ Полочанами; самого Рогвольда и дѣтей его умертвилъ; въ Полоцкѣ же утвердилъ свое господство. Ярополкъ, терзаемый совѣстію, не принималъ мѣръ къ сопротивленію; даже любимцы его держали сторону Владиміра; по совѣту одного изъ нихъ,

Блуда, онъ предался въ руки брата, который въ собственномъ теремѣ велѣлъ его умертвить.

27. По смерти Ярополка, оставшись единовластителемъ Руси, Владиміръ первые восемь лѣтъ своего правленія ознаменовалъ безпрестанными походами: смирялъ непокорныхъ Вятичей; обуздывалъ Радимичей, ходилъ въ нынѣшнюю Галицію, гдѣ овладѣлъ Перемышлемъ и другими независимыми городами Червенскими, истреблялъ хищныхъ Ятвяговъ, Латышское поколѣніе при верховьяхъ Нѣмана, бралъ дань съ единоплеменныхъ имъ обитателей нынѣшней Лифляндіи; господствовалъ надъ Полочанами, переносилъ свое оружіе на самую Волгу, гдѣ бился съ Камскими Болгарами, единоплеменниками Болгаръ Дунайскихъ; кромѣ того велъ безпрерывную войну съ Печенѣгами. Слѣдствіемъ походовъ его, увѣнчанныхъ побѣдами, было новое расширеніе предѣловъ Руси, преимущественно на западѣ до нынѣшняго Люблина, Бреста, Гродна и Дерпта. Торжествуя побѣды, Владиміръ изъявлялъ живѣйшее усердіе къ богамъ своихъ предковъ; строилъ капища, воздвигалъ кумиры и приносилъ людей въ жертву идоламъ. Между тѣмъ въ судьбѣ Руси готовилась великая перемѣна. Чтобы вполнѣ понять всю важность этой перемѣны, бросимъ взглядъ на состояніе нашего отечества предъ введеніемъ Христіанской вѣры. Владиміръ. 980-1014.

Русь въ 988. 28. Русская земля простиралась отъ истоковъ Вислы до устья Оки, отъ Ладожскаго озера до пороговъ Днѣпровскихъ. Обитатели ея, имѣя общее названіе Руссовъ, состояли изъ трехъ главныхъ разноплеменныхъ народовъ, изъ Славянъ, Финновъ и Норманновъ: первые занимали все пространство отъ истоковъ Вислы до береговъ Оки, отъ Ильменя до пороговъ Днѣпровскихъ; вторые жили къ востоку отъ нихъ за Волгою и Окою; Норманны, господствуя надъ обоими племенами, составляли вмѣстѣ съ ними одинъ народъ Русскій. Самое многочисленное племя было Славянское; его языкъ, правы и обыкновенія господствовали въ Русской землѣ; различіе между Славянами и поселившимися среди ихъ Норманнами, столь замѣтное при первыхъ Князьяхъ, стало исчезать уже при внукѣ Рюриковомъ, Святославѣ, первомъ Князѣ Славянскаго имени. При Владимірѣ оно еще болѣе ослабѣло: всѣ почти дѣти его имѣли Славянскія имена; первый вельможа и пестунъ его, Добрыня, былъ Славянинъ; всѣ подданные его были Руссы; при всемъ томъ оно не могло совершенно искорениться: его поддерживали новыя толпы Норманновъ, охотно приходившія въ Русскую землю: они приносили съ собою свой языкъ, свою вѣру, свой образъ жизни, и не допускали единоплеменниковъ своихъ до рѣшительнаго сліянія съ туземцами.

Удѣльное право.

Предѣлы Русской земли означились; Русскій народъ возникъ; но еще не рѣшенъ былъ вопросъ, долженъ ли онъ составлять одно цѣлое, или раздѣлиться на нѣсколько частей самостоятельныхъ. Введенная Норманнами система господства, имѣя основаніемъ право удѣльное, клонилась болѣе къ раздробленію Русской земли на нѣсколько государствъ независимыхъ, чѣмъ къ соединенію ихъ въ одну державу. Каждый сынъ Великаго Князя былъ Князь по рожденію и имѣлъ право на удѣлъ, долженствовавшій оставаться отчиною или собственностію его потомковъ. Уже Рюрикъ долженъ былъ раздѣлить земли призвавшихъ его народовъ на три участка. Игорь правилъ Русью одинъ, потому что у него не было братьевъ; Святославъ тоже; по смерти его Русь опять раздробилась между его сыновьями на три удѣла; гибель Олега и Ярополка соединила ее подъ власть одного Владиміра, который готовился снова раздробить ее. Такой порядокъ престолонаслѣдія не могъ разорвать Русской земли въ послѣдствіи, когда Ярославъ опредѣлилъ взаимныя отношенія Князей, и установились лучшія понятія о правахъ верховной власти. Но теперь этихъ условій еще не было. Самое кровное родство, при необузданности страстей, при суровости нравовъ, было слабымъ залогомъ единства Руси. Междоусобіе дѣтей Святославовыхъ доказало, отъ какихъ ничтожныхъ случаевъ могла возгорѣться вражда

между братьями и какъ непримиримы были ихъ распри.

Право дани. Отношенія Князей къ подданнымъ не могли благопріятствовать смягченію нравовъ. Ни тѣ, ни другіе не имѣли ясныхъ понятій о цѣли гражданской жизни. Князья искали въ подвластныхъ имъ земляхъ только дани и дружинъ; брали все, что могли, не заботясь о внутреннемъ устройствѣ, и скликали подъ свои знамена ратниковъ, съ коими ходили въ чуждыя страны, также за добычею. Покоренные оружіемъ ихъ народы повиновались имъ до тѣхъ только поръ, доколѣ видѣли невозможность сопротивленія; но смотрѣли на господство Князей, какъ на иго, и ловили каждый случай, чтобы избавиться отъ него. Малѣйшая слабость Великаго Князя, неудача его походовъ, семейная распря, все влекло за собою неминуемое возстаніе то въ томъ, то въ другомъ поколѣніи. Древляне едва не отдѣлились отъ Кіева, по смерти Игоря; Полочане уже не признавали власти Святослава; Радимичи, Вятичи искали независимости во время междоусобія дѣтей его.

Право мести. Духъ раздора господствовалъ и въ частной жизни. Основаніемъ ея было право личной и родовой мести. «Кровь за кровь, смерть за смерть» гласилъ законъ Русскій. Родственники убіеннаго или обиженнаго мстили не только виновному лицу, но и всему семейству его. Легко вообразить, какъ неизсякаемы были источники рас-

прей и какъ непримирима была вражда, когда самый ничтожный случай могъ вооружить многія семейства одно противъ другаго. Право личной и родовой мести замѣтно въ договорахъ Олега съ Греками, которые, заключая съ нимъ дружбу, непремѣннымъ условіемъ мира постановили, что жена злодѣя не должна быть наказываема вмѣстѣ съ мужемъ, и что если виновный въ легкомъ проступкѣ не можетъ вознаградить обиженнаго всѣмъ имуществомъ, то клятва его прекращаетъ дальнѣйшую расправу. Самое разительное доказательство, что это право господствовало въ Руси, есть смерть Ярополка: Владиміръ считалъ кровь старшаго брата необходимою для успокоенія тѣни младшаго и безъ сомнѣнія съ чистою совѣстію совершилъ братоубійство.

Такимъ образомъ, хотя преемники Рюрика успѣли завязать первый узелъ общественный; но Русь, какъ государство, еще не окрѣпла въ своемъ основаніи: право удѣльное разрывало ее на части; право безусловной дани ослабляло союзъ между Князьями и подданными; право родовой мести замедляло развитіе гражданской жизни. Юная Русь легко могла разрушиться и исчезнуть, такъ точно, какъ возникали и исчезали прежде ея союзы народовъ Скиѳскихъ, о коихъ упоминаютъ древніе писатели. Казалось, ей не льзя было миновать этой участи. Самъ Владиміръ готовилъ ее въ жертву безначалія: имѣя

10 сыновей еще юныхъ, онъ ожидалъ только ихъ возраста, чтобы раздробить свою державу, сообразно понятіямъ вѣка. Слѣдствія можно было предвидѣть: Кіевскому престолу надлежало пасть; узы государства должны были расторгнуться, и скорѣе, чѣмъ въ полвѣка, тамъ гдѣ властвовали Олегъ, Святославъ, Владиміръ, могли явиться независимые Кацики, какъ было до пришествія Норманновъ. Одно средство могло спасти Русь отъ вѣрнаго разрушенія: надобно было познакомить преемниковъ съ лучшими понятіями о власти, ослабить въ нихъ врожденную страсть къ войнѣ и смягчить полудикіе нравы подданныхъ гражданскими уставами. Владиміръ едвали помышлялъ о томъ, что онъ готовилъ своему отечеству, и чѣмъ могъ отстранить отъ него ударъ сокрушительный: по крайней мѣрѣ первыя дѣла его свидѣтельствуютъ, что онъ не заботился о внутреннемъ устройствѣ. Сынъ необузданнаго завоевателя, онъ хотѣлъ подражать отцу и быть ужасомъ сосѣдей; не зналъ иныхъ удовольствій, кромѣ нѣги сладострастія, и стольже мало, какъ его праотцы, возносился надъ понятіями вѣка: обагрялъ жертвенники идоловъ кровію человѣческою и въ собственномъ теремѣ допустилъ совершиться, необходимому въ его глазахъ, братоубійству. Но Провидѣніе пеклось о Русской землѣ: обрекая свою державу на разрушеніе, Владиміръ въ тоже время далъ ей непоколебимую основу, соединилъ многочисленныя поколѣ-

нія неразрывными узами и указалъ вѣрный путь къ гражданственности: въ 988 году онъ принялъ со всѣмъ народомъ христіанскую вѣру.

IV. Введеніе христіанской вѣры. ¹)

29. Евангеліе, подтверждая всеобщія истины здраваго смысла, проповѣдуя чистѣйшую нравственность, безъ противорѣчія, безъ перерывовъ, изображая въ Верховномъ Существѣ не карателя смертныхъ, но безпредѣльную благость, любовь и надежду, вездѣ и всегда приносило человѣку даръ, коего никакая мудрость смертнаго замѣнить не можетъ: смягчивъ сердце, озаривъ умъ, давъ просторъ всѣмъ благороднѣйшимъ способностямъ души, оно пробуждало въ народахъ стремленіе къ миру и общежитію, соединяло ихъ въ благоустроенныя общества и утверждало гражданственность на прочныхъ основаніяхъ. Плоды христіанства вездѣ были одни и тѣже, съ тѣмъ только различіемъ, что въ иныхъ странахъ созрѣвали рано и спокойно, въ другихъ поздно, среди жестокихъ потрясеній, смотря по тому, какъ внѣдрялись сѣмена св. Вѣры. Отъ перваго посѣва, Вліяніе св. вѣры.

¹) Русскія Лѣтописи. Сказанія Дитмара, Кедрина и др.

отъ средствъ, коими дѣйствовали сѣятели, зависѣла участь и Исторія народа. Слѣдовательно, для истиннаго понятія о вліяніи христіанской вѣры на Русскій народъ, должно предварительно разсмотрѣть, какимъ образомъ она водворилась въ нашемъ отечествѣ.

Крещеніе Руси.

30. Несторъ, имѣвшій всѣ средства узнать отъ внуковъ Владимірова поколѣнія главныя обстоятельства крещенія Руси, передалъ потомству слѣдующія свѣдѣнія:

„ Въ 987 году Владиміръ, созвавъ Бояръ и Старѣйшинъ, говорилъ имъ, что приходили къ нему Болгары и совѣтовали принять свой законъ; что Нѣмцы также хвалили свою вѣру; за ними Евреи, наконецъ Греки; что послѣдніе порицали всѣ иные законы, признавая одну свою вѣру истинною, и разсказывали много удивительнаго о сотвореніи міра, о судьбѣ перваго человѣка, о будущей жизни, о блаженствѣ людей праведныхъ, о вѣчной мукѣ грѣшныхъ. Бояре и Старцы отвѣчали, что всякъ свое хвалитъ, а не порицаетъ, что у Князя довольно людей разумныхъ: пусть пошлетъ испытать, чья вѣра лучше. Владиміръ послѣдовалъ ихъ совѣту и отправилъ десять мужей смышленыхъ и добрыхъ, узнать, кто лучше всѣхъ покланяется Божеству, сперва въ Болгарію, признававшую Магомета, потомъ въ Нѣмецкую землю, подвластную Папѣ, наконецъ

въ Грецію. Императоры Византійскіе Василій и Константинъ, узнавъ причину прибытія Русскихъ пословъ, были весьма рады, приняли ихъ съ честію и велѣли Патріарху совершить торжественную службу, сказавъ: „ да видятъ Руссы славу Бога нашего.“ Изумленные великолѣпіемъ Греческаго богослуженія, они были въ восторгѣ. По возвращеніи ихъ, Князь созвалъ Бояръ и Старцевъ: послы разсказывали Князю и его дружинѣ, что въ Болгаріи люди покланяются въ капищахъ, печальныхъ, смрадныхъ; что въ храмахъ Нѣмецкихъ обрядовъ много, но мало величія; въ Греціи же, когда послы вступили въ храмъ, не знали, гдѣ они, на небѣ или на землѣ, что на землѣ нѣтъ такой красоты, такого величія, что въ Греческихъ храмахъ присутствуетъ самъ Богъ; и какъ всякій человѣкъ, вкусивъ сладкое, не хочетъ горькаго, такъ и они, узнавъ вѣру Грековъ, не могутъ служить богамъ своимъ. Бояре и Старцы сказали Владиміру, что если бы вѣра Грековъ была не лучшая, не приняла бы ея бабка Великаго Князя Ольга, мудрѣйшая изъ людей. Владиміръ изъявилъ желаніе креститься, не зналъ только гдѣ.

„ На другой годъ послѣ этого совѣщанія, Великій Князь пошелъ съ войскомъ въ Тавриду и осадилъ Греческій городъ Херсонъ (въ 2 верстахъ отъ нынѣшняго Севастополя). Жители оборонялись упорно. Владиміръ велѣлъ

дѣлать насыпь близъ городской стѣны, чтобы влѣзть на стѣны; осажденные посредствомъ тайнаго подкопа уносили землю. Усердіе одного Грека помогло ему: нѣкто Анастасъ бросилъ къ осаждающимъ стрѣлу съ запискою, что на востокъ отъ Русскаго стана есть колодези, изъ коихъ вода течетъ въ городъ подземнымъ каналомъ, что Русскіе, перенявъ ее, овладѣютъ городомъ. Владиміръ, давъ обѣтъ принять святое крещеніе, если покоритъ Херсонъ, перекопалъ трубы; вода остановилась; томимые жаждою, Греки сдались. Побѣдитель велѣлъ объявить Императорамъ Василію и Константину, что онъ требуетъ руки сестры ихъ Царевны Анны; если же получитъ отказъ, столицѣ ихъ не миновать той же участи, какая постигла Херсонъ. Изумленные Императоры отвѣчали, что христіанка не можетъ быть супругою язычника; принявъ же святое крещеніе, Владиміръ и руку Царевны получитъ и въ Царство небесное внидетъ; иначе сестры своей не отдадутъ. Князь увѣрялъ Греческихъ пословъ, что онъ любитъ Греческую вѣру, уже давно испытавъ ее, и согласенъ быть христіаниномъ; ждетъ только Царевны и священниковъ, чтобы креститься. Братья съ трудомъ уговорили сестру быть избавительницею Имперіи отъ лютыхъ завоевателей. Съ ужасомъ и скорбью она отправилась въ Херсонъ. Между тѣмъ Владиміръ

разболѣлся такъ, что ничего не могъ видѣть. Прибывшая Царевна совѣтовала ему креститься, увѣряя въ немедленномъ облегченіи. Онъ согласился. Едва исполнился обрядъ св. крещенія и Епископъ возложилъ на него руку, Великій Князь прозрѣлъ и воскликнулъ съ восторгомъ: „Наконецъ увидѣлъ я Бога истиннаго.“ Дружина послѣдовала его примѣру. Брачное торжество не замедлило совершиться.

„Просвѣщенный ученіемъ христіанскимъ, Владиміръ построилъ церковь въ Херсонѣ, тамъ, гдѣ Греки ссыпали землю, уносимую во время осады, возвратилъ городъ Императорамъ и сопровождаемый супругою, Анастасомъ, Херсонскими священниками, спѣшилъ возвратиться въ отечество, взявъ съ собою мощи св. Климента и Фива, иконы, сосуды и проч. Прибывъ въ Кіевъ, онъ велѣлъ истреблять кумиры; одни изъ нихъ были изрублены, другіе сожжены; а Перуна, главнаго идола, приказалъ привязать къ хвосту конскому и бросить въ Днѣпръ; народъ, огорченный поруганіемъ боговъ своихъ, разставался съ ними, проливая слезы, но противиться не дерзнулъ. Послѣ того, Владиміръ объявилъ, чтобы всѣ жители, богатые и убогіе, собирались на берегъ Днѣпровскій для принятія крещенія; если же кто не явится, тотъ будетъ ему противенъ. Кіевляне не прекословили, разсуждая, что если бы новая вѣра была не добрая, Князь и Бояре не приня-

ли бы ея. Въ назначенный день безчисленное множество людей обоего пола стеклось на берегъ Днѣпровскій, и когда явился Владиміръ съ супругою и священниками, весь народъ погрузился въ воду: одни до персей, другіе по самую шею; взрослые держали младенцевъ. Таинство св. крещенія совершилось. Въ этотъ день, говоритъ лѣтопись, земля и небо ликовали. Послѣ того Великій Князь велѣлъ построить церкви, тамъ, гдѣ стояли кумиры, какъ въ Кіевѣ, « такъ въ другихъ городахъ и селахъ. Св. вѣра озарила всю Русскую землю."

Сказаніе Нестора несомнительно въ двухъ главныхъ обстоятельствахъ, болѣе всего важныхъ для Исторіи, именно въ томъ, что въ половинѣ X вѣка Владиміръ принялъ со всѣмъ народомъ своимъ христіанскую вѣру отъ Грековъ, содѣйствіемъ Греческой Царевны Анны, бывшей непремѣннымъ условіемъ его крещенія, и что св. религія водворилась въ нашемъ отечествѣ мирно, безъ явнаго насилія, безъ упорной борьбы съ язычествомъ. Въ истинѣ перваго событія удостовѣряетъ свидѣтельство современныхъ писателей Греческихъ, Нѣмецкихъ, Арабскихъ, согласныхъ съ Несторомъ если не въ подробностяхъ, по крайней мѣрѣ въ главномъ обстоятельствѣ. Истину втораго событія подтверждаетъ, — кромѣ молчанія нашихъ лѣтописей, о борьбѣ христіанства съ язычествомъ, чего онѣ безъ сомнѣнія не

утаили бы, чтобы тѣмъ разительнѣе показать святость торжествующей религіи,-состояніе Руси въ XII вѣкѣ при внукахъ Владиміра, когда во всѣхъ областяхъ, подвластныхъ его дому, обнаруживаются очевидные признаки исключительнаго господства христіанской вѣры, между тѣмъ, какъ слѣдовъ идолопоклонства вовсе не замѣтно.

31. Считая излишнимъ и едва ли возможнымъ объясненіе вопроса, что побудило Владиміра оставить вѣру предковъ, и для чего онъ воевалъ съ Византіею, коей дружба была для него необходима, обратимъ вниманіе на обстоятельства, благопріятствовавшія мирному и съ тѣмъ вмѣстѣ быстрому распространенію христіанской вѣры въ Русской землѣ. Они могли быть слѣдующія: Прич. быстр распр. св. вѣры.

Славяне язычники и слившіеся съ ними Норманны, вѣря въ бытіе Верховнаго Міроправителя, въ провидѣніе, въ безсмертіе души, не успѣли однакожь, подобно Эллинамъ, составить стройной, разнообразной системы многобожія: слѣдовательно не находя въ вѣрѣ праотцевъ удовлетворительнаго рѣшенія многихъ загадокъ, раждающихся въ умѣ самаго грубаго человѣка, о смерти, о будущей жизни, о добродѣтели и порокѣ, охотно разставались съ скудною своею миѳологіею, когда услышали голосъ истины, столь понятный здравому, свѣт- Недостат. миѳологіи.

лому смыслу, коимъ искони отличался народъ Русскій. Надобно было только вразумить ихъ въ св. Писаніе.

Благораз. миссіонер.

Къ величайшему счастію, они приняли Евангеліе не изъ Рима, а изъ Византіи. Латинскіе миссіонеры не обращали ни одного народа въ христіанскую вѣру, не вооруживъ противъ себя язычниковъ, и съ величайшимъ трудомъ, при неимовѣрныхъ усиліяхъ, достигали своей цѣли. Обыкновенно въ каждой странѣ, гдѣ они проповѣдывали ученіе Христово, ихъ встрѣчали какъ непримиримыхъ враговъ; въ отечествѣ древнихъ Саксовъ, въ землѣ Славянъ западныхъ, въ Швеціи, въ Пруссіи, въ Ливоніи, не говоря уже объ Америкѣ, они вступали въ жестокую борьбу съ туземцами и не рѣдко гибли отъ ярости озлобленнаго народа. Виною тому былъ не столько упорный нравъ туземцевъ, сколько самый образъ проповѣди: съ Латинскою библіею въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой, приходили къ нимъ Римскіе монахи, сопровождаемые нерѣдко войскомъ, совершали непонятные для язычниковъ обряды, на чуждомъ нарѣчіи, требовали себѣ десятины или десятой части всего имущества ихъ и безусловнаго повиновенія Римскому первосвященнику; встрѣчали, разумѣется, всеобщій ропотъ; начиналась борьба; пришельцы или гибли сами, или одолѣвали язычниковъ оружіемъ. Такъ дѣйствовали они, при Карлѣ Великомъ и Оттонахъ, въ землѣ Саксовъ и за-

падныхъ Славянъ; такъ исчезли въ религіозной борьбѣ цѣлыя племена Пруссовъ и Ливонцевъ. Вотъ, почему Трирскій монахъ Адалбертъ, присланный Оттономъ 1 при св. Ольгѣ крестить Русскую землю, едва спасся отъ ярости озлобленныхъ Руссовъ. — Иначе проповѣдывали Христово ученіе Греческіе миссіонеры: постигая простую истину, что въ дѣлахъ совѣсти необходимо убѣжденіе, а не насиліе, они всегда заботились о переводѣ св. Писанія на языкъ понятный для тѣхъ народовъ, коихъ желали обратить въ христіанскую вѣру, и далеко превосходя Латинскихъ монаховъ умомъ гибкимъ, вкрадчивымъ, краснорѣчіемъ увлекательнымъ, самою чистотою нравовъ, пріобрѣтали довѣренность полудикихъ народовъ и безъ труда озаряли ихъ свѣтомъ истины. Такъ при содѣйствіи Грековъ, Библія была переведена на языки Готѳскій, Сирскій, Еѳіопскій, Армянскій. Они же переложили ее и на Славянскій, слишкомъ за сто лѣтъ до крещенія Владиміра, трудами братьевъ Кирилла и Меѳодія, ученыхъ мужей, родомъ изъ Ѳессалоники.

Переводъ Библіи.

Присланные Греческимъ Императоромъ Михаиломъ въ Моравію, по просьбѣ тамошнихъ Князей Ростислава, Святополка и Коцела, для утвержденія христіанской вѣры, въ чемъ не могли успѣть Латинскіе миссіонеры, Кириллъ и Меѳодій прежде всего приняли на себя трудъ перевести Библію и церковныя книги на языкъ

Bayerische Staatsbibliothek MÜNCHEN

Славянскій, бывъ убѣждены, что самая лучшая проповѣдь есть Евангеліе, когда только истины его будутъ внятны народу. Важныя препятствія ожидали ихъ въ этомъ великомъ дѣлѣ: Славянской грамоты еще не было; самый языкъ, выражая мысли народа грубаго, едва знакомаго съ понятіями гражданскими, казалось, не могъ передать всѣ красоты Греческаго языка, столь богатаго словами, столь разнообразнаго оборотами. Благочестивая ревность проповѣдниковъ указала имъ средства преодолѣть то и другое препятствіе. Они составили Славянскую азбуку, принявъ за основаніе Греческую, съ дополненіемъ изъ Еврейской и Армянской такихъ буквъ, которыя выражали звуки несвойственные Грекамъ. По совершеніи этого труда, приступили къ переводу св. Писанія. Избранное ими нарѣчіе, по мнѣнію однихъ писателей, было Чешское или Богемское, по мнѣнію другихъ смѣшанное изъ Болгарскаго, Сербскаго и Македонскаго. Оба эти мнѣнія едвали справедливы: по всей вѣроятности, переводчики держались не частнаго какого либо нарѣчія, а общаго языка Славянскаго, который хотя могъ раздѣляться на многія отрасли, но еще не представлялъ такого различія въ своихъ нарѣчіяхъ, какое видимъ нынѣ; онъ былъ одинъ для всей земли Славянской. Блестящій успѣхъ увѣнчалъ труды Кирилла и Меѳодія: въ короткое время они переложили на

Славянскій языкъ весь кругъ церковныхъ 863.
книгъ, употребляемыхъ при Богослуженіи. Общій голосъ свидѣтельствуетъ, что ни одинъ изъ Европейскихъ народовъ не имѣетъ столь вѣрнаго, точнаго перевода Библіи, какъ Славяне. Не только смыслъ, самыя оттѣнки слога, величественная простота, торжественность св. Писанія, все это передано съ удивительною точностію. Естественно раждается вопросъ, какимъ образомъ успѣли переводчики выразить высокія, нерѣдко отвлеченныя истины Евангельскія, языкомъ народа грубаго, не простиравшаго понятій далѣе своего стада, плуга, или хищнаго набѣга? Трудно рѣшить этотъ вопросъ; не льзя однакожь не замѣтить, что въ самомъ языкѣ Славянскомъ они могли найти пособіе къ преодолѣнію многихъ препятствій: служа орудіемъ къ выраженію мыслей народа, всегда отличавшагося умомъ свѣтлымъ, смысломъ здравымъ, рѣдкою смѣтливостію, языкъ Славянскій даже въ грубомъ состояніи имѣлъ свойственное ему логическое устройство, соединенное съ гибкостію и разнообразіемъ оборотовъ. Умные переводчики постигли его таинства, смѣло составляли новыя выраженія, изобрѣтали новыя формы, новыя окончанія, созидали языкъ, но языкъ Славянскій, правильный, въ коемъ не было ни чуждыхъ звуковъ, ни чуждыхъ оборотовъ, исключая развѣ не многихъ случаевъ; все новое было извлечено изъ его же основныхъ началъ и ознамено-

вано свойственнымъ ему характеромъ. Этотъ переводъ св. Писанія, составленный для Моравовъ, бывъ введенъ въ Русскую землю вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, рѣшительнѣе всего могъ благопріятствовать распространенію св. ученія въ нашемъ отечествѣ.

Примѣръ св. Ольги.

Имѣя въ рукахъ столь вѣрное средство къ объясненію христіанскаго вѣроисповѣданія, Греческіе миссіонеры, коихъ имена, исключая одного Анастаса, къ сожалѣнію неизвѣстны, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ могли дѣйствовать въ Русской землѣ, что тамъ умы давно были приготовлены: въ Кіевѣ еще при Игорѣ была церковь св. Иліи Пророка; въ самой дружинѣ Владимірова дѣда находились многіе христіане; въ особенности примѣръ Ольги не могъ не оставить сильнаго впечатлѣнія въ народѣ, признававшемъ ее мудрою.

Ревность Владиміра

Много могъ содѣйствовать имъ и самъ Владиміръ. По достовѣрному сказанію лѣтописи, послѣ крещенія онъ преобразился въ иного человѣка: бывъ язычникомъ, онъ безжалостно истребилъ семейство Рогвольда, обагрилъ руки въ крови брата, приносилъ въ жертву идоламъ людей; ставъ христіаниномъ, онъ до того умягчился душею, что самыхъ злодѣевъ не хотѣлъ казнить смертью и изъявлялъ живѣйшее усердіе къ Богу христіанскому: строилъ во славу Его, при пособіи Греческихъ художниковъ, великолѣпные храмы, изъ коихъ наиболѣе досто-

памятна церковь Десятинная, велѣлъ учить отроковъ грамотѣ и возвысилъ санъ духовный въ глазахъ народа, предоставивъ въ вѣдѣніе служителей церкви браки, разводы, несогласія между родителями и дѣтьми, церковную татьбу, непристойные поступки и проч. Кромѣ того, немедленно по принятіи христіанской вѣры, онъ поручилъ своимъ дѣтямъ въ управленіе города и области, давъ имъ въ совѣтники людей, усердныхъ къ христіанству.

32. При такомъ стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, св. вѣра, согласно съ преданіемъ Нестора, мирно водворилась въ нашемъ отечествѣ, какъ благодать Неба, быстро озарила всю Русь и принесла плоды вожделѣнные. Слѣдствія.

Вѣра во Христа Спасителя, имѣя основаніемъ миръ, любовь и надежду, долженствовала неминуемо смягчить нравы, обуздать страсти, ослабить право родовой мести, которое иначе могло быть весьма пагубно, при господствѣ удѣльнаго права.

Кромѣ того сильнѣе языка, самыхъ кровныхъ узъ родственныхъ, соединяя людей тѣсными узами единовѣрія, она сроднила побѣдителей съ побѣжденными, уничтожила между ими различіе, и рѣшительнѣе всѣхъ уставовъ содѣйствовала къ сліянію разноплеменныхъ обитателей Руской земли въ одинъ народъ, въ одно общество гражданское, коему она внушила ясныя поня-

тія о будущей жизни, о добродѣтели, о необходимости закона, верховной власти, т. е. о такихъ условіяхъ, кои служатъ стихіями государственнаго благоустройства.

Эти плоды были неминуемымъ слѣдствіемъ свойства самой религіи, и Русь раздѣляла ихъ со всею Европою, обязанною единственно христіанской вѣрѣ перевѣсомъ своимъ надъ прочими частями свѣта на поприщѣ гражданственности и образованности. Вмѣстѣ съ тѣмъ христіанство принесло нашему отечеству другія выгоды, коихъ не имѣла западная Европа и кои были слѣдствіемъ крещенія Владиміра по Греческому закону: сроднивъ Русь съ Греціею и отдаливъ ее отъ Рима, вѣра даровала нашему отечеству особенное, самобытное направленіе и образовала изъ него міръ отдѣльный, отличный отъ міра западнаго въ главныхъ условіяхъ государственныхъ, въ устройствѣ Іерархіи, въ кругѣ дѣйствій власти свѣтской и духовной, въ связяхъ внѣшней политики и во всѣхъ учрежденіяхъ внутреннихъ. Ниже увидимъ, что со временъ Ярослава, Русское духовенство находилось въ самыхъ благопріятныхъ отношеніяхъ къ верховной власти, и отечество наше не испытало тѣхъ бѣдствій, кои были удѣломъ западной Европы, подвластной Римскому первосвященнику. Тѣсная связь съ Греціею принесла намъ и другую важную выгоду: мы получили изъ Греціи многообразныя свѣдѣнія, столь

плодотворныя при первомъ развитіи ума гражданскаго.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Греки, давъ намъ переводъ св. Писанія на языкѣ народномъ, доставили величайшую услугу, коей мы не могли надѣяться получить изъ Рима. Рѣдкое событіе имѣло столь важное, благотворное вліяніе на судьбу нашего отечества, какъ ученый трудъ Кирилла и Меѳодія. Слушая Божіе слово на языкѣ понятномъ, Русскіе встрѣтили св. вѣру, какъ что то родное, приняли ее безъ прекословія и такъ усвоили, что она стала непремѣннымъ условіемъ бытія народнаго, элементомъ Русской жизни, подобно языку или власти самодержавной. У насъ не было того страннаго разлада церкви съ обществомъ, который столь разителенъ въ западной Европѣ, крещенной Римскимъ духовенствомъ. Легко вообразить, какъ трудно было Германскимъ народамъ убѣдиться, что св. вѣра есть необходимое условіе ихъ жизни, когда они слышали ея ученіе на языкѣ невразумительномъ: протекло нѣсколько вѣковъ прежде, чѣмъ христіанская церковь въ западной Европѣ сроднилась съ обществомъ. Подобная участь грозила и нашему отечеству, еслибы Греки не принесли намъ перевода Библіи Кирилла и Меѳодія. Въ ихъ незабвенномъ трудѣ должно искать источника того религіознаго направленія, которое постоянно было отличительною чертою Русскаго народа: ибо св. вѣра слилась

съ нашею жизнію. Стоитъ посмотрѣть, съ какимъ благоговѣніемъ и нынѣ простой народъ, не говоря о классѣ образованномъ, припоминаетъ, что слышитъ въ храмѣ Божіемъ. Предки наши были убѣждены, что только тотъ, кто исповѣдуетъ законъ христіанскій по Греческимъ обрядамъ, заслуживалъ имя Русскаго; признавались у насъ христіанами и народы подвластные Папѣ, но папистъ не могъ быть Русскимъ.

Переводъ Библіи замѣчателенъ и въ другомъ отношеніи: онъ установилъ языкъ. Наши писатели смотрѣли на трудъ Кирилла и Меѳодія, какъ на образецъ совершенный, единственный, старались подражать ему въ изложеніи своихъ мыслей, въ оборотахъ, въ слогѣ. Конечно излишняя подражательность сковывала языкъ и отдаляла мало по малу письменный или книжный отъ разговорнаго, такъ, что въ послѣдствіи разность между ними стала весьма ощутительна; но въ тоже время она поддерживала въ немъ единство, не допустила его разрознится на многія нарѣчія и соблюдала чистоту его отъ примѣси чужеземной. Притомъ, языкъ письменный однимъ, такъ сказать, порывомъ сталъ на ту степень, коей достигли Германо-Латинскія нарѣчія чрезъ нѣсколько вѣковъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій. Славянскій переводъ Библіи, присвоивъ по крайней мѣрѣ существенныя достоинства Греческаго, заключая образцы краснорѣчія повѣствовательнаго, поучительнаго, опи-

сательнаго, представлялъ Русскимъ богословамъ, историкамъ, поэтамъ неисчерпаемый источникъ богатства.

Все это долженствовало имѣть рѣшительное вліяніе на умственное развитіе: мы имѣли въ семъ отношеніи неисчислимыя выгоды предъ западною Европою. Когда ни одинъ изъ Нѣмецкихъ ученыхъ X вѣка не хотѣлъ и не могъ выражать скудныхъ мыслей на языкѣ варварскомъ, т. е. народномъ, когда въ самыхъ храмахъ славили Бога христіанскаго на языкѣ мертвомъ, для не многихъ вразумительномъ, когда нарѣчія Французское, Англійское, Голландское представляли дикую, нестройную смѣсь выраженій Латинскихъ и Германскихъ, и были еще только въ зародышѣ, языкъ Славянскій чистый, величественный, общій для Государя и подданныхъ, для духовенства и міряпъ, имѣлъ уже форму постоянную, опредѣлительную, въ которую влились красоты богатѣйшаго въ мірѣ языка Греческаго. Еслиже плоды не соотвѣтствовали началу, и Европа въ послѣдствіи далеко опередила насъ на поприщѣ умственнаго образованія, виною тому было стеченіе многихъ обстоятельствъ: по крайней мѣрѣ, до нашествія Монголовъ мы не уступали Европѣ въ надеждѣ на блестящую будущность.

V. Правленіе Ярослава I. [1])

1019 - 1054.

Распри дѣтей Владиміра. 1014 - 1019.

33. Владиміръ, слѣдуя духу времени и коренному обычаю Скандинавовъ, по коему каждый членъ владѣтельнаго дома имѣлъ право на участокъ, вскорѣ по введеніи христіанской вѣры, раздѣлилъ Русскую землю на 12 удѣловъ между своими сыновьями, и уже самъ испыталъ пагубныя слѣдствія такой системы господства: Ярославъ Новгородскій не сталъ платить ему дани; призвалъ Норманновъ изъ за моря и готовился встрѣтить оружіемъ раздраженнаго отца; Владиміръ умеръ, не успѣвъ смирить непокорнаго сына. По смерти его, осталось 8 удѣловъ: въ Новгородѣ княжилъ Ярославъ, въ Ростовѣ Борисъ, въ Муромѣ Глѣбъ, въ Древлянской землѣ Святославъ, во Владимірѣ (Волынскомъ) Всеволодъ, въ Тмуторакани Мстиславъ, въ Туровѣ Святополкъ, въ Полоцкѣ домъ старшаго сына, Изяслава. Непримиримая вражда раздѣляла Князей на три непріязненныя партіи: Святополкъ, сынъ Ярополковъ, усыновленный Владиміромъ, не могъ забыть смерти отца и по праву родовой мести, еще не искорененной христіанскою вѣрою, считалъ своимъ долгомъ успокоить тѣнь его кровавыми

1) Русскія Лѣтописи; Дитмаръ; Русская Правда.

жертвами. Изяславъ, сынъ Владиміра и Полоцкой Княжны Рогнѣды, отверженный отцемъ вмѣстѣ съ матерью, смотрѣлъ на другихъ сыновей его, какъ на враговъ, и ненависть къ нимъ передалъ сыну своему Брячиславу. Прочіе дѣти Владиміра должны были опасаться и Святополка и Брячислава. Междоусобія были неизбѣжны: они обнаружились немедленно по кончинѣ Владиміра.

Святополкъ, объявивъ себя Великимъ Княземъ, звалъ братьевъ именемъ умирающаго отца, который будтобы желалъ съ ними проститься. Не зная о смерти Владиміра и не подозрѣвая кова, они спѣшили въ Кіевъ; тайные убійцы стерегли ихъ на пути: на берегу Альты умерщвленъ Борисъ Князь Ростовскій, близъ Смоленска Глѣбъ Князь Муромскій, въ области Древлянской Святославъ. Таже участь готовилась и другимъ дѣтямъ Владиміра. Сестра ихъ Преслава успѣла предостеречь Князя Новгородскаго, который между тѣмъ находился въ затруднительномъ положеніи: отказавъ Владиміру въ дани и замысливъ отразитъ его вооруженною рукою, онъ призвалъ Норманновъ. Новгородцы, оскорбленные наглостію пришельцевъ, многихъ изъ нихъ убили. Ярославъ, скрывъ мщеніе, созвалъ на пиръ знатнѣйшихъ гражданъ и велѣлъ ихъ умертвить. Едва совершилась эта месть, какъ пришло извѣстіе отъ Преславы о смерти огорченнаго отца, о гибели Бориса и

Глѣба, о грозящей опасности всему дому Владимірову. Тутъ Новгородцы явили рѣдкое великодушіе: примирились съ Княземъ, съ Норманнами и пошли на Святополка. Разбитый Ярославомъ на берегахъ Днѣпра, Князь Кіевскій бѣжалъ въ Польшу и просилъ помощи у тестя своего Болеслава Храбраго. Король Польскій, поддерживая зятя, вступилъ въ Русскую землю и на берегахъ Буга разбивъ войско Ярославово, овладѣлъ Кіевомъ. Ярославъ едва могъ спастися бѣгствомъ въ Новгородъ, откуда думалъ удалиться въ Скандинавію. Новгородцы не пустили его и снова стали вооружаться; собрали поголовную дань; наняли Норманновъ.

Между тѣмъ Святополкъ потерялъ дружбу Болеслава: негодуя на тестя, задумавшаго навсегда остаться въ богатомъ Кіевѣ и присоединить этотъ городъ къ Королевству, онъ велѣлъ тайно убивать Поляковъ, безпечно жившихъ по городамъ и селамъ Кіевскимъ. Болеславъ, опасаясь вѣроятно и самъ подобной участи, удалился въ Польшу, овладѣвъ на пути городами Червенскими. Въ слѣдъ за нимъ бѣжалъ и Святополкъ; обратился къ лютымъ врагамъ своего отечества, къ Печенѣгамъ, собралъ многочисленныя толпы ихъ и снова хотѣлъ овладѣть Кіевомъ. Бодрый Ярославъ встрѣтилъ его на берегахъ Альты, тамъ, гдѣ умерщвленъ Борисъ. Воспламененный местью за кровь брата, онъ стремительно ударилъ на своего злодѣя и, по-

слѣ упорной сѣчи, одержалъ побѣду. Святополкъ, по сказанію Нестора, въ разслабленіи ума, бѣжалъ изъ отечества и скрылся въ Богеміи; по извѣстію же Эймундовой саги, былъ убитъ въ Кіевской области Норманнами. Ярославъ вступилъ въ Кіевъ и началъ господствовать надъ большею частію Русской земли, утвердивъ власть свою въ Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Муромѣ, Туровѣ и землѣ Древлянской. Полоцкъ и Тмутораканъ остались за прежними Князьями; города Червенскіе были въ рукахъ Поляковъ. 1019.

Мстиславъ.

Но распри потомковъ Владиміровыхъ еще не кончились. Брячиславъ Полоцкій и Мстиславъ Тмутораканскій не могли довольствоваться своими удѣлами и съ завистію смотрѣли на господство Ярослава въ большей части Владимірова государства. Междоусобія возобновились. Брячиславъ неожиданно напалъ на Новгородъ, ограбилъ его, однакожъ не могъ удержать за собою; былъ разбитъ и смирился. Гораздо опаснѣе былъ другой врагъ, Мстиславъ Тмутораканскій: господствуя на берегахъ Кубани, онъ ознаменовалъ себя многими побѣдами надъ народами Кавказскими, разрушилъ Хазарскую державу въ Тавридѣ, такъ, что самое имя Хазаръ исчезло, оставшись въ одной Исторіи, и обратилъ оружіе на Ярослава, вѣроятно досадуя на присвоеніе имъ братнихъ удѣловъ. Рожденный болѣе для мирнаго правленія, чѣмъ

для войны, Ярославъ не могъ устоять противъ счастливаго соперника, проигралъ битву у Листвена (въ Черниговской области) и долженъ
1026. былъ уступить брату цѣлую половину Руси на востокъ отъ Днѣпра. Они заключили искреннюю дружбу, и въ теченіе 10 лѣтъ, до самой смерти Мстислава, общими силами воевали съ внѣшними врагами. Тѣсный союзъ правителя благоразумнаго съ отважнымъ завоевателемъ возстановилъ прежніе предѣлы Руси: Король Польскій, потрясенный ихъ оружіемъ, возвратилъ города Червенскіе (Галицію), отторгнутые отцемъ его Болеславомъ. Когда же умеръ Мстиславъ, не оставившій потомства, удѣлъ его
1036. присоединился къ области Ярослава, который съ тѣхъ поръ господствовалъ единодержавно до самой кончины своей, имѣя вліяніе и на Полоцкъ.

34. Тридцатипятилѣтнее правленіе Ярослава достопамятно наиболѣе въ томъ смыслѣ, что оно довершило основаніе Русской державы. До него Князья Норманскіе, соединяя Славянъ оружіемъ и данью въ одинъ покорный себѣ народъ, мало заботились о государственномъ устройствѣ, слѣдовали одному влеченію страстей, искали только битвъ, власти, корысти. Мысль о законѣ замѣтна въ дѣйствіяхъ Ольги, но уроки и погосты ея клонились единственно къ уравненію дани. По принятіи христіанской

вѣры, Русь не могла существовать въ прежнихъ формахъ язычества и войны, несогласныхъ съ новыми понятіями, внушенными св. вѣрою: внутреннія и внѣшнія отношенія Руси должны были измѣниться въ главныхъ основаніяхъ. Кровавыя распри дѣтей Владиміровыхъ, при участіи сосѣднихъ народовъ, еще болѣе обнаружили необходимость лучшаго устройства. Ярославъ угадалъ потребность вѣка и въ постоянномъ стремленіи къ опредѣленію правъ, обязанностей, внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній, наложивъ печать закона на главныя формы Русской гражданственности, довершилъ безотчетное дѣло своихъ предковъ, *основаніе Русской державы*, и далъ судьбѣ ея рѣшительное направленіе. Обнаруживая во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ духъ законодательства, онъ не столько изданіемъ закона, сколько образомъ своихъ дѣяній, утвердилъ въ Руси тотъ порядокъ вещей, изъ коего въ послѣдствіи развивались главныя явленія нашей Исторіи. Онъ установилъ: a) отношенія Новгорода къ Великому Князю; b) судъ и расправу; c) всеобщее господство христіанской вѣры; d) Іерархію; e) отношенія Руси къ Скандинавіи и сосѣдямъ; f) предѣлы Русской земли; g) главныя основанія Удѣльнаго права.

35. Обязанный Великокняжескимъ престоломъ, спасеніемъ своего рода, усердію Новго- **Льготы Новгородцамъ.**

родцевъ, Ярославъ въ первые годы своего княженія далъ имъ *Льготныя грамматы,* служившія въ послѣдствіи основаніемъ ихъ внутреннему устройству. Эти грамматы истреблены временемъ и содержаніе ихъ въ точности неизвѣстно: знаемъ только достовѣрно, что въ продолженіе 4 вѣковъ Новгородъ дозволялъ управлять собою единственно тѣмъ Князьямъ, которые клятвою подтверждали грамматы Ярославовы. Вникая однакожъ въ ходъ событій, можно полагать, что Ярославъ предоставилъ Новгороду исключительное право зависѣть, наравнѣ съ Кіевомъ, отъ Великаго Князя, рѣшать дѣла внутреннія судомъ народнаго Вѣча и платить Князю дань опредѣленную. Бывъ колыбелью Русской державы, но со времени Олега утративъ честь видѣть въ своихъ стѣнахъ престолъ Великокняжескій, Новгородъ не хотѣлъ равняться съ прочими городами въ образѣ внутренняго управленія. Эта мысль влекла за собою неопредѣленное, но твердое понятіе о самостоятельности, о первенствѣ, замѣтное и при Святославѣ, коему Новгородцы грозили избрать своего Князя, если онъ не дастъ имъ сына, и при Владимірѣ, коему они отказывали въ самой дани. Стремленіе къ самостоятельности могло быть слѣдствіемъ также торговой предпріимчивости, пробужденной выгодами мѣстоположенія на пути Скандинавовъ въ Грецію и близостію Балтійскаго моря: Новгородцы такъ

были богаты, что могли содержать наемное войско, чему примѣры мы видѣли во время войнъ Владиміра съ Ярополкомъ, Ярослава съ Святополкомъ. Чѣмъ болѣе скоплялось богатство, тѣмъ скорѣе развивалась мысль о правахъ собственности; тѣмъ усерднѣе было желаніе обезпечить ихъ закономъ и оградить себя отъ произвольной власти Князей. Впрочемъ Новгородъ не искалъ совершенной независимости; онъ желалъ имѣть только то, что въ послѣдствіи получалъ почти каждый монастырь за особенныя услуги Государю, т. е. *несудимую граммату*. Слабость преемниковъ Ярославовыхъ дозволяла ему предаваться всѣмъ порывамъ необузданнаго своеволія и мало по малу присвоить нѣкоторыя права самостоятельнаго государства.

36. Въ то же время Ярославъ даровалъ Новгороду письменный законъ, извѣстный подъ названіемъ *Русской Правды*, введенный въ послѣдствіи во всей Руси. Законодатель хотѣлъ установить лучшій порядокъ суда и расправы, который, бывъ доселѣ основанъ на правѣ личной и родовой мести, не согласовался съ понятіями христіанскими; для этой цѣли онъ начерталъ 17 статей, коими означилъ, чего долженъ былъ страшиться нарушитель общественнаго порядка и какого удовлетворенія могъ требовать обиженный. Главныя статьи Русской Правды, по Новгородскому списку, суть: 1) за смерть *му-* Русская Правда.

жа мститъ братъ или сынъ, или отецъ, или двоюродные братья, или племянники; 2) если не будетъ мстителя, убійца платитъ 40 гривенъ; 3) за ударъ палкою, жердью, мечемъ, виновный платитъ 12 гривенъ; 4) за отсѣченіе руки, 40 гривенъ; 5) за вырваніе уса или бороды, 12 гривенъ; 6) за обнаженіе меча 1 гривну; 7) за уводъ челядинца и коня 3 гривны; 8) въ случаѣ запирательства отвѣтчика, разбираютъ дѣло 12 выборныхъ. По смерти Ярослава, дѣти его прибавили 18 статей о правѣ собственности, о рабахъ, рубежахъ, сѣнѣ, скотѣ. Владиміръ Мономахъ дополнилъ Русскую Правду нѣсколькими статьями, о ростахъ или процентахъ и проч.

Старинные обычаи Славянскіе и Норманскіе, освященные временемъ, были безъ сомнѣнія основаніемъ Русской Правды. Не касаясь тѣхъ изъ нихъ, кои сами по себѣ имѣли всеобщую силу закона, напримѣръ о наслѣдствѣ, законодатель желалъ исправить другіе, не столь опредѣленные, зависѣвшіе отъ произвола; хотѣлъ согласить ихъ съ правилами здраваго разсудка и ослабить слишкомъ вредные для гражданской жизни. Такъ принужденный утвердить коренной обычай младенчествующихъ обществъ, право личной и родовой мести, противный и духу христіанства и цѣли общежитія, но освященный вѣками, законодатель старался по крайней мѣрѣ уменьшить зло, дозволивъ личную месть

только ближнимъ родственникамъ и притомъ въ случаѣ смертоубійства; за прочія же преступленія установилъ денежную пеню. Обиженный получалъ удовлетвореніе сообразное обидѣ и не могъ простирать мщенія своего далѣе предѣла, назначеннаго закономъ: такимъ образомъ законодатель пресѣкалъ безконечный рядъ преступленій, доселѣ раждавшихся отъ самовольной расправы, водворялъ тишину и порядокъ. Онъ тѣмъ легче могъ достигнуть своей цѣли, что эти законы вполнѣ соотвѣтствовали тогдашнему понятію о возмездіи за обиду: если бы Ярославъ, вмѣсто денежной пени, установилъ наказанія исправительныя, тѣлесныя или временное заключеніе, сообразныя съ правомъ Греческимъ и безъ сомнѣнія извѣстныя ему, законы его остались бы не дѣйствительны: оскорбленный, не получивъ возмездія, захотѣлъ бы самъ искать его.

37. Льготныя грамматы и Русская Правда были первыми дѣлами Ярослава, предвѣстниками его мудраго правленія. Зная, что вѣра христіанская болѣе всѣхъ законовъ могла способствовать успѣхамъ жизни гражданской, сынъ св. Владиміра, равно набожный и благочестивый, распространялъ ея ученіе въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ не жестокимъ преслѣдованіемъ язычества, но средствами благоразумными; строилъ церкви, изъ коихъ въ особенности за- Господство св. вѣры.

мѣчателенъ Софійскій соборъ въ Кіевѣ, переводилъ божественныя книги на языкъ отечественный, самъ читалъ ихъ неутомимо, многія списывалъ для народнаго употребленія, опредѣлилъ изъ казны своей содержаніе служителямъ церкви, дѣтей ихъ велѣлъ воспитывать и съ этою цѣлью основалъ народное училище въ Новгородѣ для 300 отроковъ. Новое поколѣніе увидѣло плоды его ревности просвѣщенной: явились не только достойные пастыри, но и писатели краснорѣчивые: преподобный Несторъ и св. Кириллъ Епископъ Туровскій. Благоразумная политика Ярослава служила примѣромъ для его преемниковъ. Духовенство получило отъ него новыя льготы и важныя права: *Уставомъ о церковномъ судѣ*, онъ подтвердилъ уставъ Владиміровъ, предоставивъ кромѣ того вѣдѣнію Митрополита и Епископовъ многія тяжбы, съ опредѣленіемъ, чего они должны требовать отъ подсудимыхъ.

Іерархія. 38. При всей набожности, при всемъ уваженіи къ сану духовному, Ярославъ не хотѣлъ однако, чтобы Русское духовенство было въ исключительной зависимости отъ Греческаго Патріарха, подобно тому, какъ западное духовенство признавало верховную власть Римскаго Папы. Ярославъ смотрѣлъ на Византійскую Имперію, какъ на страну единовѣрную, какъ на государство знаменитое, просвѣщенное, но и

Русь признавалъ державою самостоятельною, неподвластною ни Императору, ни Патріарху. Онъ не хотѣлъ стерпѣть, чтобы подданные его были обижаемы въ Царѣградѣ, и узнавъ о убіеніи Греками знатнаго Русса, объявилъ Императору Константину Мономаху войну, послалъ сильное войско, подъ начальствомъ сына своего Владиміра, и удовлетворивъ чести оскорбленнаго Государя, заключилъ миръ, какъ равный Императору Самодержецъ. Въ томъ же смыслѣ онъ дѣйствовалъ и въ отношеніи къ Патріарху: считалъ его первосвятителемъ восточной церкви, но въ тоже время не отказывался отъ права назначать въ Русскіе Митрополиты сановниковъ по собственному усмотрѣнію, и по случаю разрыва съ Греками, утвердивъ своею властію въ достоинствѣ Кіевскаго Митрополита, избраннаго Русскими Епископами инока Иларіона, онъ опредѣлилъ ясно, что Русскій первосвятитель долженъ находиться въ полной зависимости отъ Великаго Князя. Рѣшительность его предупредила гибельныя слѣдствія двудержавія, свѣтскаго и духовнаго, которыхъ надлежало опасаться при первомъ неопредѣленномъ устройствѣ Іерархіи и которыя были бы неминуемы, если бы Греческіе Патріархи успѣли присвоить исключительное право назначать Руси духовныхъ сановниковъ. Преемники Ярослава возобновили сношенія съ Византійскими первосвятителями, требовали отъ нихъ Митрополитовъ и Еписко-

1043.

повъ, предоставляли иногда ихъ суду случаи церковные, но не позволяли имъ по произволу вмѣшиваться въ дѣла церкви, тѣмъ менѣе въ дѣла гражданскія, и нерѣдко, по примѣру Ярослава, назначали Митрополитовъ сами. Такимъ образомъ со временъ Ярослава установилась Русская Іерархія, сходная съ Греческою въ устройствѣ внутреннемъ, въ правахъ и обязанностяхъ духовенства, въ отношеніяхъ его къ свѣтской власти, тѣсно соединенная съ нею догматами вѣры, обрядами богослуженія, тѣмъ не менѣе самостоятельная и независимая отъ восточныхъ Патріарховъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Нельзя было желать лучшаго устройства церкви: она была безопасна и отъ вредныхъ нововведеній и отъ чуждаго вмѣшательства: съ одной стороны составляя нераздѣльную часть восточной церкви, она не могла принять въ свои нѣдра ничего новаго, безъ согласія вселенскихъ соборовъ, слѣдовательно имѣла самый прочный залогъ чистоты вѣроисповѣданія; съ другой же стороны, имѣя свой опредѣленный кругъ, она не могла быть потрясаема козвями чуждаго властолюбія, по примѣру западныхъ государствъ, подвластныхъ Римскому Папѣ.

Отношенія къ сосѣдямъ.

39. Опредѣливъ отношенія Руси къ странѣ, давшей ей вѣру, Ярославъ своими дѣйствіями указалъ правила, коихъ преемники его держа-

лись въ дѣлахъ съ страною, давшею Русской землѣ Государей, съ единоплеменною имъ Скандинавіею. До половины IX вѣка дружины Русскихъ Князей нерѣдко пополнялись Норманскими витязями, которые охотно приходили въ Русскую землю, служить Князьямъ ея, брали богатые дары (между прочимъ съ одного Новгорода 300 гривенъ ежегодно), приносили свои понятія, свои права, свой образъ жизни, слѣдовательно поддерживали различіе между Славянами и поселившимися среди ихъ своими единоземцами. Послѣ возстанія Новгородцевъ на дерзкихъ пришельцевъ, по смерти Владиміра, Ярославъ уничтожилъ собираемый въ пользу ихъ налогъ и тѣмъ прекратилъ выходы Скандинавовъ. Слѣдствіемъ было совершенное уничтоженіе различія между Славянами и водворившимися въ землѣ ихъ Норманнами; оно очевидно исчезло уже при первыхъ преемникахъ Ярославовыхъ: слово Руссъ стало означать Славянъ, слившихся съ Норманнами; слово Варягъ исключительно Скандинавскихъ выходцевъ, уже чуждыхъ на землѣ Русской.

Въ дѣлахъ съ сосѣдями Ярославъ дѣйствовалъ какъ Государь, уважавшій права чуждаго владѣнія, и въ тоже время, какъ бдительный стражъ Русской земли: не искалъ завоеваній, не уступалъ и своего. Все, что было пріобрѣтено оружіемъ предковъ, онъ считалъ собственно-

стію своего дома и служилъ въ этомъ отношеніи примѣромъ для своихъ преемниковъ. Польша нашла въ немъ честнаго сосѣда: взявъ у Мечислава города Червенскіе (Галицію), отчасти покоренные, отчасти построенные Владиміромъ, и неправильно присвоенные Болеславомъ Храбрымъ, Ярославъ не хотѣлъ пользоваться внутренними смятеніями Польскаго Королевства, приходилъ туда съ войскомъ, какъ миротворецъ, и помогъ Казимиру I обуздать мятежи въ Мазовіи; сверхъ того вступилъ съ нимъ въ родство, отдавъ за него сестру свою Марію (Доброгнѣву) Эта политика, основанная на родствѣ, постоянно возобновлявшемся, на взаимной помощи и оборонѣ, на обоюдномъ признаніи правъ владѣнія того и другаго дома, служила болѣе 3 столѣтій руководствомъ для его преемниковъ.

Для сосѣдей хищныхъ, чуждыхъ уставовъ гражданскихъ, тревожившихъ Русь набѣгами, Ярославъ былъ грозою. Чаще всего онъ обращалъ оружіе на Печенѣговъ, неоднократно вторгавшихся въ южные предѣлы Руси, въ послѣдніе годы княженія Владиміра св; рѣшительными побѣдами истребивъ цѣлыя толпы злодѣевъ, онъ такъ ослабилъ ихъ, что они не въ силахъ были тревожить наше отечество. Кромѣ того Великій Князь старался обуздать другихъ сосѣдей не столь многочисленныхъ, но равно хищныхъ и упорныхъ: Ятвяговъ въ ны-

нѣшней Гродненской губерніи, единоплеменныхъ имъ Литовцевъ въ Виленской губерніи, Чудь въ Эстляндіи, и Емь или Ямь въ южной Финляндіи. Для защиты Руси отъ вторженія дикихъ народовъ, окружавшихъ ее почти со всѣхъ сторонъ, онъ основалъ города и крѣпости: на берегахъ Роси для обузданія Печенѣговъ; Юрьевъ или Дерптъ для охраненія Псковской области; Ярославль на предѣлахъ Черемисскихъ. Система обороны государства построеніемъ крѣпостей на границахъ и непріязнь къ дикимъ кочевымъ народамъ руководствовала его преемниковъ.

Ярославъ не ограничивалъ своей политики одними сосѣдями: онъ искалъ тѣсной связи съ отдаленными Европейскими Вѣнценосцами, указавъ тѣмъ, что Русь должна принадлежать къ системѣ государствъ Европейскихъ: кромѣ сестры Маріи, вышедшей за Польскаго Короля Казимира I, дочери Великаго Князя были супругами Государей знаменитыхъ: Елисавета вышла за Гаральда, принца Норвежскаго, который только рыцарскими подвигами успѣлъ заслужить ея руку; Анна сочеталась бракомъ съ Генрихомъ I Королемъ Французскимъ, и была праматерью Генриха IV; Анастасія съ Андреемъ I Королемъ Венгерскимъ. Сыновья его также избрали супругъ иноземныхъ: Всеволодъ женился на Греческой царевнѣ, Изяславъ на принцессѣ Польской, Вячеславъ на дочери владѣтеля Штадскаго, Игорь на графинѣ Орламиндской,

Предѣлы Руси.

40. Со времен Ярослава установились и границы Руси: на западъ до Финскаго залива, Нарева, западнаго Буга, истоковъ Вислы и горъ Карпатскихъ; на югъ до верховьевъ Прута, Ингула, Ворсклы, Хопра и Медвѣдицы; на востокъ до устья Оки и береговъ Волги, на сѣверъ до Ладожскаго и Онежскаго озера. Все, что заключалось между сими рубежами, навсегда удержало имя Руси, и не взирая на чужеземное господство, въ послѣдствіи нѣсколько вѣковъ продолжавшееся, оставалось Русскимъ по вѣрѣ, языку, и внутреннему образу правленія.

Основанія Удѣл. права.

41. Важнѣйшимъ дѣйствіемъ Ярослава, имѣвшимъ прямое, рѣшительное вліяніе на судьбу отечества, было опредѣленіе главныхъ началъ удѣльнаго права и взаимныхъ отношеній Князей въ потомствѣ Владиміра св. Назначивъ каждому изъ пяти сыновей своихъ опредѣленную область, онъ установилъ, что старшій въ Княжескомъ семействѣ естъ глава государства, посредникъ, миротворецъ и защитникъ своихъ братьевъ, которые обязаны чтить его, какъ отца, но въ тоже время имѣли неотъемлемое право на свои удѣлы. Съ тѣхъ поръ Русь образовала систему союзныхъ государствъ, другъ отъ друга независимыхъ, тѣмъ не менѣе соединенныхъ въ одно цѣлое, вѣрою, языкомъ и господствомъ одного дома.

Глава II.

УДѢЛЬНАЯ СИСТЕМА. [1])

1054 - 1240.

42. Съ половины XI вѣка Исторія нашего отечества измѣняется въ своемъ характерѣ. Досель она представляла отважные набѣги Руссовъ на землю восточныхъ Славянъ, со всѣми чертами Норманской жизни; быстрое расширеніе господства ихъ отъ береговъ Ильменя сперва къ Бѣлоозеру, западной Двинѣ и берегамъ Оки, потомъ по Днѣпру къ Черному морю, отъ Днѣпра къ Дунаю, Вислѣ и Волгѣ; сліяніе покоренныхъ народовъ Славянскихъ въ одно цѣлое силою оружія, установленіемъ дани, христіанскою вѣрою. По смерти Ярослава, настаетъ иной порядокъ вещей: остановленные въ стремленіи къ благословеннымъ странамъ юга оружіемъ и политикою сосѣдей, еще болѣе удерживаемые въ землѣ Славянской выгодами Очеркъ удѣл. системы.

1) Русскія лѣтописи — главный источникъ.

*

осѣдлой жизни, Руссы не раздвигаютъ своихъ предѣловъ далѣе рубежей, опредѣленныхъ Ярославомъ; внѣшнее разширеніе Норманской стихіи прекращается; его замѣняетъ продолжительное бореніе внутреннее.

Это бореніе, подъ перомъ нашихъ лѣтописцевъ, представляетъ картину мрачную, утомительную; *великаны сумрака* Олегъ, Святославъ, Владиміръ, исчезаютъ; вмѣсто ихъ являются Ярославичи, Святославичи, Всеславичи, Ольговичи, какъ блѣдныя тѣни, какъ злые духи, которые выходятъ на сцену шумною толпою, гонятъ другъ друга, утихнутъ на короткое время и снова начинаютъ всеобщую борьбу, передавая свои споры дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ. Движимыя властолюбіемъ ихъ, силы Руси пожираютъ себя взаимно, какъ непріязненныя стихіи.

Читая горькія жалобы современниковъ, потомство съ ужасомъ смотритъ на тогдашнія бѣдствія отечества; не понимаетъ, какъ не могли образумиться Князья, послѣ неоднократныхъ испытаній; видитъ сверхъ того въ удѣльныхъ браняхъ всѣ признаки пагубнаго феодализма, и готово благодарить Татаръ, которые, сокрушивъ воинственное племя Владиміра св., дали средства ввести благодѣтельное единодержавіе.

Чтобы уразумѣть характеръ и значеніе Удѣльной системы въ Русской Исторіи, необходимо вникнуть въ духъ времени, въ порядокъ вещей,

въ связь причинъ и слѣдствій, во всѣ обстоятельства, породившія ее и содѣйствовавшія къ ея развитію.

43. Внутреннее бореніе есть неизбѣжное зло каждаго возникающаго государства. При постоянномъ сосредоточеніи разнородныхъ силъ къ единству, гражданское общество образуется не вдругъ, а постепеннымъ развитіемъ элементовъ своихъ, послѣ продолжительнаго броженія, доколѣ каждая стихія не найдетъ своего мѣста, опредѣляемаго обыкновенно свойствомъ самыхъ элементовъ и взаимнымъ отношеніемъ ихъ. Это бореніе, начало органическаго устройства, по различію обстоятельствъ, обнаруживалось въ разныхъ видахъ, съ разными послѣдствіями: въ Греціи междоусобіями поколѣній, въ Римѣ спорами патриціевъ съ плебеями, въ Германской Европѣ раздорами Королей съ Папами и баронами, въ нашемъ отечествѣ бранями удѣльными. Раздѣленіе Руси на удѣлы было неминуемымъ слѣдствіемъ укоренившагося въ самомъ началѣ понятія о правѣ на верховную власть всѣхъ членовъ господствующей фамиліи. Это понятіе, опредѣлявшее порядокъ престолонаслѣдія въ Скандинавіи, принесено было Норманнами и въ основанную ими Русскую державу. Въ глазахъ ихъ благороднѣйшимъ колѣномъ было Рюриково: ему принадлежало исключительное право на власть Конунга, Князя.

Удѣлы были неизбѣжны.

Въ слѣдствіе сего, уже Рюрикъ долженъ былъ раздѣлить покоренный Руссами участокъ земли Славянской съ своими братьями на 3 удѣла: Новгородскій, Изборскій, Бѣлозерскій. Игорь правилъ всею Русью одинъ потому, что у него не было братьевъ; Святославъ тоже; по смерти его, Русь раздѣлена была между его сыновьями на три удѣла: Кіевскій, Древлянскій, Новгородскій. Гибель Олега и Ярополка соединила Русь подъ власть одного Владиміра, который снова раздробилъ ее по числу сыновей и оставилъ по себѣ 8 удѣловъ: Кіевскій, Полоцкій, Новгородскій, Владимірскій, Древлянскій, Ростовскій, Муромскій, Тмутораканскій. Ярославъ, воспользовавшись смертью братьевъ, присоединилъ ихъ удѣлы (исключая Полоцкаго) къ своему; но имѣя пять сыновей, не могъ не раздѣлить между ними своей державы. Съ тѣхъ поръ Удѣльная система утвердилась въ нашемъ отечествѣ окончательно.

Разл. удѣл. с. отъ феод.

44. Удѣльная система господства, установленная Рюрикомъ и преемниками его при самомъ началѣ Руси, только въ общихъ чертахъ сходствовала съ феодальною, съ коею неправильно ее смѣшиваютъ; но въ главныхъ основаніяхъ, въ началѣ, въ развитіи, въ послѣдствіяхъ, существенно отличалась отъ ней.

Феодальная система представляетъ бореніе Королевской власти съ своеволіемъ вельможъ,

которые, получивъ земли на правѣ вассаловъ, т. е. помѣщиковъ, обязанныхъ служить своему Государю, пользовались слабостію его, хотѣли утвердить за своимъ потомствомъ свои помѣстья и быть независимыми. Короли, выпустивъ изъ рукъ важнѣйшія права верховной власти, напрягали всѣ силы къ обузданію строптивыхъ бароновъ; но, подавляемые могуществомъ Римскихъ первосвященниковъ, долго не могли достигнуть своей цѣли, и съ трудомъ удерживали за собою титло Королевское, доколѣ усердіе городскихъ общинъ, при ослабленіи Папъ, не дало имъ средствъ смирить вассаловъ. Посему вассальство, своеволіе вельможъ, Папская власть, вліяніе городскихъ общинъ, были необходимыми условіями феодальнаго правленія.

Удѣльная система имѣла совершенно другія основанія, изъ коихъ главныя были слѣдующія: 1) Каждый потомокъ Владиміра св. какъ членъ господствующей фамиліи, именовался Княземъ и имѣлъ право на удѣлъ, т. е. на извѣстную область. 2) Удѣльный Князь былъ полный, независимый властелинъ своего участка; имѣлъ свою столицу, свою дружину, или войско, своихъ Бояръ, назначалъ Епископа, строилъ города и крѣпости, издавалъ законы, производилъ судъ и расправу, награждалъ и наказывалъ по произволу, воевалъ и мирился съ кѣмъ хотѣлъ. 3) Старшему въ родѣ изъ Князей удѣльныхъ принадлежала честь именоваться *Великимъ*, съ

правомъ мирить удѣльныхъ Князей въ случаѣ распрей, требовать отъ нихъ войска для войны съ врагами внѣшними, вообще быть главою Руси; впрочемъ онъ былъ самовластенъ только въ своемъ участкѣ, не вмѣшивался въ управленіе удѣлами, не собиралъ съ нихъ никакихъ налоговъ, даже обязанъ былъ давать отчетъ Князьямъ удѣльнымъ, которые считали себя не вассалами его, а равными ему Государями, и только въ общихъ дѣлахъ, касавшихся всей Русской земли, должны были прибѣгать къ нему, какъ къ общему посреднику. 4) Достоинство Княжеское было наслѣдственно въ мужескомъ колѣнѣ; сыновья дѣлили между собою отцовскую область и передавали свои участки своимъ дѣтямъ; но престолъ Великокняжескій принадлежалъ старшему въ родѣ. Въ слѣдствіе сего Удѣльная система представляла союзъ многихъ Княжествъ, *по праву* независимыхъ, самостоятельныхъ, но крѣпко соединенныхъ въ одно цѣлое вѣрою, языкомъ, господствомъ одного дома Владиміра св. и убѣжденіемъ въ необходимости одной верховной власти. Ни Бояре, ни духовенство, ни городскія общины не имѣли прямаго вліянія на образованіе и паденіе Удѣльной системы: она возникла изъ дѣлежа Русской земли въ потомствѣ одной фамиліи, и пала подъ ударами Монголовъ.

При такомъ различіи въ основаніяхъ, самыя междоусобія Князей, по видимому сходныя съ

феодальными, отличаются отъ нихъ и характеромъ и послѣдствіями. Въ западной Европѣ борьба Королей съ вассалами, споръ угнетеннаго права съ грознымъ своеволіемъ, влекли за собою самоуправство вельможъ, безсиліе закона, разрушеніе городовъ, кулачное право. Наши удѣльныя брани, подъ перомъ лѣтописцевъ, представляютъ безпрерывные споры, походы, битвы, но слѣдствія были иныя. Народъ не томился въ неволѣ, города не разрушались, нравы не грубѣли: ибо тутъ не было вопроса о стѣсненіи Княжеской власти; дѣло шло только о правѣ Князей на удѣлы: они встрѣчали соперниковъ не въ Боярахъ, не въ народѣ, не въ духовенствѣ, а въ равныхъ себѣ Князьяхъ, въ братьяхъ единородныхъ; преслѣдовали другъ друга нерѣдко съ ожесточеніемъ; но щадили народъ, высшія и низшія сословія, берегли ихъ любовь и легко мирились между собою. Отъ того удѣльный періодъ ознаменованъ цвѣтущимъ состояніемъ городовъ, успѣхами промышленности, смягченіемъ нравовъ, могуществомъ Русской силы въ войнахъ съ сосѣдними народами. Удѣльная система принесла и прямую, существенную выгоду: послѣ бурнаго волненія, болѣе двухъ вѣковъ державшаго нравственныя силы народа въ безпрерывномъ напряженіи, вездѣ во всей Русской землѣ вкоренились одинаковыя понятія, желанія, надежды, и Русскій типъ такъ глубоко врѣзался, что въ послѣдствіи, ни

время, ни обстоятельства не могли изгладить національнаго отпечатка.

Удѣльный періодъ. 45. Возникнувъ въ одно время съ утвержденіемъ власти Норманновъ въ землѣ Славянской, Удѣльная система существовала въ нашемъ отечествѣ до конца XVI вѣка, съ тѣмъ однако важнымъ различіемъ, что до половины XI вѣка она обнаруживалась, такъ сказать, промежутками и уступала внѣшнему расширенію Норманской стихіи; съ половины же XIII вѣка была подавляема властію Монголовъ, а съ половины XV исчезла быстро предъ грознымъ самодержавіемъ; главною всеобщею пружиною внутренней и внѣшней жизни Русской, она была ровно два вѣка, отъ смерти Ярослава до покоренія нашего отечества Монголами. Въ сіи два вѣка внутренняго боренія элементовъ Руси, развилось и созрѣло удѣльное право, давъ начало и основаніе тѣмъ формамъ жизни общественной, въ коихъ въ послѣдствіи возникла и образовалась, какъ стройное цѣлое, съ самобытнымъ характеромъ, Московская Держава.

Отличительною чертою удѣльнаго періода въ собственномъ смыслѣ (1054 - 1240) было неоднократное образованіе и уничтоженіе семейнаго господства въ одномъ родѣ: сначала оно возникло въ домѣ Ярослава и рушилось при внукахъ его; отомъ возобновилось въ родѣ Мономаха и рушилось при дѣтяхъ его; наконецъ

возникло во многихъ поколѣніяхъ и исчезло подъ ударами Монголовъ. Образованіе и уничтоженіе семейнаго господства было постоянно сопровождаемо спорами старшихъ поколѣній съ младшими; цѣль сихъ споровъ измѣнялась по мѣрѣ развитія удѣльныхъ понятій: при дѣтяхъ и внукахъ Ярослава былъ споръ за удѣлы; при дѣтяхъ и внукахъ Мономаха за Кіевскій престолъ или за первенство; наконецъ послѣ Юрія Долгорукаго обнаружилась распря между многими Княжествами, какъ независимыми государствами, въ коихъ сверхъ того повторялась исторія Ярославичей и дѣтей Владиміровыхъ. Такимъ образомъ удѣльный періодъ представляетъ четыре главныя явленія: 1) уничтоженіе союзной системы, установленной Ярославомъ; 2) Возобновленіе Ярославовой системы Мономахомъ; 3) Уничтоженіе Мономаховой системы; 4) Раздѣленіе Руси на нѣсколько союзныхъ системъ.

I. Уничтоженіе союзной системы, установленной Ярославомъ.

1054 - 1113.

Система Ярослава.

46. Ярославъ, руководствуясь современнымъ понятіемъ о правѣ собственности, на смертномъ одрѣ, раздѣлилъ Русскую землю между своими сыновьями, на пятъ удѣловъ: старшему, *Изяславу* далъ Княжества Кіевское и Новгородское, *Святославу* Черниговское, *Всеволоду* Переяславское, *Вячеславу* Смоленское, *Игорю* Владимірское на Волыни. 1) Поручивъ обѣ столицы старшему сыну, Ярославъ присвоилъ ему титулъ Великаго Князя, съ правомъ быть главою Руси, покровительствовать младшихъ братьевъ, мирить ихъ въ случаѣ споровъ и защищать притѣсняемаго.

Система, установленная Ярославомъ, имѣла три главныя основанія:

1, Право на удѣлъ только старшихъ представителей Княжескаго дома и безудѣльность млад-

1) Къ удѣлу Черниговскому принадлежали Черниговъ, Тмуторакань, Рязань, Муромъ и страна Вятичей; къ Переяславскому Переяславль, Ростовъ, Суздаль Бѣлоозеро и Поволжье. Удѣлъ Владимірскій простирался до Сана и Карпатскихъ горъ.

шихъ. Къ старшему колѣну принадлежали пять сыновей его; къ младшему два внука, невключенные имъ въ число удѣльныхъ Князей, родной *Ростиславъ* Владиміровичъ и двоюродный *Всеславъ* Брячиславичъ Полоцкій.

2, Право удѣльныхъ Князей на пожизненную неотъемлемостъ предоставленнаго имъ участка, безъ опредѣленія впрочемъ порядка престолонаслѣдія.

3 Право Великаго Князя или старшаго въ родѣ быть главою Руси, посредникомъ, миротворцемъ, защитникомъ Князей удѣльныхъ.

47. Установленная Ярославомъ система господства, основанная на правѣ власти только старшихъ представителей Княжескаго дома, съ одной стороны поддерживала мысль о политическомъ единствѣ Руси, соединяя удѣлы въ одно цѣлое кровнымъ родствомъ Князей, вѣрою, внутреннимъ убѣжденіемъ въ необходимости согласія для обороны отъ враговъ внѣшнихъ; съ другой, заключала неизсякаемые источники распрей и влекла за собою непрерывную цѣпь Княжескихъ междоусобій. Главные источники несогласія были: 1, неопредѣлительность отношеній Великаго Князя къ удѣльнымъ; 2, устраненіе младшихъ поколѣній отъ удѣловъ; 3, слабостъ первыхъ преемниковъ Ярославовыхъ. Непрочность ея.

По завѣщанію Ярослава, Великій Князь дол-

женствовалъ быть главою Руси; но преемникъ его не могъ требовать отъ своихъ братьевъ такой же покорности, какою они обязаны были отцу: они видѣли въ старшемъ братѣ не столько Государя, сколько равнаго себѣ владѣтеля; мысль о равенствѣ вкоренилась глубже, чѣмъ мысль о подчиненности: удѣлы были неотъемлемы. Князья, пользуясь всѣми правами независимости, не могли жить мирно другъ съ другомъ, уже по однимъ спорамъ за границы; при воинственномъ же духѣ Норманновъ, при безпокойной дѣятельности, эти споры были безконечны, тѣмъ болѣе, что дѣлежъ былъ не равенъ.

Главнѣйшимъ поводомъ къ распрямъ было устраненіе младшихъ поколѣній отъ удѣловъ: Ярославъ, поручивъ Русскую землю только дѣтямъ и не давъ ничего внукамъ, хотѣлъ, кажется, установить закономъ, что младшее поколѣніе не имѣетъ права на удѣлъ, доколѣ старшее не угасло. По крайней мѣрѣ, и онъ, и первые преемники его (Изяславъ и Всеволодъ) слѣдовали этому правилу, т. е. не давали участковъ младшимъ въ родѣ потомкамъ св. Владиміра, хотя въ то же время своимъ дѣтямъ удѣлы назначали. Племянники и внуки считали себя обиженными и, по свойственному Норманнамъ обыкновенію, добывали области оружіемъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ, Князь Кіевскій могъ удержать за собою первенство, съ правомъ повелѣвать своими братьями, только при помо-

щи особеннаго ума и твердой воли; къ несчастію на Кіевскомъ престолѣ, въ теченіе 60 лѣтъ по смерти Ярослава, являлись одинъ за другимъ три слабые Государя: Изяславъ I, Всеволодъ I, и Святополкъ II; они малодушіемъ своимъ постепенно унижали санъ Великаго Князя, между тѣмъ, какъ удѣльные владѣтели, Святославъ Черниговскій, Олегъ, Романъ, Глѣбъ Святославичи, Всеславъ Полоцкій, Ростиславъ Владиміровичъ, дѣти его Володарь и Василько, Владиміръ Мономахъ, отличались силою души, властолюбіемъ, всѣми свойствами Норманской удали.

48. Князья властолюбивые или безпокойные легко находили средства къ достиженію своей цѣли, по крайней мѣрѣ къ войнѣ продолжительной и упорной, среди Половцевъ, народа дикаго, не разбиравшаго, кому принадлежало право на престолъ, готоваго по первому призыву явиться въ Русской землѣ, чтобы грабить ее. Орды Половецкія, не извѣстнаго, кочующаго племени, приблизились отъ Каспійскаго моря къ юговосточнымъ предѣламъ Руси въ послѣдніе годы княженія Ярославова, частію вытѣснивъ, частію покоривъ остатки Печенѣговъ. Многочисленныя *вежи* ихъ покрывали все пространство отъ береговъ Прута до самой Волги. Не зная земледѣлія, Половцы питались скотоводствомъ, еще болѣе добычею грабежа, и неутомимо вторгались въ сосѣдственныя земли, Половцы.

особенно въ южныя области Руси, открытыя для ихъ набѣговъ. Къ нимъ то обыкновенно обращались Князья, тѣснимые соперниками, и всегда находили толпы грабителей; болѣе всѣхъ искали ихъ помощи Князья Черниговскіе.

Изяславъ I. 1054-1078. 49. Междоусобія начались враждою старшихъ поколѣній съ младшими, Ярославичей съ племянниками Ростиславомъ Владиміровичемъ и Всеславомъ Брячиславичемъ. Ростиславъ, обдѣленный дѣдомъ, жилъ праздно въ Новгородѣ, гдѣ при Ярославѣ княжилъ отецъ его Владиміръ. Подстрекаемый воинственнымъ духомъ, онъ собралъ смѣлую дружину изъ Новгородцевъ, напалъ на Тмутаракань, [1] область, принадлежав-
1064. шую къ удѣлу Черниговскаго Князя Святослава, овладѣлъ ею и выгналъ оттуда Глѣба Святославича. Это междоусобіе вскорѣ прекратилось смертію Ростислава, [2] отравленнаго Греками, которые опасались честолюбивыхъ замысловъ его на Тавриду.

Гораздо долѣе безпокоилъ Ярославичей Всеславъ Полоцкій, обдѣленный, подобно Ростиславу, при раздѣлѣ Русской земли; онъ не хотѣлъ уступить имъ Полоцка, гдѣ княжилъ дѣдъ его Изяславъ, старшій сынъ Владиміра св. и отецъ

1) Она находилась на полуостровѣ Таманѣ. 2) Въ 1066 году. Онъ оставилъ трехъ сыновей, изъ коихъ въ послѣдствіи прославились Володарь и Василько: первый мужествомъ, второй несчастіями.

Брячиславъ, соперникъ Ярославовъ; даже думалъ овладѣть Новгородомъ: напалъ на него нечаянно и ограбилъ Софійскую церковь. Ярославичи спѣшили смирить его, вступили въ область Полоцкую, взяли Минскъ, разбили са- 1067.
мого Всеслава, и заманивъ къ себѣ подъ предлогомъ переговоровъ, вѣроломно заключили въ Кіевѣ въ темницу. Управившись съ сыномъ Брячиславовымъ, они спѣшили отразить Половцевъ, опустошавшихъ область Кіевскую; но сами были разбиты ими на берегахъ Альты и едва спаслись бѣгствомъ. Изяславъ и Всеволодъ 1068.
укрылись въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ. Кіевляне, увидѣвъ бѣгущаго Князя, взволновались и требовали оружія, чтобы снова итти въ битву; Изяславъ не хотѣлъ вести ихъ; вспыхнулъ мятежъ; онъ не могъ усмирить его. Народъ освободилъ Всеслава и провозгласилъ его Великимъ Княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу, къ двоюродному брату своему, Королю Болесла- 1069.
ву II, 1) взялъ у него войско и при помощи Поляковъ снова овладѣлъ престоломъ. Всеславъ успѣлъ скрыться въ Полоцкѣ. Тишина водворилась, но на краткое время.

Во время Всеславова княженія въ Кіевѣ, Святославъ Черниговскій занялъ Новгородъ и не только не хотѣлъ уступить его Изяславу, возвратившемуся изъ Польши, но и самый Кіевъ

1) Онъ былъ сынъ Маріи, дочери Владиміра св., извѣстной въ Польшѣ подъ именемъ Доброгнѣвы.

рѣшился отнять у старшаго брата, недостойнаго быть главою Руси. Съ Княземъ Черниговскимъ
1073. скимъ соединился Всеволодъ Переяславскій. Изяславъ вторично бѣжалъ изъ отечества, болѣе 4 лѣтъ скитался на чужбинѣ, искалъ покровительства у Болеслава II, у Генриха IV, Императора Римскаго, у самого Папы Григорія VII, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы причислить Русь къ Папскимъ владѣніямъ [1]. Болеславъ не хотѣлъ вступиться за Князя Кіевскаго; Императоръ же и Папа убѣждали Святослава примириться съ нимъ. Но слабыя старанія ихъ оставались безплодными до самой смер-
1077. ти Князя Черниговскаго: тогда Всеволодъ, невольный участникъ ссоры, примирился съ старшимъ братомъ и возвратилъ ему Кіевскій престолъ.

Еще прежде Святослава умерли Игорь и Вячеславъ, Князья Владимірскій и Смоленскій. Изъ Ярославичей остались только двое: Изяславъ и Всеволодъ. Они раздѣлили между собою землю Русскую на двѣ половины; хотѣли изгнать Всеслава изъ Полоцка, не дали удѣловъ племянникамъ Борису Вячеславичу, Олегу и Роману Святославичамъ, Давиду Игоревичу; назначили только участки своимъ дѣтямъ. Этотъ дѣ-

1) Въ Папской буллѣ къ Изяславу 1075 года Григорій пишетъ, что сынъ Изяславовъ именемъ его далъ присягу быть вѣрнымъ Римскому первосвященнику. Подлогъ явный: Изяславъ, вступивъ въ послѣдствіи на престолъ, не имѣлъ ни какихъ сношеній съ Римскимъ дворомъ.

лежъ произвелъ новое междоусобіе: племянники искали удѣловъ вооруженною рукою. Всеславъ не думалъ уступить Полоцкъ, отбился отъ Всеволода и сына его Владиміра Мономаха. Олегъ же Святославичъ, въ союзѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, призвалъ на помощь Половцевъ, выгналъ Всеволода изъ Чернигова, сразился съ Изяславомъ, помогавшимъ брату, проигралъ битву и бѣжалъ въ Тмутораканъ. Но эта битва стоила жизни Великому Князю и Борису.

50. Главою Руси, болѣе именемъ и правомъ, нежели самымъ дѣломъ, остался одинъ Ярославичъ, Всеволодъ: онъ занялъ престолъ Великокняжескій и утвердивъ дѣтей Изяславовыхъ въ отведенныхъ имъ удѣлахъ, а сыну своему Владиміру отдавъ Черниговъ, продолжалъ начатое предшественникомъ его усмиреніе строптивыхъ племянниковъ. Но не ему было управиться съ Княземъ Полоцкимъ и Святославичами: первый воевалъ съ нимъ неутомимо, опустошая Смоленскую область; Святославичи приходили съ Половцами изъ Тмутораканя; даже Изяславичи, облагодѣтельствованные дядею, были не довольны своими удѣлами, требовали новыхъ и вооружались на Всеволода. Народъ между тѣмъ роппталъ на слабость Государя, не умѣвшаго унять тіуновъ и намѣстниковъ; Половцы вторгались непрестанно, и только мечъ Мономаховъ могъ обуздать враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ.

Всеволодъ I. 1078-1093.

Святополкъ II 1093-1113. 51. Смерть послѣдняго Ярославича, Всеволода, развязала руки Князьямъ втораго колѣна Ярославова, внукамъ его. Они приступили къ дѣлежу земли Русской, предоставивъ титулъ Великаго Князя старшему въ родѣ, Святополку Изяславичу, Князю малодушному и вѣроломному. Этотъ дѣлежъ въ самомъ началѣ разсорилъ всѣхъ Князей: каждый изъ нихъ хотѣлъ увеличить свой удѣлъ. Святополкъ, вмѣсто примиренія двоюродныхъ братьевъ, коварными дѣйствіями ссорилъ ихъ другъ съ другомъ и съ самимъ собою. Четыре года враждовали Князья, изгоняли одинъ другаго и равнодушно смотрѣли на частыя вторженія Половцевъ, опустошавшихъ южныя области Руси. Владиміръ Мономахъ, сокрушаясь о бѣдствіяхъ отечества и готовясь нанести лютымъ врагамъ ударъ рѣши-
1097. тельный, пригласилъ Князей на *съѣздъ* въ Любечъ, гдѣ съ общаго согласія, раздѣлили Русь, принявъ въ основаніе правило, что дѣтямъ принадлежитъ удѣлъ отцовскій. Святополку Изяславичу отдали Кіевъ, какъ столицу Великокняжескую, и Туровъ, какъ отчину; Владиміру Мономаху, кромѣ наслѣдственной области Переяславской, Смоленскъ; Святославичамъ Олегу Черниговъ, Давиду Рязань, Ярославу Муромъ; Давиду Игоревичу Владиміръ Волынскій; сверхъ того утвердили за племянниками, Мстиславомъ сыномъ Мономаха Новгородъ, за Ростиславичами Володаремъ и Василькомъ Перемышль

и Теребовль. Всеславъ Полоцкій не участвовалъ въ Княжескомъ съѣздѣ и удержалъ за собою Полоцкъ. Князья клялись жить мирно, рѣшать споры общимъ согласіемъ и обязались крестнымъ цѣлованіемъ защищать другъ друга отъ всякаго притѣснителя.

Договоръ въ Любечѣ положилъ прочное основаніе самостоятельности Князей удѣльныхъ, предоставивъ наслѣдственное право поколѣніямъ на отцовскіе участки и власть судить самого Великаго Князя въ случаѣ его несправедливости. Но тишина не могла быть долговременною; въ дѣлежѣ заключались сѣмена распрей. Мономахъ, присвоивъ Новгородъ и Смоленскъ, вооружалъ противъ себя роды Изяслава, Вячеслава, Святослава, и только страхомъ своего имени могъ обуздывать ихъ, накликая грозу на дѣтей и внуковъ. Давидъ Игоревичъ съ своей стороны завидовалъ Ростиславичамъ, за отдѣленіе имъ лучшей части отцовскаго удѣла; а Великій Князь, лишенный даже права посредничества, думалъ самъ о присвоеніи Червенской области, гдѣ господствовали Володарь и Василько. Вражда вскорѣ обнаружилась злодѣйствомъ, дотолѣ неслыханнымъ, ослѣпленіемъ Василька Ростиславича Теребовльскаго въ Кіевѣ, по приказанію вѣроломнаго Святополка, въ слѣдствіе наущеній Давида Игоревича. Этотъ поступокъ 1097.
вооружилъ всѣхъ Князей удѣльныхъ на Святополка: предводимые Мономахомъ и Олегомъ,

они подступили къ Кіеву съ войскомъ и грозно требовали отвѣта отъ Великаго Князя, для чего онъ не хотѣлъ судиться *судомъ Княжескимъ*, если Василько былъ виновенъ? Святополкъ сложилъ всю вину на Давида и обязался наказать его; но вступивъ въ Волынь, обратилъ оружіе на Ростиславичей Разбитый ими на голову, призвалъ на помощь Короля Венгерскаго Коломана, который съ великими силами вступилъ въ Червенскую область. Давидъ, между тѣмъ примирившись съ Ростиславичами, призвалъ Половцевъ подъ начальствомъ храбраго Боняка, ограбившаго за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ самый Кіевъ, и мужественный Володарь, подкрѣпленный имъ, снова поразилъ Святополка и Коломана близъ Перемышля. Венгры были изгнаны; но кровавая брань запылала въ югозападной Руси, между Святополкомъ, Давидомъ и Ростиславичами; въ тоже время Половцы опустошали края юговосточные. Мономахъ снова
1100. успѣлъ созвать Князей на съѣздъ, близъ Кіева, чтобы примирить ослѣпленныхъ родственниковъ, и снова успѣлъ: Давидъ, лишенный общимъ приговоромъ двоюродныхъ братьевъ Владиміра Волынскаго, отданнаго сыну Святополкову Ярославу, смирился и долженъ былъ довольствоваться однимъ Бужскомъ. Прочіе Князья остались при своихъ удѣлахъ. Вскорѣ водворилась всеобщая тишина внутренняя.

Примиреніе Князей было слѣдствіемъ не

столько искренняго желанія мира, сколько внѣшней опасности отечества, громимаго Половцами: пользуясь раздорами нашими, они неутомимо опустошали Русь во все время княженія Святополкова, рузрушили многіе города, построенные Владиміромъ и Ярославомъ I на берегахъ Роси, Сулы, Десны, врывались въ самый Кіевъ. Напрасно думалъ Святополкъ родственнымъ союзомъ прекратить ихъ набѣги, и женился на дочери Хана Половецкаго Тугоркана: дружба одного Хана не мѣшала другимъ тревожить Русь. Князья нерѣдко соединяли свои силы, чтобы наказать варваровъ; но дѣйствуя несогласно, только губили свои рати и внушали врагамъ новую дерзость. Одинъ Мономахъ умѣлъ съ ними управляться: уже при отцѣ своемъ Всеволодѣ, онъ славился счастливыми походами въ землю Половецкую; при Святополкѣ же, господствуя въ области Переяславской, болѣе другихъ подверженной набѣгамъ грабителей, былъ грознымъ бичемъ ихъ и стражемъ отечества: полонивъ въ разное время болѣе ста лучшихъ Хановъ, онъ выпустилъ ихъ изъ неволи, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и потопилъ. Частные успѣхи его не могли однакожъ даровать государству желаемой безопасности: силы Половцевъ съ каждымъ годомъ возрастали и грозили новыми бѣдствіями. На послѣднемъ съѣздѣ Мономахъ убѣдилъ всѣхъ Князей, даже Полоцкаго Давида Всеславича, соединить свои силы, чтобы

дружнымъ ударомъ избавить Русь отъ лютыхъ злодѣевъ, и повелъ союзные полки за Донъ, въ средину земли Половецкой, куда, кромѣ древняго Святослава, ни одинъ Русскій Князь не дерзалъ углубляться; враги сдвинули свои вежи и окружили его воинство со всѣхъ сторонъ на берегахъ Сала. Но рѣшительная побѣда Русскихъ, сокрушивъ главныя силы Половцевъ, надолго обуздала ихъ, и что всего важнѣе доставила Мономаху верховное господство надъ Русью.

II. Возобновленіе Ярославовой системы Мономахомъ.

1113-1132.

Мономахъ. 1113-1125.

52. Въ продолженіе 30 лѣтъ, во все время правленія Всеволода и Святополка, бывъ посредникомъ въ Княжескихъ распряхъ, общимъ миротворцемъ, стражемъ отечества отъ лютыхъ Половцевъ, Мономахъ возвышался надъ всѣми современными Князьями дальновидною политикою, твердостью, мужествомъ; народъ привыкъ видѣть въ немъ главу Руси. Послѣднія же побѣ-

ды надъ Половцами озарили его такою славою, что имя его, по сказанію лѣтописцевъ, гремѣло на востокѣ и западѣ, и Кіевляне, по смерти Святополка, не хотѣли ни кого видѣть на Великокняжескомъ престолѣ, кромѣ Мономаха. Достоинство Великаго Князя, по праву, принадлежало Князьямъ Черниговскимъ, коихъ отецъ, Святославъ Ярославичъ, былъ старѣе Мономахова, Всеволода. Но Святославичи, при всеобщемъ желаніи народа, при могуществѣ Мономаха, не смѣли спорить съ нимъ о правѣ на Кіевъ, и вмѣстѣ съ другими признали его главою Руси.

Присвоеніе Мономахомъ Великокняжеской власти, мимо старшихъ братьевъ, произвело важную перемѣну въ удѣльной системѣ, бывшую слѣдствіемъ его политики. При свѣтломъ взглядѣ на современныя событія, онъ легко видѣлъ, что междоусобія, раздиравшія Русь при Всеволодѣ и Святополкѣ, должны были кончиться раздробленіемъ отечества на части самостоятельныя и уничтожить мысль о единствѣ Русской земли. Для устраненія сего бѣдствія, для внутренней тишины, для цѣлости государственной, онъ считалъ необходимымъ возстановить введенную Ярославомъ I систему господства въ одномъ родѣ, съ правомъ старшаго быть главою, и старался присвоить власть надъ Русью своему дому. Этой цѣли онъ достигъ, вполовину, еще бывъ удѣльнымъ Княземъ, когда смуты родственниковъ и слабость Святополка доз-

волили ему присоединить къ отчинѣ П[illegible] ской Новгородъ, Смоленскъ, частію Черниговъ. Оставалось утвердить за родомъ его Кіевъ, владѣтель коего могъ еще быть главою Руси. Обстоятельства благопріятствовали: сильнѣйшихъ соперниковъ уже не было въ живыхъ, ни Всеслава Полоцкаго, ни Олега Черниговскаго, ни Володаря Перемышльскаго; всѣ они умерли прежде Мономаха. Дѣти ихъ наслѣдовали отцовскіе удѣлы; но владѣли ими до тѣхъ только поръ, доколѣ исполняли волю Великаго Князя. Непокорные были укрощаемы рѣшительными мѣрами и теряли свои области, кои переходили въ родъ Мономаховъ. Эта участь постигла сперва сына Всеславова, Глѣба Князя Минскаго, потомъ сына Святополкова, Ярослава Князя Владимірскаго; первый за непокорность взятъ былъ въ плѣнъ и умеръ въ Кіевской темницѣ; второй, также раздражившій Мономаха, тщетно искалъ помощи Венгровъ и Поляковъ, самъ потерялъ жизнь въ борьбѣ неравной; иноземцы были изгнаны; удѣлъ его отданъ одному изъ сыновей Владиміровыхъ, Андрею. Новгородцы съ своей стороны испытали строгость Великаго Князя: онъ смирилъ ихъ строптивость заточеніемъ знатнѣйшихъ гражданъ и далъ имъ въ посадники Кіевскаго вельможу.

Слѣдуя постоянно системѣ фамильнаго господства въ своемъ родѣ, Владиміръ Мономахъ утвердилъ большую часть Руси за своими дѣть-

ми и внуками, Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Суздаль, Переяславль, Владиміръ Волынскій; оставались не подвластными его дому только Княжества Черниговское, Полоцкое и Червенское, гдѣ господствовали потомки другихъ поколѣній Святослава, Всеслава и Ростислава, не смѣя однакожь раздражать Великаго Князя неповиновеніемъ. Власть его не уступала Ярославовой. Скрѣпивъ Русь внутри, сосредоточивъ всѣ силы ея въ своей державной десницѣ, онъ въ тоже время старался оградить ее извнѣ: Мстиславъ смирилъ мятежную Чудь; Всеволодъ Мстиславичъ Новгородскій, внукъ Мономаховъ, совершилъ походъ въ Финляндію, Юрій Суздальскій въ Камскую Болгарію, Ярополкъ Переяславскій въ землю Половецкую: они вездѣ одолѣвали враговъ, и Русь по прежнему стала грозною для сосѣдей. Между тѣмъ самъ Мономахъ объѣзжалъ свои области, строилъ города (Владиміръ на Клязмѣ), воздвигалъ каменныя стѣны (въ Новгородѣ и Ладогѣ), созидалъ церкви, наводилъ мосты (чрезъ Днѣпръ), издавалъ законы (о ростахъ).

Мстиславъ I 1123-1132.

53. Хитрою политикою, громкими побѣдами, истинными заслугами, успѣвъ присвоить себѣ большую часть Руси и установить наслѣдство Великокняжеской власти въ своемъ родѣ, подобно Ярославу, Мономахъ передалъ пріобрѣтенное имъ право своимъ дѣтямъ, возложивъ на

нихъ трудную обязанность утвердить новый порядокъ вещей. Первый преемникъ, старшій сынъ его, Мстиславъ съ искусствомъ и успѣхомъ слѣдовалъ политикѣ отцовской, имѣвшей цѣлью возвратить Великому Князю прежнюю силу, верховное первенство, и утвердить его достоинство за однимъ родомъ со всею Русью. Для достиженія этой цѣли, Мстиславъ держалъ удѣльныхъ Князей, своихъ братьевъ и племянниковъ, въ повиновеніи безпрекословномъ, требуя строго, чтобы каждый изъ нихъ довольствовался своею областью. Князей же другаго племени, Святославичей, Всеславичей, Ростиславичей, обуздывалъ мѣрами рѣшительными, хотѣлъ быть миротворцемъ ихъ и не давалъ пощады непокорнымъ. Самымъ разительнымъ доказательствомъ его силы и очевиднаго стремленія къ фамильному господству было изгнаніе Князей Полоцкихъ. Какъ потомки старшаго сына Владиміра св. Изяслава, наслѣдовавъ отъ праматери своей Рогнѣды непримиримую ненависть къ Ярославичамъ, они хотѣли быть независимы, искали всегда случая вредить имъ и не щадили отечества. Всеславъ около 57 лѣтъ неутомимо враждовалъ Изяславу, Всеволоду, Святополку, и былъ опаснѣе даже враговъ иноземныхъ. Мономахъ приготовилъ паденіе этого враждебнаго дома, успѣвъ обуздать Князя Минскаго; Мстиславъ сдѣлалъ болѣе: соединилъ подъ свои знамена всѣхъ Князей, исключая однихъ Рости-

славичей, и послалъ ихъ въ землю Полоцкую брать города, полонить Князей; успѣхъ былъ совершенный: всѣ Князья Полоцкіе, три сына и два внука Всеславовы, съ женами и дѣтьми, отвезены въ Константинополь. Княжества Полоцкое и Минское отданы Изяславу Мстиславичу. 1128.

Завоеваніемъ Полоцкой области, Мстиславъ довершилъ планы Мономаха: самъ грозно и твердо, какъ глава и миротворецъ, господствовалъ въ Кіевѣ и Смоленскѣ; братья его княжили: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей въ Владимірѣ, Юрій Долгорукій въ Суздалѣ; дѣти: Всеволодъ въ Новгородѣ, Изяславъ въ Полоцкѣ и Минскѣ. Оставались только два удѣла не въ родѣ Мономаховомъ, Черниговскій, гдѣ княжилъ Всеволодъ Ольговичъ въ спорѣ съ дядею и двоюродными братьями, и Червенскій, гдѣ господствовали также несогласные потомки Володаря и Василька. Сіи удѣлы, стѣсняемые со всѣхъ сторонъ дѣтьми Мономаха, должны были исчезнуть сами собою отъ собственныхъ раздоровъ; надобно было только предупредить распри въ самомъ домѣ Мономаховомъ: Мстиславъ видѣлъ опасность и старался устранить ее, назначивъ престолъ, по смерти брата своего Ярополка, сыну своему Всеволоду, уже господствовавшему въ Новгородѣ. Этою мѣрою установлялся порядокъ престолонаслѣдія по низходящей линіи. Но вопреки дальновиднымъ расчетамъ и планамъ Мстислава,

междоусобія, по смерти его, запылали съ большею яростію, чѣмъ прежде; распри Князей изъ споровъ дядей съ племянниками, обратились въ злобу родовую, во вражду поколѣній; стремленіе частей къ самобытности стало неодолимо.

III. Уничтоженіе Мономаховой системы.

1132 - 1157.

Паденіе дома Мономахова.

54. Утверждая власть надъ Русью въ своемъ родѣ, Мономахъ надѣялся, подобно Ярославу, что при господствѣ одной фамиліи, кровное родство Князей будетъ вѣрнѣйшимъ залогомъ цѣлости государственной и тишины внутренней: и тотъ и другой равно обманулись; источники распрей осталися тѣже; въ исторіи потомковъ Мономаха повторилась исторія Ярославичей: дѣти его, исключая Мстислава, были малодушны, слабы, или вѣроломны, а внуки его отличались мужествомъ, смѣлостію, всѣми свой-

ствами витязей Норманскихъ. Вражда за дѣлежъ между дядями и племянниками была неизбѣжна.

Сверхъ того, присвоеніе младшимъ родомъ первенства и большей части Руси, уничтоживъ мысль о законности старѣйшинства, опредѣлявшаго порядокъ наслѣдства Великокняжеской власти, открыло обширное поприще властолюбію Князей безпокойныхъ, въ самомъ родѣ Мономаховомъ, и дало имъ смѣлость итти по слѣдамъ его.

Тѣмъ менѣе думали отказаться отъ своего права старшіе потомки Ярославовы, Князья Черниговскіе, что Кіевскій престолъ послѣ Мстислава былъ пріобрѣтеніемъ завиднымъ.

Въ слѣдствіе сего, возобновленная Мономахомъ Ярославова система рушилась: 1, отъ междоусобія дѣтей и внуковъ его, отъ вражды дядей съ племянниками; 2, отъ стремленія къ первенству Князей Черниговскихъ, увлекшихъ за собою и другія поколѣнія.

55. Междоусобія въ родѣ Мономаховомъ обнаружились немедленно по вступленіи на престолъ Кіевскій слабаго Ярополка Владиміровича. Мстиславъ, передавая ему Великокняжеское достоинство, обязалъ его договоромъ уступить въ удѣлъ сыну своему Всеволоду Князю Новгородскому Переяславль, отчину Мономахову, съ коею соединялась уже мысль о правѣ на Ярополкъ II 1132-1139.

престолъ Кіевскій. Ярополкъ хотѣлъ исполнить договоръ; но братъ его Юрій, властолюбивый Князь Суздальскій, самъ помышляя о Кіевѣ, выгналъ Всеволода изъ Переяславля; Ярополкъ, не умѣя поддержать своихъ распоряженій рѣшительными мѣрами, и въ тоже время проникая замыслы Юрія, отдалъ Переяславль брату своему Вячеславу, который согласился въ замѣнъ уступить свой удѣльный городъ Туровъ племяннику Изяславу Мстиславичу; но вскорѣ раздумалъ, вѣроятно устрашенный опаснымъ сосѣдствомъ Половцевъ, и возвратился въ Туровъ. Переяславлемъ снова завладѣлъ Юрій; а Изяславъ, оставшись безъ удѣла, обратился къ брату, Новгородскому Князю Всеволоду; оба Мстиславича соединились съ Князьями Черниговскими Ольговичами и пошли на дядей: Всеволодъ съ Новгородцами на Юрія, Изяславъ съ Ольговичами, призвавшими Половцевъ, на Ярополка. Первый проигралъ битву на Ждановой горѣ и бывъ за то изгнанъ Новгородцами, удалился во Псковъ, гдѣ и умеръ; а второй, опустошивъ область Переяславскую, примирился съ Ярополкомъ и получилъ отъ него Владиміръ
1137. Волынскій. Переяславль отданъ былъ Андрею Владиміровичу.

Князья Черниговскіе искусно вмѣшались въ эту вражду, чтобы раздѣлить силы дома Мономахова и ослабивъ ихъ раздоромъ, присвоить первенство, принадлежавшее имъ по праву.

Они начали съ Новгорода, воспользовавшись своеволіемъ народа, и утвердили тамъ власть свою. Но избранный Новгородцами Святославъ Ольговичъ не умѣлъ угодить буйной черни, былъ изгнанъ и попался въ руки соперниковъ. Братъ его Всеволодъ, призвавъ Половцевъ, опустошилъ южныя области Руси. Тогда всѣ дѣти и внуки Мономаха соединились дружнымъ союзомъ и подступили къ Чернигову. Всеволодъ смирился и, чтобы отклонить грозу, заключилъ договоръ, ожидая перваго случая разсорить Мономахово племя и овладѣть Кіевскимъ престоломъ, принадлежавшимъ ему по праву. Этотъ случай вскорѣ представился: Ярополкъ умеръ; 1139.
мѣсто его спѣшилъ занять Вячеславъ Владиміровичъ. Зная малодушіе и безпечность новаго Великаго Князя, Князь Черниговскій быстро подступилъ къ Кіеву и выгналъ Вячеслава.

56. Всѣ потомки Мономаховы вооружились на Ольговича, привыкнувъ считать Кіевъ собственностію своего рода. Всеволодъ спѣшилъ предупредить грозу и, пославъ воеводъ противъ Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владиміровича, самъ пошелъ на Андрея Переяславскаго, въ намѣреніи отнять удѣлъ его для брата, какъ будущаго преемника своего. Дѣти Мономаховы мужественною обороною удержали за собою свои удѣлы; но, не успѣвъ соединиться, принуждены были заключить миръ и оставить Всево- Всеволодъ II 1139 - 1146.

лода спокойнымъ обладателемъ Кіева. Мстиславичи даже подружились съ нимъ, въ надеждѣ получить послѣ него Кіевскій престолъ, какъ онъ обѣщалъ имъ. Всеволоду оставалось смирить только двухъ Князей, постоянно враждовавшихъ ему: Юрія Суздальскаго и Владимірка Галицкаго. Юрій, младшій сынъ Мономаха, будучи властолюбивѣе и коварнѣе старшихъ братьевъ, давно уже готовилъ себѣ Кіевскій престолъ, не спускалъ взора съ Переяславля, и всѣми мѣрами старался утвердить свое вліяніе въ Новгородѣ. Подстрекаемые его происками, буйные Новгородцы изгнали братьевъ и сыновей Великаго Князя; при всемъ томъ не могли поладить съ Юріемъ и предавались всѣмъ неистовствамъ необузданной свободы. Сынъ же знаменитаго Володаря Перемышльскаго, Владимірко, не менѣе честолюбивый, еще болѣе хитрый и далеко превосходившій Юрія мужествомъ, бичъ Поляковъ и Венгровъ, основавъ свою столицу въ Галичѣ на Днѣстрѣ, прибиралъ къ своимъ рукамъ удѣлы братьевъ, вмѣшивался въ раздоры Князей сѣверной Руси, искалъ случая увеличить свою область и простиралъ свои замыслы на Владиміръ Волынскій, гдѣ господствовалъ сынъ Великаго Князя. Всеволодъ убѣдилъ своихъ братьевъ и домъ Мономаха предпринять походъ на Галичъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріятельскимъ войскомъ, хитрый Владимірко склонилъ на свою

сторону брата Всеволодова Игоря, обѣщаніемъ содѣйствовать ему къ восшествію на Кіевскій престолъ и заключилъ миръ; вскорѣ нарушилъ его изгнаніемъ племянника Іоанна Берладника, покровительствуемаго Всеволодомъ, снова вооружилъ противъ себя всѣхъ Русскихъ Князей и снова избѣгнулъ мщенія, мужественною обороною Звенигорода воеводою Иваномъ Халдѣевичемъ. Между тѣмъ Всеволодъ скончался, назначивъ преемникомъ себѣ брата своего Игоря. 1146.

Кіевляне, раздражаемые неправосудіемъ и грабительствомъ тіуновъ Всеволодовыхъ, требовали, чтобы Игорь удалилъ ихъ и, получивъ обѣщаніе, согласились признать его Государемъ; но не видя исполненія даннаго имъ слова, предложили престолъ Изяславу Мстиславичу, внуку Мономахову, напоминавшему своего дѣда мужествомъ, благочестіемъ, привѣтливостію, столь же хитрому и честолюбивому. Онъ прибылъ съ войскомъ изъ Переяславля и съ радостію былъ провозглашенъ Великимъ Княземъ. Игоря же народъ заключилъ въ темницу. Игорь. 1146.

57. Овладѣвъ Кіевомъ, Изяславъ накликалъ на себя враговъ со всѣхъ сторонъ: Князья Черниговскіе должны были вооружиться за право родственника и за право старѣйшихъ; сыновья Мономаховы тѣмъ менѣе могли простить дерзкому племяннику, что Вячеславъ уже былъ Ве- Изяславъ II 1146-1154.

ликимъ Княземъ, а Юрій давно искалъ сего достоинства, и питалъ личную вражду къ Изяславу; Владимірку Галицкому, для вѣрнѣйшаго успѣха его замысла, хотѣлось видѣть въ Кіевѣ не мужественнаго Мстиславича, а слабаго Игоря. Престолъ его окруженъ былъ отвсюду опасностями, какъ скала, подмываемая бурнымъ моремъ. Онъ устоялъ на своемъ, одолѣлъ враговъ искусною политикою, геройскимъ мужествомъ, и умеръ Великимъ Княземъ, но подъ громомъ браней междоусобныхъ, низринувшихъ престолъ Великаго Князя Кіевскаго и разорвавшихъ Русь на части.

Прежде всѣхъ вооружился Святославъ Ольговичъ, для освобожденія брата своего Игоря; въ слѣдъ за нимъ Юрій Суздальскій. Великій Князь, дѣйствуя быстро и рѣшительно, отражалъ ихъ набѣги и опустошалъ ихъ собственныя области, тѣмъ успѣшнѣе, что Князья Черниговскіе, двоюродные братья Святославовы, Изяславъ и Владиміръ Давидовичи, держали его сторону. Но вскорѣ и эти союзники коварно его оставили, соединившись съ врагами. Вѣроломство ихъ озлобило Кіевлянъ, любившихъ Изяслава: раздраженная чернь умертвила Игоря,
1147. уже схимника. Смерть его воспламенила войну всеобщую. Соперники дрались съ ожесточеніемъ Къ счастію Изяслава, Юрій своею медленностію и коварною политикою раздражалъ союзниковъ, даже собственныхъ дѣтей, между тѣмъ,

какъ сынъ Мстислава умѣлъ заслужить уваженіе самыхъ враговъ. Князья Черниговскіе предложили миръ, дали клятву блюсти Русскую землю заодно съ Изяславомъ и вооружились на Юрія, за покушеніе его овладѣть Новгородомъ.

Святославъ Ольговичъ не могъ однако забыть смерть брата и, считая Великаго Князя убійцею его, соединился съ Княземъ Суздальскимъ, который осадилъ Переяславль. Подъ стѣнами этого города сразились соперники. Осторожный Юрій, пользуясь опрометчивостію племянника, разбилъ его наголову, овладѣлъ Переяславлемъ, вскорѣ самымъ Кіевомъ и распредѣлилъ удѣлы. Изгнанный Изяславъ, укрывшись 1149.
въ Владимірѣ Волынскій, нашелъ союзниковъ въ Короляхъ Польскомъ, Венгерскомъ и Богемскомъ, которые привели ему свои войска. Но Юрій умѣлъ склонить иноземцевъ къ удаленію изъ Руси, заключилъ тѣсную дружбу съ Владимірко̀мъ Галицкимъ и послѣ успѣшныхъ дѣйствій въ Волыни, прославившихъ мужественнаго сына его Андрея, принудилъ племянника смириться. Изяславъ сложилъ съ себя достоин- 1150.
ство Великаго Князя, которое, съ общаго согласія, предоставили старшему дядѣ его, Вячеславу, и удовольствовался Владимірскою областью, съ данями Новгородскими.

Юрій не исполнилъ договора, удержавъ Кіевъ за собою. Вражда запылала снова. Изяславъ бы-

стро пошелъ на него, выгналъ его изъ столицы, удалилъ и другаго дядю Вячеслава; но въ свою очередь разбитый союзникомъ Юріевымъ, Княземъ Галицкимъ, удалился въ область Владимірскую, съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить дядю или умереть. Оставленный всѣми Князьями Русскими, онъ заключилъ союзъ съ Королемъ Венгерскимъ Гейзою, получилъ отъ него 10.000 воиновъ, воинскою хитростію обманулъ Владимірка, заслонявшаго ему дорогу къ Кіеву, и такъ быстро подступилъ къ столицѣ, что Юрій едва успѣлъ спастися бѣгствомъ. Кіевляне приняли его съ восторгомъ и снова провозгласили Великимъ Княземъ. Для лучшаго успѣха, онъ умѣлъ заслужить любовь добродушнаго Вя-
1151. чеслава, который охотно согласился раздѣлить съ нимъ престолъ и призналъ его сыномъ своимъ. Венгры возвратились восвояси. Юрій между тѣмъ собралъ войско, напрягъ всѣ силы свои, призвалъ Ольговичей, Половцевъ, и осадилъ Кіевъ. Вячеславъ убѣждалъ Юрія забыть вражду и прекратить кровопролитіе, говоря, что Изяславъ объявилъ его своимъ отцемъ и Государемъ. Князь Суздальскій соглашался признать старшаго брата Государемъ, но требовалъ, чтобы племянники, Изяславъ и братъ его Ростиславъ, Князь Смоленскій, удалились изъ Кіева. Вячеславъ не хотѣлъ разстаться съ ними: тогда рѣшили дѣло битвою, подъ стѣнами Кіева, упорною и кровопролитною. Не взирая на мужество сына

своего Андрея, Юрій былъ разбитъ наголову и бѣжалъ въ Переяславль; изгнанный и отсюда, ушелъ въ Городню и ждалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ отъ союзника своего Владимірка. 1152.

Но Изяславъ, умѣя побѣждать, умѣлъ и пользоваться побѣдою. Онъ снова призвалъ на помощь вѣрнаго союзника своего Короля Гейзу и вмѣстѣ съ нимъ поразилъ Владимірка на берегахъ Сана. Князь Галицкій едва успѣлъ укрыться въ Перемышлѣ, притворился тяжело раненымъ и молилъ союзниковъ о пощадѣ. Изяславъ, зная характеръ его, хотѣлъ довершить месть. Но Гейза, поспѣшая отразить отъ своихъ предѣловъ Императора Мануила, вступившагося за друга своего, Князя Галицкаго, склонилъ союзниковъ къ миру и обязалъ клятвою общаго врага навсегда остаться другомъ Изяславу. Владимірко, по удаленіи Гейзы, не думалъ исполнить договоръ, и снова замышлялъ походъ на Изяслава, услышавъ, что Юрій опять вооружился. Неожиданная смерть прекратила его замыслъ. Сынъ его Ярославъ ласкалъ Великаго Князя; но также слѣдовалъ политикѣ отцовской: новая всеобщая война грозила отечеству. Изяславъ не успѣлъ примирить своихъ враговъ и умеръ, оплакиваемый, какъ отецъ своими подданными. 1153.

58. Вячеславъ, переживъ племянника, коего онъ любилъ, какъ сына, призвалъ на престолъ Великокняжескій другаго Мстиславича, Ростислава, Князя Смоленскаго. Но ни Князья Чер- Юрій Долгорукій. 1154-1157.

пиговскіе, ни Юрій не хотѣли признать его Государемъ, и сами искали Кіева. Изяславъ Давидовичъ выгналъ Ростислава, а Юрій вытѣснилъ Изяслава, и сѣлъ на Кіевскомъ престо-
1155. лѣ. Онъ достигъ наконецъ своей цѣли, уже въ старости, и хотя по смерти Вячеслава, имѣлъ болѣе другихъ право на первенство; но ни Князья, ни подданные не любили его. Впрочемъ безпрерывныя междоусобія такъ всѣхъ утомили, что съ восшествіемъ Юрія на престолъ, водворилась тишина въ Руси, только не долговременная. Мстиславъ Изяславичъ, сынъ главнаго врага Юріева, не хотѣлъ признать его Великимъ Княземъ и дѣйствовалъ въ Волыни, какъ непріятель. Князья Черниговскіе соединились съ нимъ тѣснымъ союзомъ, къ косму пристали и другіе Князья. Всеобщее междоусобіе
1157. готово было вспыхнуть: смерть Юрія предупредила его. Насталъ новый порядокъ вещей.

IV. Раздробленіе Руси на многія Княжества независимыя.

1157 - 1240.

Паденіе Кіева. 59. Смертью Юрія Долгорукаго рушилась установленная Мономахомъ система соединенія

Русскихъ Княжествъ въ одно цѣлое властію Великаго Князя Кіевскаго. Доселѣ, въ продолженіе 100 лѣтъ, не взирая на явное стремленіе удѣльныхъ владѣтелей къ самостоятельности, не могла исчезнуть мысль о первенствѣ Князя Кіевскаго, о зависимости отъ него удѣльныхъ. На престолъ его смотрѣли, какъ на опору верховной власти, и каждый Князь, успѣвавшій утвердиться въ Кіевѣ, даже безъ законнаго права, далеко превосходилъ всѣхъ другихъ силою и мало по малу пріучалъ ихъ къ повиновенію: такъ господствовали Всеволодъ Ольговичъ, Изяславъ Мстиславичъ, самъ Юрій Долгорукій, возсѣвшій уже на развалинахъ, ненавистный родственникамъ и народу. Онъ былъ послѣднимъ.

Понятіе о правѣ поколѣній на власть наслѣдственную, на самостоятельность неограниченную, достигло полнаго развитія, уничтожило понятіе о первенствѣ Кіевскаго владѣтеля, разорвало союзъ частей и раздробило Русь въ родѣ Владиміра св. на множество Княжествъ независимыхъ, изъ коихъ каждое представляло міръ отдѣльный, принадлежало исключительно одной фамиліи и дробилось въ отрасляхъ ея на новыя Княжества. Здѣсь вездѣ повторялась исторія прежней Руси, только въ меньшемъ объемѣ, ограничиваясь отраслями одного рода: тѣже междоусобія дядей съ племянниками, тоже стремленіе къ первенству однѣхъ

фамилій, тоже противодѣйствіе другихъ. При внутреннемъ волненіи, Княжества еще сталкивались другъ съ другомъ за право владѣнія Кіевомъ или Новгородомъ, переходившими изъ одного рода въ другой, и это столкновеніе было поводомъ къ новымъ распрямъ.

Главныя поколѣнія

60. Рѣшительное стремленіе къ отдѣльной самостоятельности, ко присвоенію власти наслѣдственной, обнаружилось вскорѣ по смерти Мстислава Великаго, во всѣхъ потомкахъ Владиміра св. Многіе роды угасли, не достигнувъ этой цѣли; другіе же, пользуясь слабостію преемниковъ Мстислава, въ особенности враждою Ольговичей съ дѣтьми и внуками Мономаха, утвердили наслѣдственную власть въ пріобрѣтенныхъ ими удѣлахъ и передали ее своимъ потомкамъ. Четыре главныя отрасли, раздѣлившіяся въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія на многія вѣтви, господствовали въ Русской землѣ отъ смерти Юрія до нашествія Монголовъ: I, въ родѣ Изяслава Полоцкаго; II, Володаря Перемышльскаго; III, Святослава Черниговскаго и IV, Владиміра Мономаха.

К. Полоцкіе.

61. Родъ Всеслава Полоцкаго былъ старшею отраслію Владиміра св. Онъ господствовалъ до Мстислава Великаго въ Полоцкѣ, Друцкѣ, Минскѣ, Логожскѣ, Лукомлѣ, и другихъ городахъ земли Кривской, раздѣляясь на

два главные дома, Князей Полоцкихъ и Минскихъ; ранѣе всѣхъ другихъ потомковъ Владиміра св. хотѣлъ быть независимымъ, и не признавая первенства Великаго Князя Кіевскаго, постоянно враждовалъ дому Ярослава Мудраго. Потрясенный Владиміромъ Мономахомъ, изгнанный въ Грецію Мстиславомъ I, родъ Всеславовъ успѣлъ снова утвердиться въ наслѣдственной области, при слабомъ Ярополкѣ, и съ тѣхъ поръ господствовалъ въ ней независимо до начала XIV вѣка. Внутреннія междоусобія свирѣпствовали здѣсь съ такимъ же ожесточеніемъ, по тѣмъ же причинамъ, какъ и въ другихъ Княжествахъ Русскихъ. Въ непримиримой враждѣ, Князья прибѣгали къ чужой помощи и давали поводъ утвердить надъ собою вліяніе Князьямъ Суздальскимъ, еще болѣе Черниговскимъ; наконецъ до того себя ослабили, что не имѣли средствъ отразить стремленіе Литовскихъ завоевателей и подпали ихъ власти.

62. Родъ Володаря Перемышльскаго ранѣе всѣхъ другихъ поколѣній Ярославовыхъ обнаружилъ стремленіе къ самостоятельности. Онъ господствовалъ болѣе 60 лѣтъ, до конца XII вѣка, независимо отъ Великаго Князя Кіевскаго, въ югозападной Руси; здѣсь, на берегахъ Днѣстра, сынъ Володаревъ Владимірко построилъ городъ Галичъ и положилъ основаніе могущественному *Княжеству Галицкому*, между Кар-

патами и обоими Бугами, присоединивъ къ нему удѣлы братьевъ и племянниковъ, Перемышль, Теребовль, Звенигородъ. Не довольствуясь богатою областію, онъ старался овладѣть Волынью и тѣснилъ тамошнихъ Князей, зависѣвшихъ отъ Великаго Князя Кіевскаго. Властолюбіе и вѣроломство его вооружало неоднократно всѣхъ почти Князей Русскихъ на Галичъ. Всеволодъ Ольговичъ и Изяславъ Мстиславичъ нѣсколько разъ приходили туда съ союзниками и многочисленнымъ войскомъ: Князь Галицкій спасалъ свой престолъ частію мужествомъ, частію помощію Венгровъ и Поляковъ, а болѣе всего распрями своихъ непріятелей. Для вѣрнѣйшаго успѣха въ своихъ властолюбивыхъ замыслахъ, онъ искусно вмѣшивался въ раздоры потомковъ Мономаха и въ родовую вражду ихъ съ Ольговичами, былъ непримиримымъ врагомъ Изяславу Мстиславичу и постояннымъ другомъ Юрію Долгорукому, коему болѣе всѣхъ другихъ союзниковъ содѣйствовалъ къ изгнанію Изяслава изъ Кіева. Преемникъ
1153. его Ярославъ Владимірковичъ слѣдовалъ иной политикѣ: не искалъ безполезныхъ завоеваній, любилъ миръ, покровительствовалъ промышленность, заслужилъ уваженіе не только Русскихъ Князей, чтившихъ въ немъ Государя мудраго, сильнаго, но и чужеземныхъ Вѣнценосцевъ: Греческій Императоръ Мануилъ искалъ его пріязни; Греческій Царевичъ Андроникъ покрови-

тельства; сосѣдственные же Короли Венгерскій и Польскій трепетали его оружія. Плодомъ мудрой политики Ярослава, названнаго современниками *Осмомысломъ*, было цвѣтущее состояніе Галицкаго Княжества, богатство жителей, обширная торговля и очевидное смягченіе нравовъ народныхъ. Смертію недостойнаго преемника его Владиміра пресѣкся знаменитый домъ Володаря Перемышльскаго. Галичъ, послѣ 1198.
многихъ волненій, перешелъ въ родъ Романа Мстиславича Князя Волынскаго.

63. Родъ Святослава Черниговскаго въ потомствѣ двухъ сыновей его, Олега и Ярослава, раздѣлился на четыре главныя отрасли: Князей Черниговскихъ, Сѣверскихъ, Рязанскихъ и Пронскихъ.

I. Домъ Олега, въ родѣ старшаго сына его, *Всеволода* Ольговича, утвердилъ господство въ Княжествѣ Черниговскомъ; въ родѣ младшаго сына, *Святослава*, въ Княжествѣ Сѣверскомъ.

а) Князья *Черниговскіе* сосредоточивали во- Князья Черниговскіе.
кругъ себя политику средней Руси: вели безпрестанныя войны, или заключали союзы съ Князьями Смоленскими, Волынскими, Галицкими и Суздальскими; хотѣли имѣть вліяніе на Кіевъ, Полоцкъ, Новгородъ, и перѣдко достигали своей цѣли. Присвоеніе Кіева, въ особенности Новгорода, вовлекало ихъ въ раздоры съ владѣ-

телями Суздальскими, которые со времен Юрія Долгорукаго искали первенства надъ всѣми Князьями и на этомъ основаніи хотѣли властвовать въ Новгородѣ, составлявшемъ искони удѣлъ Великаго Князя. Всѣ потомки Всеволода Ольговича отличались неутомимою дѣятельностію, воинственнымъ духомъ и безпокойнымъ нравомъ. Славнѣйшій изъ нихъ былъ сынъ Все-
1194. володовъ, Святославъ; умомъ и оружіемъ онъ утвердилъ господство своего дома въ Черниговѣ, (коимъ овладѣлъ было младшій родъ Святослава Ярославича въ поколѣніи Давида, подъ вліяніемъ Князя Суздальскаго Андрея Боголюбскаго), искусно ссорилъ потомковъ Мономаховыхъ и съ успѣхомъ пользуясь ихъ распрями, господствовалъ въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и Полоцкѣ. Внукъ его Михаилъ Всеволодовичъ былъ свидѣтелемъ нашествія Батыева и жертвою своей великодушной твердости.

К. Сѣверскіе. ѣ) Князья *Сѣверскіе*, потомки большею частію Святослава Ольговича, господствовали въ Новгородѣ Сѣверскомъ, Путивлѣ, Брянскѣ, Трубчевскѣ, Курскѣ, и другихъ городахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Раздѣляясь на многія отрасли, они устремляли воинственную дѣятельность свою преимущественно на южныхъ сосѣдей, Половцевъ, и нерѣдко предпринимали отважные походы въ землю Половецкую. Изъ нихъ болѣе всѣхъ прославились мужествомъ ратнымъ два брата, дѣти Святослава Ольговича, Игорь Сѣвер-

скій и Всеволодъ Трубчевскій; смѣлый подвигъ ихъ описанъ въ Словѣ о полку Игоревомъ.

II. Домъ Ярослава Святославича *Рязанскаго*, раздѣленный въ родѣ двухъ сыновей его Ростислава и Святослава на два поколѣнія, господствовалъ въ *Рязани и Муромѣ*; въ началѣ XIII столѣтія отрасль Князей Рязанскихъ утвердилась въ *Пронскѣ*, въ поколѣніи внука Ростиславова Всеволода Глѣбовича. Потомки Ярослава Рязанскаго вели междоусобныя войны и дали поводъ Андрею Боголюбскому подчинить себя его власти; зависимость ихъ отъ Суздаля еще болѣе утвердилась при Всеволодѣ Юрьевичѣ. Но слабый Георгій Всеволодовичъ допустилъ имъ возвратить прежнюю самостоятельность. К. Рязанскіе и Пронскіе.

64. Родъ Владиміра Мономаха, въ поколѣніи двухъ сыновей его Мстислава и Юрія, раздѣлившись на многія вѣтви, утвердилъ наслѣдственную власть въ большей части древней Руси. Старшее поколѣніе Мономахово господствовало въ Княжествахъ Волынскихъ и Смоленскомъ, младшее въ Суздальскомъ.

1. Въ *Волынскихъ* Княжеествахъ, во Владимірѣ, Луцкѣ, и другихъ городахъ, съ половины XII вѣка утвердилось старшее поколѣніе Мстислава I, въ родѣ сына его Изяслава Мстиславича; знаменитѣйшимъ изъ Князей этаго дома, былъ внукъ Изяславовъ Романъ Мстиславичъ, который въ 1198 году, по смерти Вла- К. Волынскіе.

диміра, послѣдняго потомка Володарева, овладѣлъ, при помощи Поляковъ, Галичемъ, прославился рѣдкимъ мужествомъ и неслыханнымъ тиранствомъ въ новомъ государствѣ своемъ: безъ пощады истреблялъ вельможъ, вымышлялъ муки и плавалъ въ крови подданныхъ; въ тоже время былъ грозою для всѣхъ сосѣдей, располагалъ Кіевомъ, громилъ Польшу, обуздывалъ Литву, Ятвяговъ, и величался именемъ Самодержца всея Руси. Сынъ его Даніилъ еще болѣе прославился мужественною борьбою съ Монголами и упрочилъ наслѣдственную власть своего дома въ Княжествѣ Галицкомъ, гдѣ потомки его господствовали до покоренія Галиціи Поляками въ XIV столѣтіи.

К. Смоленскіе. II. Въ *Смоленскомъ* Княжествѣ утвердилась другая отрасль Мстислава Великаго, въ родѣ втораго сына его Ростислава. Домъ его наиболѣе прославился двумя героями Мстиславомъ Храбрымъ и Мстиславомъ Удалымъ. 1183. Мстиславъ Храбрый, сынъ Ростислава, ознаменовалъ себя мужествомъ въ восточной Руси, въ дѣлахъ Новгорода съ Князьями Суздальскими; Мстиславъ Удалой, сынъ Храбраго, еще болѣе обезсмертилъ себя изгнаніемъ Венгровъ изъ Галиціи, коею они овладѣли было по смерти Романа, и битвою съ Монголами 1224. на Калкѣ. Въ концѣ XIII вѣка отрасль Князей Смоленскихъ во родѣ Ѳеодора Чернаго утвердилась и въ Ярославлѣ.

К. Суздал. III. Младшій родъ Владиміра Мономаха, въ

поколѣніи сына его Юрія Долгорукаго, утвердилъ наслѣдственную власть въ Княжествѣ *Суздальскомъ*. Получивъ отъ отца въ удѣлъ страну менѣе другихъ обширную (между Волгою, Клязьмою и Протвою), лѣсистую, малолюдную, съ тремя городами Суздалемъ, Ростовомъ и Владиміромъ, Юрій проложилъ въ лѣсахъ пути, построилъ храмы, обратилъ язычниковъ въ вѣру христіанскую, основалъ Переяславль Залѣсскій, Дмитровъ, Юрьевъ, Москву, правилъ своимъ удѣломъ независимо, и вступивъ на Кіевскій престолъ, отдалъ свою отчину сыну Андрею, который, по смерти отца, принялъ титулъ *Великаго Князя*. Возвышаясь надъ понятіями современниковъ, Андрей Боголюбскій хотѣлъ ввести единовластіе: первый изъ Русскихъ Князей не раздавалъ удѣловъ ни братьямъ, ни племянникамъ, и съ именемъ Великаго Князя господствовалъ единодержавно. Не довольный ни обширною областію, которая распространилась до береговъ Камы, ни зависимостію или союзомъ одиннадцати Князей, онъ рѣшился утвердить свою властъ въ двухъ главныхъ пунктахъ Руси, въ Кіевѣ и Новгородѣ, откуда, опираясь на свою отчину, могъ повелѣвать, подобно Мономаху, почти всею землею 1169.
Русскою. Рѣшительныя мѣры, къ коимъ онъ всегда прибѣгалъ въ важныхъ случаяхъ, вели его къ цѣли: Кіевъ былъ взятъ приступомъ и отданный въ управленіе брату Андрееву Глѣбу, 1174.

навсегда утратилъ первенство между Русскими городами. Новгородъ, послѣ упорнаго сопротивленія, также призналъ надъ собою власть Го-
1175. сударя Суздальскаго. Но преждевременная смерть не допустила его ввести новую систему господства. Престолъ Суздальскій, по смерти Андрея, долгое время былъ предметомъ распрей между двумя братьями его Михаиломъ и Всеволодомъ Юрьевичами и тремя племянниками. Всеволодъ, одолѣвъ соперниковъ, поддержалъ могущество Княжества Суздальскаго, и хотя утратилъ господство надъ Кіевомъ и Полоцкомъ, но за то былъ сильнѣе самого Андрея въ сѣверовосточной Руси, утвердивъ свое влія-
1212. ніе въ Рязани, Муромѣ, Пронскѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Смоленскѣ. Междоусобіе дѣтей Всеволодовыхъ Константина и Георгія, соединенное съ правленіемъ слабымъ, имѣло слѣдствіемъ независимость Новгорода, Смоленска, Рязани, и раздробленіе Суздальской области на многіе удѣлы. При всемъ томъ Андрей и Всеволодъ оставили столь сильное впечатлѣніе въ умахъ современниковъ, что съ тѣхъ поръ Князь Суздальскій могъ считать себя главою Восточной Руси и преимущественно носилъ имя Великаго Князя. Предъ нашествіемъ Монголовъ Княжество Суздальское раздѣлено было въ родѣ Всеволода Великаго на три главные удѣла: Ростовскій и Ярославскій, гдѣ княжили дѣти Константина Всеволодовича; Владимірскій,

гдѣ господствовалъ Георгій Всеволодовичъ съ титуломъ Великаго Князя; Переяславскій и Тверской, принадлежавшій Ярославу Всеволодовичу.

65. Княжество Новгородское не принадлежало исключительно ни какому поколѣнію Владиміра св., присвоило себѣ право избирать Князя по произволу, ограничило его власть, и управляясь народнымъ Вѣчемъ, представляло также міръ отдѣльный. Преемники Ярослава Мудраго, занятые междоусобіями въ южной Руси, упустивъ изъ виду сѣверную часть ея, дали время утвердиться въ Новгородѣ стремленію къ самостоятельности, замѣтному уже при первыхъ Князьяхъ Норманскихъ. Новгородцы съ искусствомъ и рѣшительностію воспользовались этими междоусобіями: такъ Святополкъ II долженъ былъ отказаться отъ намѣренія поручить Новгородъ своему сыну и согласился видѣть тамъ Князя, угоднаго народу, Мстислава Владиміровича. Мономахъ и Мстиславъ I остановили бурное стремленіе къ независимости. Но едва вступилъ на престолъ Кіевскій слабый Ярополкъ, Новгородцы изгнали своего Князя Всеволода Мстиславича, и народное Вѣче, не требуя согласія Ярополкова, собственною властію избрало Посадника. Сей верховный сановникъ, дотолѣ зависѣвшій отъ Князя, назначаемаго обыкновенно Государемъ Кіевскимъ, долженъ былъ исполнять волю только Вѣча народнаго. Между тѣмъ запылала кровавая вражда Ольговичей съ до- К. Новгородское.

момъ Мономаха. Новгородцы пользовались ею искусно, выбирали Князя, какого хотѣли, отстраняя слишкомъ сильныхъ, изъ опасенія за свои права, и достигли наконецъ чего искали: права избирать Князя угоднаго народу. Тщетно властолюбивый Юрій употреблялъ всѣ средства, чтобы смирить ихъ, сѣялъ раздоръ, неразлучный съ господствомъ народнымъ, находилъ себѣ въ Новгородѣ друзей, тѣснилъ его предѣлы: Новгородцы ссорились, волновались, топили Посадниковъ; но всегда, при первой опасности, дружно стояли за свою волю. Андрей Боголюбскій, желая быть главою всей Руси, властвуя неограниченно въ наслѣдственной области, назначая Князей себѣ подручныхъ въ Кіевъ, Рязань, Черниговъ, Смоленскъ, даже въ отдаленный Полоцкъ, требовалъ безусловной покорности Новгорода, назначалъ ему Князя, хотѣлъ быть верховнымъ судьею во всѣхъ дѣлахъ его гражданскихъ и церковныхъ. Новгородцы рѣшились отстоять свое право и подавить самовластіе Государей Суздальскихъ въ самомъ началѣ: единодушно вооружились за св. Софію, за Великій Новгородъ, отбили грозное ополченіе Андрея, состоявшее изъ дружинъ союзныхъ съ нимъ Князей, и въ рѣшительномъ сраженіи, взяли такъ много въ плѣнъ, что за гривну отдавали 10 Суздальцевъ. Андрей устоялъ однако на своемъ: сначала согласился примириться съ Новгородцами на *всей волѣ* ихъ; но вскорѣ, по-

средствомъ однихъ переговоровъ, довелъ ихъ до того, что они согласились признать сына его своимъ Княземъ и представлять на верховный судъ Андрея дѣла гражданскія. Успѣхъ Боголюбскаго имѣлъ важныя послѣдствія: съ тѣхъ поръ каждый Великій Князь Суздальскій старался подчинить себѣ Новгородъ и утвердить тамъ верховную власть суда, съ правомъ получать ежегодно опредѣленную подать. Новгородцы, при всемъ желаніи полной независимости, не могли избавиться отъ неотступныхъ притязаній Князей Суздальскихъ, искали союзниковъ въ Князьяхъ Черниговскихъ, Смоленскихъ, и вообще слѣдовали правилу, признавать своимъ Княземъ только того, кто давалъ клятву держать ихъ по старинѣ, по льготнымъ грамматамъ Ярославовымъ; если же замѣчали малѣйшій признакъ самовластія, немедленно изгоняли его съ безчестіемъ и призывали другаго. Въ слѣдствіе сего тамъ являлись одинъ за другимъ Князья изъ рода Суздальскихъ, Черниговскихъ, Смоленскихъ. Рѣдкій изъ нихъ княжилъ болѣе 3 лѣтъ, и въ теченіе ста лѣтъ въ Новгородѣ перемѣнилось 30 Князей. Среди бурнаго волненія образовалось внутреннее устройство Новгородское, остававшееся неизмѣннымъ до Іоанна III. Главныя черты его были слѣдующія:

Верховная власть законодательная и судебная, въ дѣлахъ общихъ, государственныхъ, принадлежала *народному Вѣчу* или земскому Совѣту,

составленному изъ граждан Новгородскихъ. Собираясь по звуку Вѣчеваго колокола, обыкновенно на дворѣ Ярославовомъ, иногда въ Софійскомъ соборѣ и въ другихъ мѣстахъ, оно опредѣляло миръ и войну съ сосѣдями; избирало Князя, Посадника, Владыку (Архіепископа), судило государственныя преступленія, измѣну, согласіе съ непріятелями; разсматривало самовольныя дѣйствія Князя и Посадника; назначало соразмѣрныя винѣ ихъ наказанія: первому изгнаніе, второму нерѣдко смерть, и удовлетворяло жалобамъ бѣдныхъ людей на богатыхъ.

Власть судебная въ дѣлахъ гражданскихъ была исключительнымъ правомъ *Князя*, избраннаго народнымъ Вѣчемъ. Онъ долженъ былъ наблюдать за внутреннимъ правосудіемъ и заботиться о внѣшней безопасности: для сего имѣлъ свою дружину, которая въ мирное время производила судъ и расправу, въ военное составляла княжеское войско. Въ награду за свои труды, Князь Новгородскій пользовался судными пошлинами и опредѣленнымъ сборомъ съ разныхъ предметовъ. Во время похода онъ былъ главнымъ вождемъ; но распоряжалъ дѣйствіями вмѣстѣ съ Посадникомъ. Вообще Князь Новгородскій былъ только верховный судья и защитникъ Новгородскій; если онъ не исполнялъ этихъ двухъ обязанностей, народное Вѣче удаляло его.

Власть исполнительная была предоставлена

Посаднику, первому сановнику гражданскому, председателю народнаго Вѣча. Онъ начальствовалъ вмѣстѣ съ *Тысяцкимъ* надъ полками Новгородскими, велъ переговоры, былъ употребляемъ въ посольствахъ, помогалъ Князю въ судѣ и расправѣ, исправлялъ Княжескія обязанности въ случаѣ его отсутствія; вообще же былъ исполнителемъ всѣхъ опредѣленій народнаго Вѣча.

Власть суда духовнаго принадлежала *Владыкѣ* или Архіепископу, избранному Вѣчемъ и утвержденному Митрополитомъ Кіевскимъ. Владыка сверхъ того принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ гражданскихъ, какъ миротворецъ; но въ свою очередь давалъ отчетъ въ своихъ поступкахъ народному Вѣчу.

При такомъ внутреннемъ устройствѣ, Новгородъ составлялъ міръ отдѣльный, хотя не принадлежалъ исключительно ни какому поколѣнію Русскихъ Князей. Область его была весьма обширна. Пригороды его были: Ладога, Орѣшекъ, Копорье, Торжокъ, Волокъ Ламскій, Порховъ, Ямы, Руса. Псковъ до половины XIV столѣтія также зависѣлъ отъ Новгорода; но уже въ началѣ XII вѣка обнаружилъ стремленіе къ самостоятельности, и мало по малу ввелъ у себя устройство, подобное Новгородскому.

66. Главныя господствующія системы въ Русской землѣ, предъ нашествіемъ Монголовъ въ началѣ XIII вѣка, были: Главныя системы.

1, Полоцкая, въ родѣ Всеслава Брячиславича.
2, Галицкая, въ родѣ Романа Мстиславича.
3, Черниговская, въ родѣ Всеволода Ольговича.
4, Сѣверская, въ родѣ Святослава Ольговича.
5, Рязанская, въ родѣ Ростислава Ярославича.
6, Муромская, въ родѣ Святослава Ярославича.
7, Волынская, въ родѣ Изяслава Мстиславича.
8, Смоленская въ родѣ Ростислава Мстиславича.
9, Суздальская, въ родѣ Юрія Долгорукаго.
10. Новгородская.

V. Русь въ началѣ XIII столѣтія.

Единство Руси.

67. Не взирая на раздробленіе государства, на безпрерывныя распри Князей, даже на родовую вражду поколѣній, присвоившихъ власть наслѣдственную, крѣпкія узы соединяли всѣ части Русской земли въ одно цѣлое, въ одинъ міръ самобытный, неразрывный, ожидавшій только великаго ума, чтобы явиться въ грозномъ величіи. Во всѣхъ обитателяхъ Руси выражался одинъ типъ: они говорили однимъ языкомъ, исповѣдывали одну вѣру, находились подъ властію одного дома, имѣли одно устройство внутреннее, одинъ взглядъ на вещи, одни добродѣтели и пороки.

Языкъ.

Единственнымъ *языкомъ* во всей Русской зем-

лѣ было нарѣчіе Славянское: имъ говорили Князья, Бояре, люди духовные и свѣтскіе; на немъ совершали Божественную службу, писали законы, церковныя книги, лѣтописи. Различіе могло быть только между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ: первый, принявшій многія формы Греческія, введенныя переводомъ Библіи, былъ употребляемъ въ священнодѣйствіи и въ церковной литературѣ. Здѣсь онъ сохранилъ всѣ, даже не свойственные ему, слова и обороты Греческіе, и скованный подражаніемъ языку библейскому, не расширялъ своихъ предѣловъ. Языкъ разговорный былъ живѣе, разнообразнѣе, не боялся словъ и оборотовъ чуждыхъ, если они выражали новыя идеи, и смѣло заимствовалъ ихъ изъ сосѣдственныхъ нарѣчій Скандинавскихъ, Польскихъ, Венгерскихъ, даже Половецкихъ. Но могущественный своими элементами, своимъ глубокимъ смысломъ, своимъ мудрымъ устройствомъ, онъ сглаживалъ въ словахъ иноязычныхъ всѣ признаки чуждаго происхожденія, давалъ имъ нерѣдко свой смыслъ, свои формы и усвоивалъ ихъ, какъ родные звуки; отъ сего не могло быть рѣзкаго различія въ нарѣчіяхъ областныхъ: языкъ книжный былъ одинъ, языкъ народный тоже.

Еще болѣе единства мы встрѣчаемъ въ другомъ основномъ элементѣ гражданскаго общества, въ *Религіи*. Вся земля Русская исповѣдывала Вѣра.

вѣру христіанскую, по Греческому обряду, безъ малѣйшихъ отмѣнъ въ богослуженіи, въ правахъ и обязанностяхъ духовенства. Ни язычество, ни расколы не возмущали спокойствія церкви. Все священное для Кіева, было святынею для Галича, Полоцка, Новгорода, Суздаля, Рязани; устройство монастырей, обряды священнодѣйствія, раздѣленіе Іерархіи на степени, праздиества, посты, все выражало одинъ типъ Византійскій.

Господство одного дома.

Верховная власть надъ Русскою землею принадлежала *одному дому* Владиміра св. Хотя родъ его раздѣлился на многія отрасли самостоятельныя, даже одна другой непріязненныя; но при всемъ раздробленіи, Князья тщательно берегли право потомковъ Владиміровыхъ на обладаніе Русскою землею: если угасало одно поколѣніе, другое спѣшило занять его мѣсто. Народъ такъ былъ убѣжденъ въ законности, въ неизбѣжной необходимости Княжеской власти, и притомъ одного поколѣнія, что сами Новгородцы не могли жить безъ Князя. Тѣмъ менѣе удавалось иноплеменникамъ оторвать хотя часть земли отъ того пространства, которое очертилъ Норманскій мечъ во времена Владиміра св. и Ярослава Мудраго. Венгры и Поляки, пользуясь раздорами Князей, неоднократно присвоивали югозападныя области Руси, но не надолго: если одинъ Князь былъ не въ силахъ бороться съ иноплеменниками, другіе спѣ-

шили ему на помощь, нерѣдко забывая личную вражду, и прогоняли коварныхъ сосѣдей. Такъ они дѣйствовали въ отношеніи къ Половцамъ, къ Венграмъ и Полякамъ; отнимали Княжества другъ у друга, но иноземцевъ не пускали въ Русскую землю, держась правила: *не тронь нашего.*

Кромѣ убѣжденія въ законномъ правѣ одного дома на верховное господство въ Русской землѣ, не исчезала мысль о необходимости *единодержавія.* Эта мысль обнаруживалась неоднократно, не только въ дѣйствіяхъ Владиміра Мономаха, но и въ политикѣ Андрея Боголюбскаго, Всеволода Суздальскаго, Мстислава Удалаго. При всей самостоятельности удѣловъ, многіе изъ нихъ такъ ослабѣли, что сами собою не могли держаться, и искали покровительства сильныхъ Государей Суздальскихъ или Галицкихъ. Не даромъ Князья принимали титулъ Великаго: они помнили, что нѣкогда этотъ титулъ давалъ право господствовать надъ всею землею Русскою. Такъ Всеволодъ Суздальскій, воспитанный въ Греціи, хотѣлъ быть главою государства и повелѣвать сѣверовосточнымъ краемъ; такъ Мстиславъ Удалой господствовалъ въ полуденномъ, съ именемъ Царя Галицкаго. Мысль о единодержавіи.

Внутреннее устройство Русскихъ Княжествъ было вездѣ одинаково (исключая Новгорода и Пскова). Каждый Князь пользовался въ своемъ Гражданск. устройство.

удѣлѣ неограниченнымъ правомъ суда и расправы, мира и войны; опредѣлялъ подати, строилъ города, назначалъ всѣхъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ. Дружину его составляли Бояре, Отроки и Мечники. Съ нею онъ совѣтовался о дѣлахъ общественныхъ, чрезъ нее производилъ судъ и расправу; она же была и главнымъ войскомъ его; въ случаяхъ важныхъ созывалось народное Вѣче, которое имѣло впрочемъ только голосъ совѣщательный. На войнѣ самъ Князь предводительствовалъ главнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ Княжеской дружины и владѣльцевъ поземельныхъ, съ присовокупленіемъ иногда наемниковъ. Во время битвы онъ всегда былъ впереди своей рати и управлялъ ея движеніями. За сборомъ податей наблюдалъ также самъ Князь, который для сего въ извѣстное время года объѣзжалъ свою область и возвращался въ столицу съ обозомъ хлѣба, меду, мягкой рухляди и другихъ естественныхъ произведеній. Судъ въ дѣлахъ тяжебныхъ и уголовныхъ производили Княжескіе Тіуны, которые опредѣляли соразмѣрныя винѣ наказанія денежною пенею: одна часть ея отдавалась обиженному, другая шла въ Княжескую казну, третью бралъ себѣ Тіунъ. Основаніемъ суда и расправы была Русская Правда, дополненная уставными грамматами Князей, носившими одинъ отпечатокъ.

Если устройство гражданское, при всей не-

ограниченности Князей, не представляло отмѣнъ замѣчательныхъ; тѣмъ болѣе единства господствовало *въ устройствѣ церковномъ*, или въ Іерархіи, одной изъ главныхъ стихій Европейской жизни. Главою Русской церкви былъ Митрополитъ Кіевскій, назначаемый обыкновенно Византійскимъ Патріархомъ; отъ Митрополита зависѣли Архіепископъ Новгородскій, Епископы: Ростовскій, Черниговскій, Переяславскій, Галицкій, Туровскій и другіе. Каждый Князь, въ удѣлѣ коего находилась епархія, имѣлъ право назначить и низложить Епископа, но не иначе, какъ съ согласія Митрополита, который, сосредоточивая въ рукахъ своихъ верховную власть суда церковнаго, строго наблюдалъ за чистотою вѣры во всей Русской землѣ, за обрядами богослуженія, за исполненіемъ церковныхъ уставовъ.

68. Единство главныхъ началъ Русской гражданственности было неминуемымъ слѣдствіемъ счастливаго соединенія двухъ могущественныхъ элементовъ, изъ коихъ развилась Русская жизнь, Норманскаго и Византійскаго. Элементъ Норманскій отразился въ общественной жизни Руси: онъ былъ источникомъ фамильнаго права одного дома на власть верховную, суда и расправы, хозяйственнаго управленія, искусства воинскаго. Могущество его такъ сильно дѣйствовало на все пространство земель, къ коимъ толь- Элементы Руси.

ко прикасался Скандинавскій мечъ, что ни вѣки, ни иноплеменные народы не могли изгладить врѣзавшаго имъ отпечатка. Но бури, сопровождавшія развитіе сего элемента, въ началѣ XIII вѣка еще не утихли, и не дали ему созрѣть; многое оставалось въ Руси нерѣшеннымъ, когда пришли въ нее Монголы: не утвердились взаимныя отношенія Князей, не опредѣлился порядокъ престолонаслѣдія, не означились степени сословій, не установились правильныя формы суда: законъ письменный еще не опредѣлилъ сихъ условій. Элементъ Византійскій отразился въ духовной жизни Руси: Греки дали намъ свою вѣру, вмѣстѣ съ обрядами богослуженія ввели повсемѣстно свою Іерархію, церковный судъ, монастырскую жизнь, принесли образцы своего духовнаго краснорѣчія, своей исторіи; познакомили насъ съ своими искусствами, художествами, съ своею монетою и торговлею. Типъ Византійскій врѣзался еще глубже Норманскаго, бывъ тѣсно соединенъ съ святынею народною.

Оба элемента, дѣйствуя въ своей сферѣ съ равною силою, не противоборствовали одинъ другому: ибо Греки, давъ намъ свою Іерархію, дали вмѣстѣ съ тѣмъ и понятіе о зависимости ея отъ свѣтскаго Государя: не только каждый Князь, въ удѣлѣ коего была епархія, могъ назначить и низложить Епископа; но и самъ Митрополитъ былъ утверждаемъ въ санѣ

своемъ властію Великаго Князя Кіевскаго, который нерѣдко отвергалъ присланнаго Патріархомъ Греческимъ первосвятителя, требовалъ другаго или назначалъ своего, безъ согласія Патріаршаго. Отъ сего въ Руси не было слѣдовъ бѣдственнаго двудержавія, раздиравшаго западную Европу. Согласіе обоихъ элементовъ, поддерживая политическое единство Руси, въ тоже время благопріятствовало развитію промышленныхъ и нравственныхъ силъ народа.

69. Въ началѣ XIII вѣка Русь заключала въ предѣлахъ своихъ лучшія, плодоноснѣйшія земли нашего отечества, простираясь отъ горъ Карпатскихъ, Сана, Вислы, Нарева и Нѣмана до устья Оки; отъ верховьевъ Ингула, Ворсклы, Хопра и Медвѣдицы до прибрежныхъ пустынь Ледовитаго моря. Въ правленіе Ярослава I, эта обширная страна могла быть значительно населенною по Днѣпру, Припяти, вообще въ югозападныхъ равнинахъ; на востокъ же отъ Днѣпра она заключала или безлюдныя пустыни, или дремучіе лѣса (Карачевскіе, Муромскіе, Суздальскіе), въ коихъ обитали разсѣянныя, полудикія племена. Общежитіе.

Двухвѣковые раздоры не могли конечно благопріятствовать успѣхамъ народонаселенія: отъ безпрерывныхъ походовъ, отъ ужасовъ войны междоусобной, Русь, казалось, обратится въ унылую степь, города падутъ, села исчезнутъ, жители одича-

ютъ; вышло иначе: тамъ, гдѣ въ XI столѣтіи безмолствовали пустыни или кочевали отдѣльныя племена, безъ всякихъ понятій о выгодахъ общежитія, въ XIII вѣкѣ мы видимъ *города.* Они возникали съ каждымъ поколѣніемъ, не только въ обильныхъ областяхъ Черниговской, Галицкой, Кіевской, но и въ Полоцкой землѣ, менѣе благодарной къ трудамъ земледѣльца, въ самой Суздальской странѣ, искони покрытой непроходимыми лѣсами. Среди двухсотлѣтняго волненія явилось въ Руси да 100 городовъ, болѣе или менѣе цвѣтущихъ.

Князья ли воздвигали ихъ для безопасности отъ непріятелей, болѣе внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ, или народъ чувствовалъ выгоды общежитія и строилъ ихъ по внутреннему влеченію, рѣшить трудно. Изъ лѣтописей видно, что нѣкоторые изъ нихъ были основаны Князьями въ пограничныхъ областяхъ, для защиты отъ Печенѣговъ, Литвы, Половцевъ и другихъ грабителей; во время же раздоровъ, когда безначаліе и насиліе заставляли изыскивать всѣ средства къ оборонѣ, внутри государства также могли быть построены крѣпости, гдѣ Князья безпокойные или слабые находили убѣжище и нерѣдко спасались отъ мести или властолюбія озлобленныхъ родственниковъ. Но такихъ крѣпостей было не много, и кажется, съ вѣроятностію можно думать, что съ сею цѣлію основаны были только тѣ города, коихъ названіе

удобно изъяснить, на примѣръ: Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Переяславль, Дмитровъ, Владиміръ, Дѣдославль; другіе же съ непонятными именами, Суздаль, Москва, Рязань, Курскъ, Путивль, Мценскъ, Трубчевскъ, Клецкъ, Теребовль, Лукомль, Логожскъ, Чечерскъ, образовались мало по малу изъ многолюдныхъ старинныхъ селеній.

Какъ бы то ни было, Русскіе города XII и XIII столѣтій существенно отличались отъ Нѣмецкихъ бурговъ: въ нихъ жили не одни Князья съ воинственными дружинами, но и мирные граждане, которые занимались промышленностію. Древніе города, не смотря на частыя опустошенія, съ каждымъ поколѣніемъ становились многолюднѣе. *Новгородъ*, во время Ярослава, окруженный топкими болотами и лѣсами, ограничивалъ свою предпріимчивость землею Пермяковъ и берегами Финскаго залива; въ XIII столѣтіи онъ овладѣлъ уже всѣмъ пространствомъ отъ Бѣлаго озера до Мурманскаго моря и хребта Уральскаго, получалъ богатства сѣверной Азіи съ береговъ Оби, гдѣ имѣлъ уже прочныя поселенія, былъ въ тѣсной дружбѣ съ Болгарами, доставлявшими его купцамъ сокровища Персіи, посылалъ корабли въ Балтійское море, строилъ Русскія церкви на островѣ Готландѣ, и его войско проникало до самаго Стокгольма. Въ началѣ XIII вѣка имя Новгорода уже славилось на берегахъ Нѣмец-

каго моря: ибо вскорѣ онъ занялъ почетное мѣсто въ союзѣ Ганзейскомъ. Если богатство его могло быть слѣдствіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, то чѣмъ изъяснить цвѣтущее состояніе другихъ городовъ, кои какъ будто возраждались изъ пепла въ новомъ, лучшемъ видѣ? *Кіевъ,* опустошаемый неоднократно Половцами, Князьями Черниговскими и Суздальскими, славился красотою и богатствомъ на отдаленномъ востокѣ. Купцы же Византійскіе съ такою выгодою сбывали на его рынкахъ свои издѣлія, что ни злодѣйства Половцевъ, облегавшихъ воды Днѣпровскія, ни внутреннія смятенія наши не устрашали Грековъ, посылавшихъ караваны въ область Кіевскую. *Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ,* въ теченіе 200 лѣтъ бывшіе постоянною цѣлію Княжескихъ походовъ, такъ извѣстны были промышленностію своихъ обитателей, что купцы Готландскіе, Любскіе, Бременскіе, посѣщали ихъ съ охотою, имѣли въ нихъ собственныя церкви и заключали торговые договоры, утверждавшіе взаимную дружбу. Въ Галицкой области было много городовъ цвѣтущихъ. Поляки и Венгры съ завистію смотрѣли на богатство ея Князей, имѣвшихъ средства содержать наемное войско. Король Венгерскій, удивляясь великолѣпію *Владиміра Волынскаго,* говорилъ, что подобныхъ городовъ онъ мало видалъ и въ Нѣмецкой землѣ.

Словесность.

70. Усердно занимаясь земледѣліемъ, торговлею, воздвигая города, предки наши въ тоже время не чуждались умственной жизни. Правда уцѣлѣвшіе памятники Русской словесности 12 и 13 столѣтій слишкомъ малочисленны, въ сравненіи съ остатками современной литературы Нѣмецкой или Французской: мы знаемъ только творенія трехъ или четырехъ духовныхъ писателей, записки одного Князя, повѣсть одного поэта и нѣсколько лѣтописей; но какъ время, а болѣе люди истребили всѣ почти рукописи древнѣе XIV столѣтія, и произведенія Русской словесности XII и XIII вѣковъ, дошли до потомства въ позднѣйшихъ спискахъ, сохранившихся иногда въ одномъ экземплярѣ: то мы имѣемъ основательное право думать, что весьма немногіе изъ древнихъ произведеній намъ извѣстны, и что большая часть ихъ погибла невозвратно, не оставивъ и слѣдовъ своего существованія. Между тѣмъ, если странникъ по немногимъ развалинамъ какого нибудь пантеона умѣетъ угадывать красоту цѣлаго строенія, то и бытописатель, въ полуистлѣвшихъ отрывкахъ собирая черты народной литературы, можетъ создать живую идею о духѣ времени и степени гражданской образованности. Лѣтописи Нестора и его продолжателей, Поученіе Владиміра Мономаха, творенія Кирилла Епископа Туровскаго, Слово о полку Игоревомъ свидѣтельствуютъ, что Русскіе, во время господства права

удѣльнаго, знали уже искусство выражать свои мысли не только ясно, но и убѣдительно, что имъ знакомы были произведенія словесности Византійской, что они имѣли наконецъ своихъ ораторовъ, своихъ историковъ, своихъ поэтовъ.

Глава III.

ИГО МОНГОЛЬСКОЕ.

I. Монголы. [1]

71. Внутреннее волненіе Руси, неминуемое Обозрѣніе.
слѣдствіе Норманскаго владычества, послѣ двухвѣковой борьбы потомковъ Владиміра св., съ начала XIII вѣка приближалось къ развязкѣ: взаимныя отношенія Князей становились яснѣе, права и обязанности подданныхъ опредѣлительнѣе, гражданственность самобытная возникала. Но прежде, чѣмъ кончилась эта борьба юнаго государства, прежде, чѣмъ созрѣли понятія о правѣ и установились формы общественныя, туча варваровъ изъ глубины Азіи прошла по Русской землѣ, искоренила цѣлыя поколѣнія,

1) Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu' a Timour bey ou Tamerlan par *D'Ohsson*. Haye. 1834. 4 vol.

разрушила до основанія города и села, и когда стихла, Русь наполнена была одпѣми развалинами. Сокрушенная тяжкими ударами, она изнемогла, признала надъ собою власть дикой, степной орды и въ теченіе ста лѣтъ была жертвою безпримѣрнаго злополучія. Виною нашего злосчастія былъ дикій Татаринъ, потрясшій всю Азію и низринувшій несмѣтныя орды лютыхъ завоевателей на Русскую землю.

Монголы. 72. Средняя Азія, обширная полоса степей отъ Волги до Японіи, отъ южныхъ предѣловъ Сибири до Китая, Тибета и Каспійскаго моря, искони была обитаема кочевыми народами. Въ началѣ XIII вѣка ее населяли три племени, раздѣлявшіяся на многія поколѣнія, Турецкое, Тунгузское и Татарское. *Турецкое* занимало западныя степи этой полосы, подъ именемъ Киргизовъ, Уйгуровъ, Кипчаковъ и др. народовъ. *Тунгузское* господствовало на востокѣ, въ сѣверномъ Китаѣ. Между сими племенами, по верховьямъ Амура, къ югу отъ Байкальскаго озера, кочевало *Татарское,* подвластное Китайскимъ Императорамъ, также раздѣлявшееся на многія поколѣнія, изъ коихъ главнымъ было Монгольское, обитавшее на берегахъ Онана и Керулана. 1) Татары, отличаясь отъ прочихъ народовъ

1) Къ Татарскому племени относились также: Найманы, Меркиты, Кераиты, Тайджуты и другія поколѣнія.

средней Азіи языкомъ и наружнымъ очертаніемъ лица, вели жизнь однобразную, кочевую; обиталищемъ ихъ были кибитки, богатствомъ стада, отечествомъ привольныя паствы, любимою пищею конина, стихіею война. Они были непрестанно на конѣ, славились терпѣніемъ, чутьемъ удивительнымъ, самымъ лютымъ звѣрствомъ и безотчетнымъ повиновеніемъ своимъ вождямъ, Нойанамъ, имѣвшимъ власть наслѣдственную. Силы ихъ свѣжія, суровыя, неодолимыя изчезали въ мелкихъ раздорахъ. Стоило только соединить ихъ, чтобы привести въ трепетъ сосѣдей. Это совершилъ Темучинъ, въ послѣдствіи названный Чингизханомъ.

73. Темучинъ, сынъ Езугая, вождя 40.000 семействъ Монгольскихъ, кочевавшихъ при истокахъ Амура, до сорока лѣтъ своей жизни, боролся съ одними несчастіями и неудачами: по смерти отца, оставленный своею ордою, которая не хотѣла повиноваться ему, тринадцатилѣтнему отроку, и присоединилась къ другой ордѣ Татарской изъ поколѣнія Тайджутовъ, онъ долго безъ успѣха силился присвоить наслѣдственную власть надъ нею; нѣсколько разъ попадался въ руки непріятелей, и только случаемъ избѣгалъ неминуемой смерти; послѣ 20 лѣтнихъ неудачъ, онъ сталъ одолѣвать соперниковъ; прежде всего разбилъ Тайджутовъ и въ 80 котлахъ сварилъ плѣнныхъ. Эта мѣра доставила ему Чингизханъ

власть надъ мелкими ордами; оружіе, искусство, быстрота, надъ сильнѣйшими. Напрасно вожди окрестныхъ Татаръ составляли союзы, чтобы смирить Темучина: рѣшительными побѣдами надъ Меркитами и Кераитами, въ 10 лѣтъ онъ покорилъ все племя Татарское, соединилъ разсѣянныя поколѣнія его въ одинъ народъ, воинственный, непобѣдимый, и не зналъ соперниковъ. Упоенный успѣхами, пожираемый властолюбіемъ, онъ хотѣлъ быть властителемъ вселенной,
1206. на 51 году жизни назвалъ себя *Чингизханомъ* (владыкою сильныхъ), и устремилъ свою грозную орду на обширныя государства средней Азіи, съ единственною цѣлію быть завоевателемъ. Успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ. Сперва пала подъ его неотразимыми ударами Имперія Тангутская, заключавшая западныя области нынѣшняго Китая; потомъ Уйгурская, по отраслямъ хребта Алтайскаго; въ слѣдъ за тѣмъ Кинская, въ сѣверномъ Китаѣ, дотолѣ господствовавшая надъ Татарами, далѣе Кара-Китайская въ Бу-
1221. харіи, наконецъ Хоразмійская въ Персіи и Кабулѣ. Походы его были ознаменованы всѣми ужасами опустошеній; цвѣтущіе города исчезали невозвратно; народы гибли милліонами, или становились рабами завоевателя.

Битва на Калкѣ.

74. Гроза приближалась и къ нашему отечеству: въ 1224 году она коснулась южныхъ предѣловъ его. Низринувъ Хоразмійскую Имперію,

Чингизъ поручилъ окончательное завоеваніе этой страны двумъ полководцамъ своимъ Чепе и Суботаю, а самъ возвратился къ берегамъ Аму- 1223.
ра, чтобы съ новыми силами нагрянуть на Имперію южнаго Китая. Чепе и Суботай, исполнивъ свое порученіе, разоривъ въ конецъ всю Персію, повели свое войско, для соединенія съ Чингизханомъ, чрезъ Кавказскій перешеекъ, разбили въ горахъ Аланъ, за ними Половцевъ, коихъ погнали къ Днѣпру. Ханъ Половецкій Котянъ, неутомимо преслѣдуемый грозными пришельцами, со всѣмъ народомъ бросился въ Галицію и просилъ защиты у Галицкаго Князя, своего зятя, Мстислава Удалаго. Нашествіе степныхъ ордъ изъ за Волги было для Русскихъ не новостью: Князья не робѣли, соединяли свои дружины и прогоняли хищниковъ. Мстиславъ, по примѣру предковъ, спѣшилъ отразить *народъ невѣдомый*, призвалъ на ратный подвигъ Князей Кіевскаго, Черниговскаго,[1] съ нѣкоторыми другими, и бодро повелъ союзныя дружины отъ Днѣпра на востокъ къ Азовскому морю. Побѣда надъ передовыми отрядами Монголовъ близъ Днѣпра увеличила его смѣлость: онъ опередилъ союзниковъ, встрѣтилъ враговъ на Калкѣ, близъ нынѣшняго Маріуполя, и
проигралъ битву: Русскіе были разбиты на голову; 31 Мая
Мстиславъ бѣжалъ; Князь Кіевскій погибъ. По- 1224.
бѣдители гнались за бѣгущими до Днѣпра, опу-

[1]) Мстислава Романовича и Мстислава Святославича.

стошая землю Половецкую; но имѣя въ виду не завоеваніе новыхъ странъ, а соединеніе съ Ханомъ, прямо отъ Днѣпра поворотили на востокъ и скрылись за Волгою, оставивъ Русскихъ въ недоумѣніи.

Оготай. 75. Судьба какъ будто отклоняла сокрушительный ударъ отъ нашего отечества. Чингизханъ, оставивъ Европу до времени въ покоѣ, чтобы довершить покореніе Азіи, обратилъ всѣ силы свои на Имперію Китайскую и едва успѣлъ рушить западную часть ея, кончилъ дни
1227. свои въ глубинѣ Татаріи, 72 лѣтъ. Смерть завоевателя, державшаго въ повиновеніи разноплеменные народы однимъ ужасомъ своего имени, однимъ страхомъ оружія, должна была съ одной стороны ободрить побѣжденныхъ, съ другой остановить стремленіе Монголовъ, пресыщенныхъ кровью и добычею. Но таково было могущество генія Чингизханова, что покоренные имъ народы не смѣли и думать о свободѣ; Монголы же, свидѣтели его славы, увлекаемые воинственнымъ фанатизмомъ, мечтали только о битвахъ и побѣдахъ, доколѣ не настало новое поколѣніе, знавшее о Чингизѣ по одному преданію. Главное правило его политики, давать миръ только побѣжденнымъ, обратилось въ священный законъ, и преемникъ его Оготай, слѣдуя этому правилу, двинулъ всѣми силами Монголовъ на страны Азіатскія и Европейскія, еще

не признававшія ихъ власти. Они пошли опустошать отдаленныя земли четырьмя многочисленными ордами: одна бросилась на Корею, другая на южный Китай, третья на Индію, четвертая на сѣверозападныя страны отъ Каспійскаго моря. Корея, Китай, Кашемиръ были завоеваны въ короткое время, и, испытавъ всю тягость рабства, утратили надолго самую надежду на независимость, подобно всѣмъ народамъ, коихъ сокрушало Монгольское оружіе. Та же участь постигла и наше отечество.

Нашествіе Батыя.

76. Одиннадцать внуковъ Чингизхановыхъ соединили свои орды для завоеванія восточной Европы. Главнымъ вождемъ былъ племянникъ Оготаевъ, Батый сынъ Чучи [1]). Онъ велъ до полумилліона дикаго степнаго народа. Не внутренніе раздоры, не оружіе побѣдителей, не оскудѣніе страны, двинули этотъ народъ изъ родныхъ кочевьевъ: онъ шелъ съ безотчетною, фанатическою жаждою крови, убійства, разоренія. Стремленіе его было неотразимо: онъ ломился огромными массами, одушевленными одною мыслію грабежа, безусловно покорными одной волѣ и въ искусствѣ губить человѣчество не встрѣчавшими соперниковъ. Главныя основанія Монгольской тактики были: дружный

1) Съ Батыемъ были три брата его, Орда, Шибанъ и Тангутъ; Байдаръ сынъ Чагатая; Куюкъ и Каданъ дѣти Оготая; Мангу и Буджекъ дѣти Тулуя и др.

ударъ, стремительный натискъ, искусная засада, благовременное отступленіе, отчаянная храбрость въ минуты опасности, смерть трусу, отвѣтственность частныхъ вождей въ случаѣ неудачи, правильное раздѣленіе на отряды и единство въ дѣйствіяхъ. Борьба съ такимъ народомъ для насъ была невозможна; мы съ отчаяннымъ мужествомъ защищали свою свободу: ни одинъ городъ не сдавался безъ сопротивленія; рѣдкій Князь бѣгалъ отъ враговъ безъ боя; народъ стоялъ грудью за Князей, за вѣру, отбивался въ крѣпостяхъ, въ Божіихъ храмахъ, и лучше хотѣлъ погибнуть въ пламени, въ жестокихъ мукахъ, съ женами и дѣтьми, чѣмъ бросить оружіе. Но каждый городъ оборонялся отдѣльно. Самая очевидная опасность не могла примирить Князей и соединить ихъ силы къ одной цѣли. Для этого требовались заблаговременные переговоры, убѣжденія, окончаніе старинныхъ распрей; главное, требовался умъ Мономаха или Андрея Боголюбскаго. Георгій Всеволодовичъ, сильнѣйшій изъ современныхъ Князей, могъ располагать только своею областію Владимірскою, и не имѣлъ ни какой власти надъ Князьями удѣльными: они ждали враговъ въ укрѣпленныхъ городахъ и погибали въ нихъ съ семействомъ и народомъ.

Опустош. вос. Руси.

77. Въ два похода Батый завоевалъ наше отечество и наложилъ на него тяжкое иго рабства. Въ первый походъ онъ направилъ свои

орды изъ Камской Болгаріи на сѣверовосточную Русь и разоривъ Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, подступилъ къ Рязани, требуя десятой части всего достоянія. Рязанцы отвергли это предложеніе и одушевленные примѣромъ Князя своего Юрія, рѣшились обороняться. Послѣ пятидневной осады, городъ былъ взятъ и сожженъ; Князь и подданные, безъ различія возраста и пола, погибли, частію въ битвѣ, частію въ мукахъ. Отселѣ Батый двинулся прямо на сѣверъ; близъ Коломны разбилъ сына Георгіева Всеволода, заслонявшаго ему путь, сжегъ Москву и осадилъ Владиміръ. Георгій, поручивъ защиту столицы сыновьямъ, самъ удалился въ Ярославскую область, гдѣ поджидалъ Князей союзныхъ. Жители Владиміра надѣялись упорною защитою дать время Великому Князю собрать силы: но уже поздно. Монголы разрушили сей крѣпкій городъ до основанія и чтобы лишить Георгія содѣйствія другихъ городовъ, разсѣялись отрядами по Суздальскому Княжеству, опустошая Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Ярославль, Галичъ. Между тѣмъ самъ Батый пошелъ на Великаго Князя, и сокрушивъ его силы на берегахъ Сити, впадающей въ Мологу, двинулся было на Новгородъ путемъ Селигерскимъ; но не доходя ста верстъ, собралъ свои орды, обратился къ югу и взявъ Козельскъ, въ Калужской губерніи, послѣ семинедѣльной осады, вывелъ Монголовъ изъ Русской земли на бере-

21 Дек. 1237.

7 Фев. 1238.

4 Мар. 1238.

га Дона, чтобы завоеваніемъ страны Половецкой обезопасить свой тылъ въ движеніи на Русь югозападную. Развалины городовъ и селъ, несмѣтное множество труповъ, означали слѣды Батыева нашествія.

Опустош. югоз. Руси.

78. Выгнавъ Половцевъ изъ Кипчака въ Галицію и Венгрію, Батый двинулъ свои силы двумя ордами на югозападную Русь. Одна разрушила до основанія Переяславль, съ окрестными городами, другая Черниговъ. И здѣсь Монголы встрѣтили сопротивленіе отчаянное; но Князья не успѣли соединить подданныхъ и такъ были ослѣплены, что уже зная о нашествіи враговъ, еще спорили о верховномъ правѣ на Кіевъ. Вскорѣ вся сила Батыева облегла древнюю столицу Руси, знаменитую на востокѣ и западѣ торговлею, богатствомъ, великолѣпіемъ. Даніилъ Галицкій, преемникъ Мстислава, отнявшій ее у Михаила Черниговскаго, ввѣрилъ защиту города Боярину Димитрію, а самъ удалился въ Венгрію искать помощи Бѣлы IV. Кіевляне, ободряемые доблестнымъ вождемъ своимъ, оборонялись съ мужествомъ безпримѣрнымъ; сбитые съ укрѣпленій, они рѣзались до послѣдняго издыханія въ Софійскомъ соборѣ.
9 Мая 1240. Разрушивъ Кіевъ, Батый пошелъ въ Волынь и Галицію, гдѣ разорилъ въ конецъ Владиміръ, Галичъ, Кременецъ и многіе другіе города; оттуда нѣсколько разъ вторгался въ Польшу,

Моравію, Силезію, Венгрію, Далмацію. Владѣтели сихъ странъ, по слабомъ сопротивленіи, спасали жизнь свою бѣгствомъ; ихъ подданные гибли въ пылающихъ развалинахъ городовъ и селъ, подъ мечами Монголовъ.

79. Вся Европа была въ ужасѣ, съ трепетомъ ожидая участи Руси, Венгріи, Польши, — и не безъ основанія: западные христіане въ суевѣрномъ страхѣ видѣли въ Монголахъ орудіе кары небесной и готовились къ жертвѣ очистительной. Папа призывалъ ихъ подъ знаменіе Креста, но въ то же время проповѣдывалъ крестовый походъ противъ Императора Нѣмецкаго Фридриха II. Своевольные бароны не думали соединять своихъ полковъ съ полками этого мужественнаго героя, и Монголы въ *западной* Европѣ могли встрѣтить отдѣльныя дружины тяжело вооруженныхъ рыцарей, съ нестройными толпами крестьянъ, — преграду ничтожную для ихъ быстрой, многочисленной кавалеріи, привыкшей одолѣвать враговъ стремительнымъ натискомъ, тяжестью удара, искусствомъ движенія. Къ счастію Европы, умеръ Оготай: Батый поспѣшилъ сблизить свою орду съ главною или Золотою, чтобы участвовать въ избраніи ему преемника, и оставивъ Венгрію, расположился кочевать въ Кипчакѣ или въ нынѣшнихъ степяхъ Астраханскихъ и Саратовскихъ, откуда могъ держать опустошенныя страны въ повиновеніи, и въ

Батый на берегахъ Волги

29 Нояб. 1241.

1243.

тоже время дѣйствовать на Татарію, смотря по обстоятельствамъ. Трехлѣтнія интриги, предшествовавшія избранію Гаюка, нелюбимаго Батыемъ, удержали его въ бездѣйствіи на берегахъ Волги. Это бездѣйствіе продолжалось и во все время правленія Гаюка, который самъ сбирался итти на Европу; по смерти же его, Батый занятъ былъ возведеніемъ Хановъ на престолъ и уже не хотѣлъ разстаться съ привольными степями Астраханскими, гдѣ орда его привыкла кочевать, какъ въ родной сторонѣ. По стеченію этихъ случайныхъ обстоятельствъ, Монголы остановили свое стремленіе на западную Европу.

Золотая Орда.

80. Орда Батыева, столь знаменитая въ нашей Исторіи подъ именемъ Золотой, Кипчакской и Сарайской, заняла весь Кипчакъ или землю Половецкую, отъ береговъ Днѣстра до Урала, отъ Чернаго и Каспійскаго моря до Ворсклы, верховьевъ Хопра и устья Камы. [1]) Главныя силы ея сосредоточивались на степяхъ Астраханскихъ, столь удобныхъ для кочеваго народа. Тамъ на берегахъ Ахтубы, въ 60 верстахъ отъ устьевъ

1) Орда Батыева состояла изъ народовъ Татарскаго племени; отъ того лѣтописцы называютъ ихъ Татарами. Но какъ Чингизъ и преемники его были Монголы, то, кажется, справедливѣе именовать нашихъ властителей Монголами. Въ послѣдствіи, когда угаснетъ домъ Чингизовъ, и Золотая орда распадется на части, правильнѣе будетъ называть ихъ Татарскими ордами.

Волги, Батый построилъ для себя Сарай, откуда онъ и первые преемники его властвовали надъ Русскою землею именемъ Великаго Хана, который, имѣя свой юртъ въ глубинѣ Татаріи, между рѣками Орхономъ и Тамиромъ, въ городѣ Каракорумѣ, какъ преемникъ Чингизовъ, былъ верховнымъ повелителемъ всего Монгольскаго міра, назначалъ Хановъ, начальствовавшихъ отдѣльными ордами, требовалъ отъ нихъ отчета въ управленіи покоренными землями, особенно въ сборѣ податей, и самъ опредѣлялъ налоги. Зависимость частныхъ Хановъ отъ Великаго Хана продолжалась не долго: государство Чингизово, составленное изъ многихъ разноплеменныхъ народовъ, соединенныхъ одною силою оружія, однимъ страхомъ, безъ всякихъ узъ общественныхъ, занимая страны, раздѣленныя одна отъ другой неизмѣримыми пространствами, уже по самой обширности своей, должно было раздробиться на части. Кромѣ того, по закону Чингизову, потомство каждаго изъ четырехъ сыновей его имѣло право на юртъ или удѣлъ наслѣдственный: старшему сыну Чучи онъ назначилъ Кипчакъ, Чагатаю Трансоксіану или Мавренагаръ, Оготаю страну Уйгуровъ, Тулую наслѣдственную Монголію. Самовольное восшествіе на престолъ четвертаго преемника Темучинова, Хубилая и удаленіе его изъ Каракорума въ Пекинъ ускорило разрывъ; въ Монгольскомъ мірѣ возникло множество самостоятельныхъ ордъ, кои вели одна

съ другою междоусобныя кровавыя войны, сливались, раздѣлялись, исчезали и снова возникали. Главными изъ нихъ были: Кипчакская, въ родѣ Чучи; Чагатайская, въ родѣ Чагатая; Иранская (Персія) въ родѣ Гулягу, и Китайская, въ родѣ Хубилая.

Ханы Золотой Орды до конца XIV столѣтія были изъ поколѣнія Чучи: власть ихъ переходила отъ брата къ брату и отъ дяди къ племяннику. Сперва господствовалъ въ ней Батый, утвердившій владычество Монголовъ въ нашемъ
1256. отечествѣ; за нимъ братъ его Беркай, при коемъ весь Русскій народъ былъ обложенъ пого-
1266. ловною данью; ему наслѣдовалъ третій братъ Батыя Менгутемиръ, положившій начало введенію въ Ордѣ магометанской вѣры; послѣ Менгутемира Ордою Кипчакскою управляли два Хана: меньшой братъ Батыевъ Ногай западными кочевьями и сынъ Батыевъ Туда—Мангу Сараемъ. Ногай, господствуя между Дономъ и Днѣстромъ, тревожилъ частыми походами Польшу и Венгрію; разбилъ своего племянника, лишилъ его жизни
1291. и овладѣлъ всею Золотою Ордою; но чрезъ три года былъ изгнанъ сыномъ Менгутемировымъ Тохтою или Тохтагу и съ отчаянія самъ себя умертвилъ. Потомство Ногаево утвердилось въ Тавридѣ, гдѣ въ послѣдствіи основало отдѣльное ханство Крымское. Тохта же передалъ престолъ Сарайскій въ 1313 году знаменитому Узбеку, покровителю первыхъ Князей Московскихъ.

81. Господство Золотой Орды въ Европѣ ограничивалось одною Русскою землею; сопредѣльныя нашему отечеству страны, Венгрія, Польша и Литва, не были ей подвластны. Рабство наше началось съ 1243 года, когда Батый потребовалъ въ Сарай Русскихъ Князей, принялъ ихъ, какъ вождей покоренной оружіемъ его страны, назначилъ дань и предоставилъ себѣ верховное право располагать судьбою Руси. Оно имѣетъ свой отличительный характеръ. Иго.

Чингизханъ и преемники его, покоряя народы, большею частію стоявшіе на высшей степени образованности, съ одною цѣлью завоеванія и грабежа, не хотѣли и не могли принять на себя заботы внутренняго управленія, господствовали издали, требовали одной дани, безусловной покорности, не вмѣшивались въ судъ и расправу, ни въ отношенія своихъ данниковъ къ сосѣдамъ, имѣли дѣло только съ туземными Государями, коихъ возводили на престолъ или низвергали по произволу, и рѣдко, только въ особенныхъ случаяхъ, замѣняли ихъ Монгольскими сановниками. Для обузданія же покоренной страны, на предѣлахъ ея обыкновенно располагалась орда, подъ начальствомъ одного изъ потомковъ Чингизхановыхъ.

Въ слѣдствіе сего, находясь въ подданствѣ Монголовъ, Русь удержала свое внутреннее устройство, по прежнему имѣла своихъ Князей Великихъ и Удѣльныхъ, свой судъ и расправу,

свою вѣру, своихъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ, воевала и мирилась со всѣми сосѣдями, не спрашивая согласія Хановъ, и въ то же время испытала всѣ ужасы рабства. Главныя черты его въ первый вѣкъ были слѣдующія:

1, Непосредственнымъ, верховнымъ властителемъ Руси былъ Ханъ Орды Сарайской (Золотой или Кипчакской). Онъ присвоилъ себѣ право раздавать Князьямъ области по своему произволу; назначать изъ числа ихъ Великаго Князя, судить ихъ въ случаѣ междоусобныхъ споровъ собственнымъ судомъ или чрезъ пословъ, отнимать у виновнаго Княжество и наказывать его самою смертію.

2, Каждый Князь, Великій и Удѣльный, не прежде могъ вступить въ управленіе наслѣдственною областію, какъ по утвержденіи Ханомъ. Для сего онъ долженъ былъ ѣхать въ Орду Сарайскую, а въ первые годы рабства въ Татарію бить челомъ Хану, искать благоволенія сановниковъ его, дарить женъ его, самихъ служителей, ждать иногда по цѣлому году и часто уступать свое право другому Князю, болѣе хитрому, успѣвавшему заслужить благосклонность Хана. Въ случаѣ немилости Ханской онъ могъ спасти себя и народъ свой однимъ смиреніемъ, дарами, частыми путешествіями въ Орду.

3, Утверждая Князей владѣтелями удѣловъ, Ханъ по большей части не отступалъ отъ стариннаго нашего порядка престолонаслѣдія; но имѣлъ

неограниченное право назначать младшаго Князя мимо старшаго; впрочемъ никогда не поручалъ Княжеской власти Монгольскимъ сановникамъ или не потомкамъ Рюрика.

4, Вся Русь была обложена данью, весь народъ былъ переписанъ поголовно опредѣленными для сего Монгольскими сановниками, — Баскаками или численниками; Русскіе платили безпрекословно все, чего требовали Ханы; въ случаѣ отказа въ дани, платили своею свободою.

5, Сборъ дани въ первый вѣкъ нашего рабства былъ отдаваемъ Ханами, по Азіатскому обычаю, на откупъ купцамъ Хивинскимъ, Бухарскимъ, Армянскимъ, Еврейскимъ, которые являлись къ намъ подъ именемъ пошлинниковъ, таможниковъ, съ Ханскими грамматами, не рѣдко съ отрядами Монголовъ, брали все, что могли, опредѣляли налоги по произволу; въ случаѣ неплатежа, назначали неумѣренные росты, а должниковъ несостоятельныхъ отводили въ неволю.

6, Наконецъ жертвуя своимъ имуществомъ и свободою, мы нерѣдко должны были жертвовать самою жизнію за своихъ тирановъ: Князья обязаны были, по первому требованію, посылать свои дружины на подкрѣпленіе Ханской рати въ походахъ ея на Литву, Венгрію и Кавказъ.

82. Владычество Монголовъ надъ Русью продолжалось 237 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Рус- Монгольскій періодъ.

скіе Князья признали себя данниками Сарайскаго Хана, до того времени, когда Іоаннъ III объявилъ себя независимымъ и разрушилъ Орду Кипчакскую. Государственное иго наше имѣло два періода: въ первый вѣкъ (1243-1328), оно угнетало всю Русскую землю всею тяжестію своею; во второй вѣкъ (1328-1480), Ханы господствовали только въ Восточной половинѣ Руси, и притомъ власть ихъ съ каждымъ новымъ поколѣніемъ ослабѣвала, уступая мѣсто инымъ пружинамъ; Западную же Русь исторгли изъ власти Монголовъ Князья Литовскіе, отнявъ ее въ то же время у потомковъ Владиміра св. и присвоивъ себѣ.

II. Русь Восточная.

1243-1328.

Подданство Руси.

83. По удаленіи Батыя къ берегамъ Волги, Русская земля представляла самое печальное зрѣлище: цвѣтущіе города ея были грудами развалинъ; несмѣтное множество народа погибло подъ мечами варваровъ, или въ пламени своихъ жилищъ; многіе роды Княжескіе пресѣклись. Уныніе было повсемѣстное. Князья вмѣстѣ съ народомъ упали духомъ; смотрѣли на

жизнь, какъ на милость завоевателя, въ безусловной покорности видѣли единственное средство спасти ее, и по первому призыву Батыя, являлись одинъ за другимъ въ Орду смиренно бить челомъ. Прежде всѣхъ отправился туда 1243.
Ярославъ Всеволодовичъ, по смерти брата своего Георгія вступившій на престолъ Владимірскій; за нимъ удѣльные Князья Суздальскіе и Рязанскіе: потомъ Михаилъ Черниговскій и владѣтели Сѣверскіе. Батый назвалъ Ярослава главою всѣхъ Князей Русскихъ, утвердивъ однако и другихъ потомковъ Владиміра св. въ принадлежавшихъ имъ удѣлахъ, исключая одного Михаила Черниговскаго: сей благочестивый Князь хотѣлъ лучше погибнуть, нежели поклониться кумирамъ, какъ того требовали Монгольскіе жрецы, и 1246.
принялъ въ Ордѣ вѣнецъ св. мученика.

Назначеніе Ярослава Великимъ Княземъ всея Руси долженствовало, по видимому, соединить раздробленныя части государства въ одно цѣлое: въ самомъ дѣлѣ Ярославъ, опираясь на волю Хана, господствовалъ въ большей части Русской земли, назначая намѣстниковъ въ Кіевъ, Черниговъ, въ Княжества Новгородское, Псковское, отчасти въ Полоцкое, властвуя въ Смоленскомъ, Рязанскомъ, во всѣхъ удѣлахъ Суздальскихъ. Но югозападная Русь была отъ него независима: Даніилъ Романовичъ Галицкій, долго не признавая Батыя своимъ повелителемъ, грозя вооружить на Монголовъ Европейскія государ-

Раздѣл. Руси на Вост. и Зап.

ства, умѣлъ внушить къ себѣ такое почтеніе, что Ханъ съ радостію утвердилъ его владѣте-
1250. лемъ Западной Руси, какъ скоро онъ явился въ Орду покорнымъ данникомъ, послѣ тщетныхъ усилій избавиться отъ ига. Такимъ образомъ съ первыхъ лѣтъ Монгольскаго владычества, внутренняя и внѣшняя политика Князей сосредоточилась въ двухъ главныхъ пунктахъ: во Владимірѣ на Клязьмѣ и въ Галичѣ, съ одной стороны въ родѣ Ярослава Всеволодовича, съ другой въ потомствѣ Даніила Романовича; и хотя какъ тамъ, такъ и здѣсь все постоянно выражало одинъ типъ Русскій, однакожъ отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ различія въ политикѣ Князей того и другаго поколѣнія, судьба Восточной Руси была отлична отъ судьбы Западной.

Ярославъ и дѣти его.

84. Ярославъ Всеволодовичъ, покоряясь необходимости, смиреніемъ старался отклонить отъ своего отечества новыя бѣдствія; неоднократно ѣздилъ въ Орду къ Батыю, приносилъ ему дань, странствовалъ въ неизмѣримыхъ степяхъ Татаріи, гдѣ билъ челомъ Великому Хану, Гаюку, и претерпѣвъ всѣ роды уничиженія, самую жизнь кончилъ на возвратномъ пути изъ
1246. глубины Монголіи. Иначе мыслилъ преемникъ его, Андрей Ярославичъ Суздальскій: [1]) онъ

1) По смерти Ярослава, братъ его Святославъ, какъ

хотѣлъ воспользоваться общею ненавистью народною и возвратить отечеству независимость оружіемъ, не приготовивъ средствъ къ одолѣнію Монголовъ, еще крѣпкихъ внутреннимъ согласіемъ, непобѣдимыхъ въ борьбѣ открытой. Преждевременныя усилія стоили дорого ему и народу: Монголы пришли снова, чтобы въ конецъ разорить Русскую землю. Андрей принужденъ былъ бѣжать въ Швецію, оставивъ подданныхъ на произволъ врагамъ. Къ счастію явился спаситель: старшій сынъ Ярослава Александръ, господствовавшій въ то время въ Кіевѣ, спѣшилъ въ Орду, укротилъ гнѣвъ Батыя, оправдалъ свой народъ предъ Великимъ Ханомъ, и признанный главою Руси, возобновилъ политику отца. Не 1252-1263.
слабость духа, не робость, а любовь къ отечеству принудила его унижаться предъ Монголами; мужество свое онъ доказалъ во многихъ войнахъ съ непріятелями Руси, до вступленія на Великокняжескій престолъ; бывъ удѣльнымъ Княземъ въ Новгородѣ, Александръ смѣло ополчался на враговъ отечества, въ кровопролитной сѣчѣ разбилъ Шведовъ на берегахъ Невы, нѣсколько разъ истреблялъ хищныхъ Литовцевъ и своими побѣдами привелъ въ ужасъ Орденъ

старшій въ родѣ, объявилъ себя Великимъ Княземъ; но сынъ Ярославовъ Андрей успѣлъ вытѣснить его и сѣлъ на престолѣ Владимірскомъ; другой же сынъ Ярославовъ Александръ получилъ отъ Батыя въ управленіе Кіевъ съ южною Русью.

Ливонскій; [1]) но смирялся предъ грознымъ могуществомъ Монголовъ; угождалъ Батыю и сыну его Сартаку, коему дряхлый Ханъ при жизни поручилъ Русь въ управленіе; неоднократно ѣздилъ въ Орду, съ богатыми дарами, ласкалъ Ханскихъ вельможъ, и въ надеждѣ усыпитъ злодѣевъ, до того простеръ свое смиреніе, что позволивъ Ханскимъ численникамъ переписать народъ, для обложенія его тяжкою данью, самъ содѣйствовалъ имъ къ поголовной переписи и къ взысканію налоговъ, обуздывая народъ, самихъ дѣтей своихъ въ порывахъ великодушнаго, но безполезнаго негодованія. [2]) Такою политикою онъ спасъ отечество отъ конечнаго порабощенія: безъ сей мѣры Ханы могли лишить Князей власти и назначить въ правители Руси своихъ Баскаковъ; Монгольскій судъ, Монгольскій образъ управленія, истребленіе всего Русскаго были бы неминуемымъ слѣдствіемъ. Братья Александровы Ярославъ Тверской и Василій Костромской слѣдовали его примѣру.

Дѣти Алекс Невскаго.

85. Но дѣти и внуки Александра Невскаго и

1) О побѣдахъ его сказано ниже.

2) Новгородцы рѣшительно не хотѣли пустить къ себѣ Десятниковъ, Сотниковъ и Темниковъ Монгольскихъ; сынъ Александровъ Василій дѣйствовалъ съ ними заодно: Великій Князь казнилъ многихъ Бояръ, подстрекавшихъ сына къ ослушанію, и угрозами принудилъ Новгородъ смириться.

Ярослава Тверскаго упустили изъ виду главную цѣль ихъ политики. Александръ, смиреніемъ отклоняя новыя нашествія Монголовъ, хотѣлъ спасти Русь, ея вѣру, языкъ, внутреннее устройство; они же думали только о присвоеціи Великокняжескаго достоинства, которое теперь давало власть надъ всею Русью, одинъ за другимъ являлись въ Орду, клеветали другъ на друга, судились судомъ Ханскимъ, набирали толпы Монголовъ и при помощи ихъ изгоняли другъ друга. Пагубное ослѣпленіе Князей продолжалось болѣе полувѣка, отъ смерти Василія Ярославича 1276-1328.
Костромскаго до Іоанна Калиты. Во все это время, самое мрачное въ нашей Исторіи, мы видимъ однѣ крамолы, свирѣпые раздоры внутренніе, безпрерывныя нашествія Монголовъ, приводимыхъ самими Князьями, не менѣе опустошительныя вторженія западныхъ сосѣдей, Шведовъ, Ливонскихъ Рыцарей, Литовцевъ, очевидное изнеможеніе беззащитной Руси.

Кровавыя междоусобія начались при дѣтяхъ Александра Невскаго. Сынъ его Андрей, Князь Городецкій, по совѣту Бояръ, хотѣлъ свергнуть съ Великокняжескаго престола роднаго брата Димитрія, дарами и лестію склонилъ на свою сторону Хана, получилъ отъ него граммату и войско, разорилъ всю Владимірскую область отъ Ростова до Торжка, и выгналъ Димитрія. 1280.
Когда же сей Князь нашелъ усердныхъ защитниковъ въ жетеляхъ Переяславля, Андрей вто-

рично привелъ Монголовъ и снова одолѣлъ его. Димитрій обратился къ Ногаю, повелѣвавшему своею Ордою на правомъ берегу Волги, и выхлопоталъ отъ него граммату. Андрей смирился, но чрезъ два года успѣлъ вооружить противъ соперника Князей удѣльныхъ и оклеветать его предъ Ханомъ. Монголы появились въ Руси, въ третій разъ, чтобы возвести Андрея на престолъ, и напомнили ей время Батыево: Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переяславль, Угличъ, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и многіе другіе города были разорены. Одна Тверь спаслась мужествомъ юнаго Князя своего, Михаила Яровлавича. Вскорѣ Димитрій умеръ. Андрей достигъ своей цѣли: сѣлъ на престолъ
1294. хаила Яровлавича. Вскорѣ Димитрій умеръ. Андрей достигъ своей цѣли: сѣлъ на престолъ Великокняжескій и думалъ повелѣвать, по примѣру отца, всею Русью; но Князья удѣльные Михаилъ Тверской, Іоаннъ Переяславскій, Даніилъ Московскій, хотѣли быть независимы. Андрей жаловался Хану; Ханъ нарядилъ судъ, подъ предсѣдательствомъ своего Баскака. Князья были непримиримы: ни угрозы Ханскаго посла, ни убѣжденія духовенства не могли согласить ихъ; они спорили съ Андреемъ за права неза-
1304. висимости до самой смерти его.

Вражда Твери съ Москвою. 1304 - 1328.

86. Примѣръ Андрея открылъ Князьямъ новый путь къ Великокняжескому престолу, доказавъ имъ, что достоинство Великаго Князя принадлежало не тому, кто имѣлъ на оное право

наслѣдственное, но тому, кто умѣлъ угодить Хану. Право старѣйшинства, доселѣ опредѣлявшее порядокъ престолонаслѣдія, исчезло; имъ дорожилъ только тотъ, кому оно доставалось, т. е. старшій въ родѣ; младшіе не уважали этого права, предпочитая ему Ханскій произволъ, открывавшій всѣмъ Князьямъ путь къ престолу. Въ слѣдствіе сего смерть каждаго Великаго Князя воспламеняла вражду между искателями его достоинства: одни опирались на право, другіе на милость Хана; спѣшили въ Орду, чернили другъ друга, не щадили ни даровъ, ни ласкательствъ, и обыкновенно возвращались въ отечество непримиримыми врагами. Народу оставалось терпѣть и лить кровь за Князей ослѣпленныхъ.

По смерти Андрея, два Князя хотѣли быть главою Руси: племянникъ Александра Невскаго Михаилъ Ярославичъ Тверской, какъ старшій въ родѣ, и внукъ Александровъ Георгій Даніиловичъ Московскій, младшій изъ Князей удѣльныхъ; одни города стояли за Князя Тверскаго, другіе за Московскаго. Соперники отправились въ Орду на судъ Хана. Ханъ утвердилъ Михаила. 1304. Георгій отвлекъ отъ него Новгородцевъ, дотолѣ зависѣвшихъ отъ Великаго Князя. Михаилъ привелъ полки Монгольскіе и смирилъ Новгородъ. Князь Московскій принялъ другія мѣры: уѣхалъ въ Орду, три года кланялся Узбеку, женился на сестрѣ его Кончакѣ, и получивъ граммату на достоинство старѣйшаго Князя, повелъ Монго-

ловъ въ Тверскую область, для отмщенія сопернику. Михаилъ, не желая раздражать Хана, отказывался отъ чести быть Великимъ Княземъ: Георгій хотѣлъ отнять у него наслѣдственную область и пошелъ съ сильною ратью на Тверь. Князь Тверской, доведенный до крайности, встрѣтилъ врага и поразилъ его наголову при селѣ Бортновѣ, взявъ въ плѣнъ жену Георгіеву Кончаку и воеводу Узбекова Кавгыдая; но снова предложилъ великодушный миръ, признавая Князя Московскаго Великимъ Княземъ и требуя суда Ханскаго. Къ его несчастію, Кончака умерла во время мирныхъ переговоровъ; Георгій бросился къ Узбеку и обвинилъ Михаила въ смерти
1319. жены своей. Несчастнаго призвали въ Орду и умертвили.

Князь Московскій вторично получилъ граммату на Великокняжеское достоинство; но недолго пользовался плодами своего вѣроломства: сынъ Михаиловъ Димитрій, (Грозныя очи), имъ тѣснимый, жаловался Узбеку и выходилъ въ Ордѣ для себя граммату на первенство. Георгій, чтобъ поправить дѣло, снова отправился въ Орду; за нимъ Князь Тверской; они предстали на судъ Хана. Димитрій такъ ненавидѣлъ своего врага, виновника смерти отцовской, что едва сошелся
1325. съ нимъ, вонзилъ въ него мечь; вскорѣ погибъ и самъ, умерщвленный по приказанію Хана.

Александръ Михайловичъ, второй сынъ Михаила Тверскаго, признанъ былъ Узбекомъ въ

достоинствѣ Великаго Князя; но вскорѣ утратилъ его милость, истребивъ Монголовъ, приведенныхъ въ Тверь двоюроднымъ братомъ Ханскимъ Шевкаломъ, для обращенія народа въ магометанскую вѣру. Узбекъ далъ 50.000 войска Князю Московскому Іоанну Даніиловичу, брату Георгіеву, для наказанія Александра и Тверитянъ. Область его была опустошена; самъ онъ бѣжалъ во Псковъ; оттуда въ Литву. Іоаннъ, въ награду за свое усердіе, получилъ граммату на достоинство 1328. Великаго Князя, и утвердивъ оное навсегда въ своемъ родѣ, далъ судьбѣ нашего отечества благотворное направленіе.

87. Междоусобія потомковъ Ярослава Всеволодовича имѣли самое пагубное слѣдствіе, коего болѣе всего должно было опасаться наше отечество: Князья удѣльные стали считать себя совершенно независимыми отъ Великаго Князя и охотнѣе дружились съ Монголами, чѣмъ съ нимъ, частію для того, чтобы избавиться отъ его вліянія, частію и для того, чтобы присвоить право на первенство, которое, не давая власти, давало средства къ обогащенію ихъ казны: ибо дань ихъ переходила въ Орду чрезъ руки Великаго Князя. Къ концу перваго вѣка Монгольскаго владычества, силы Руси въ конецъ раздробились и какъ будто онѣмѣли: Великій Князь могъ располагать только своею отчиною и съ трудомъ отбивался отъ завистливыхъ совмѣстниковъ, былъ не гла- Враги западные.

вою Руси, а только общимъ собирателемъ дани для Монголовъ. Не имѣя силъ управиться съ внутренними непріятелями, онъ тѣмъ менѣе могъ быть защитникомъ сѣверозападныхъ Княжествъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ Великокняжеской власти, Кривскихъ, Псковскаго и Новгородскаго. Два сильные врага постоянно тревожили эти области во все продолженіе перваго вѣка нашего рабства и къ концу онаго успѣли присвоить многіе Русскіе города: то были Папы, устремлявшіе на Русь Шведовъ и Мечепосцевъ, и Литовцы, движимые духомъ завоеванія.

Папы. Не довольствуясь владычествомъ надъ всѣми Германскими народами, вытѣсняя Греческое духовенство изъ южныхъ земель Славянскихъ, признававшихъ главою Византійскаго Патріарха, Римскіе первосвященники со временъ Григорія VII, покровительствовавшаго Изяславу Ярославичу, не теряли надежды подчинить себѣ Русскую церковь и дѣйствовали тѣмъ ревностнѣе, что власть ихъ утвердилась въ самой Византіи, покоренной оружіемъ крестоносцевъ. Сначала они хотѣли уловить насъ хитрою политикою: обѣщали Князьямъ защиту Апостольскаго меча и вѣнцы Королевскіе, ссылались на Государей умершихъ, будтобы изъявившихъ согласіе покориться намѣстнику св. Петра, [1] въ особенно-

1) Такъ писалъ къ Александру Невскому Папа Инно-

сти спѣшили воспользоваться злополучіемъ Руси, сокрушенной Монголами: сулили ей свободу, защиту всей Европы, готовой для спасенія нашего предпринять крестовый походъ, если только наши Князья согласятся зависѣть отъ Римской церкви,—и все тщетно. Ни велерѣчіе легатовъ, ни Папскія обѣщанія не могли поколебать нашего православія. Видя безуспѣшность такой политики, Папы прибѣгли къ инымъ мѣрамъ: рѣшились распространить свою власть въ нашемъ отечествѣ мірскимъ оружіемъ и подстрекали Шведовъ и Ливонскихъ Рыцарей къ обращенію Русскихъ въ Латинскую вѣру силою; тѣ и другіе, возбужденные Папою, съ половины XIII вѣка стали непрестанно тревожить наши сѣверозападныя области, и мы, громимые съ востока фанатизмомъ воинственнымъ, въ то самое время на западѣ должны были бороться съ религіознымъ, не менѣе сильнымъ и опаснымъ.

88. До половины XII вѣка Русскіе не имѣли никакихъ распрей съ Шведами. Основаніе Королемъ Эрикомъ IX многихъ Шведскихъ поселеній въ южной Финляндіи служило первымъ поводомъ къ раздору. Новгородцы съ неудовольствіемъ и

Шведы.

Съ 1157.

кентій IV, увѣряя, будто бы отецъ его Ярославъ, находясь у Великаго Хана въ Татаріи, далъ слово Папскому миссіонеру Плано-Карпини принять Латинскую вѣру. Мы имѣемъ записки Карпини: онъ ни слова не говоритъ о мнимомъ желаніи Ярослава оставить вѣру праотцевъ.

опасеніемъ смотрѣли на пришельцевъ, силившихся обратить въ Латинскую вѣру и присвоить себѣ два народа, издавна подвластные Новгороду, Емь и Корелу: первый обиталъ въНиландѣ, Тавастландѣ и Саволаксѣ (въ южной части Финляндіи); второй въ Кореліи. Съ 1164 года началась война. Русскіе постоянно одерживали верхъ: при первомъ вторженіи непріятелей въ Ладожское озеро, Новгородцы истребили множество судовъ ихъ и удержали за собою Емь и Коре-
1184. лу; въ послѣдствіи выслали многочисленный флотъ, который, переплывъ Балтійское море, пробрался въ озеро Меларъ (протокомъ, гдѣ основанъ Стокгольмъ), и разорилъ въ конецъ многолюдный городъ Сигтуну; въ исходѣ же XII вѣка истребивъ большую часть Шведскихъ по-
1191. селеній въ Финляндіи, сожгли городъ Або, бывшій мѣстопребываніемъ Латинскаго Епископа. Шведы не хотѣли покинуть Финляндію и напрягали всѣ силы, чтобы удержать ее за собою. Война была безпрерывная.

Но до нашествія Монголовъ, единственнымъ поводомъ къ раздору Шведовъ съ Новгородцами было стремленіе одного народа вытѣснить другой изъ Еми и Кореліи. Съ тѣхъ поръ началась борьба религіозная. Самымъ достопамятнымъ явленіемъ въ этомъ смыслѣ былъ походъ Шведскаго полководца Биргера, посланнаго Королемъ Эрихсономъ, для обращенія Новгородцевъ въ Латинскую вѣру, въ то самое время,

когда Батый громилъ южную Русь. Виновникомъ нашествія Биргера былъ Папа, который въ 1237 году повелѣлъ буллою Упсальскому Епископу проповѣдывать въ сѣверныхъ странахъ крестовый походъ противъ Финляндіи и Руси. Тогдашній Князь Новгородскій Александръ Ярославичъ образумилъ Шведовъ: онъ разбилъ ихъ на голову при устьѣ Ижоры на берегахъ Невы, собственнымъ копіемъ *возложилъ печать* на лице Биргера, убилъ Епископа и заслужилъ отъ потомства прозваніе Невскаго. По смерти Александра, бывшаго грозою непріятелей, пользуясь раздорами сыновей его, Шведы присвоили всю Русскую Емь и часть Кореліи, гдѣ построили Кексгольмъ и Выборгъ. Въ концѣ же XIII вѣка хотѣли овладѣть и теченіемъ Невы, при устьѣ коей основали Ландскрону, въ надеждѣ рано или поздно ввести въ Русскихъ земляхъ Римскую вѣру. Новгородцы вытѣснили ихъ, и чтобы удержать за собою Неву, въ началѣ XIV вѣка заложили крѣпость Орѣшекъ (нынѣшній Шлиссельбургъ). Безпрерывная война утомила оба народа: въ 1323 году они заключили вѣчный миръ Орѣховскій, опредѣливъ границею обоюдныхъ владѣній черту отъ устья рѣки Сестры до юго-западной части нынѣшняго Кексгольмскаго уѣзда. Этотъ миръ служилъ въ послѣдствіи, до Михаила Ѳеодоровича, основаніемъ всѣхъ трактатовъ между Швеціею и Россіею. Но фанатизмъ не угасъ: Шведскіе Короли, подстрекаемые Папою,

16 Іюля 1249.

вскорѣ возобновили прежнюю мысль обратить Русскихъ оружіемъ въ Латинскую вѣру, доколѣ частыя неудачи не убѣдили ихъ въ непоколебимомъ православіи нашихъ предковъ.

Меченосцы. 89. Еще ревностнѣе служили Папѣ Рыцари Ордена Меченосцевъ, овладѣвшіе въ первый вѣкъ нашего ига всею Ливоніею, страшные для Пскова и Новгорода, сокрушенные послѣ долговременной борьбы Іоанномъ IV. [1] Страна, извѣстная подъ общимъ названіемъ Ливоніи, заключающая нынѣ Эстляндію, Лифляндію, Курляндію, искони была обитаема народами частію Латышскаго самобытнаго племени, частію Финскаго: въ Эстляндіи Эстами или Чудью, въ Лифляндіи Ливами и Леттами, въ Курляндіи Корсью или Куронами. Первые три народа, со временъ Ярослава Мудраго, построившаго въ землѣ ихъ Юрьевъ (Дерптъ), зависѣли отъ Новгородцевъ, частію отъ Псковитянъ и Князей Полоцкихъ, имѣвшихъ въ началѣ XIII столѣтія на Двинѣ города, съ православными церквами, Кокейносъ (Кокенгаузенъ) и Герсике (Крейцбургъ). Упорствуя въ грубомъ язычествѣ, въ дикихъ нравахъ, жители Ливоніи весьма неохотно платили дань, и для обузданія ихъ Князья Новгородскіе приходили къ нимъ съ

1) Essai critique sur l'Histoire de la Livonie, par le Comte de Bray. Dorpat, 1817. 3 vol.

войскомъ. Язычество Ливонцевъ съ конца XII вѣка обратило на себя вниманіе набожныхъ проповѣдниковъ Нѣмецкихъ, которые, слѣдуя общему духу времени, искали только случая и мѣста, чтобы ознаменовать свое усердіе къ Римской вѣрѣ, тѣмъ болѣе къ Папѣ. Первымъ проповѣдникомъ христіанства въ Ливоніи, по благословенію Бременскаго Епископа, былъ 1186.
Августинскій священникъ, Мейнгардъ, построившій на Двинѣ, съ согласія *Великаго* Князя Полоцкаго, Икскуль, для безопасности своихъ послѣдователей. По слѣдамъ Мейнгарда, въ самомъ концѣ XII вѣка, прибылъ съ крестоносною дружиною Албертъ Буксгевденъ, рѣшившій надолго судьбу Ливоніи. Утвержденный Папою въ званіи Ливонскаго Епископа, онъ не только положилъ прочное основаніе владычеству Нѣмцевъ на Двинѣ, построеніемъ города Риги, 1200.
многихъ костеловъ и замковъ, но приготовилъ и преемникамъ своего званія вѣрное средство къ покоренію всей *Ливоніи*, образовавъ изъ сподвижниковъ своихъ, съ согласія Папы Иннокентія III, военнодуховный Орденъ, подъ названіемъ *Братства креста Господня*. Таково было начало знаменитаго Ордена Меченосцевъ. 1201.
Они получили отъ Папы уставъ Храмовыхъ Рыцарей, бѣлую мантію съ краснымъ крестомъ и право на владѣніе покоренными землями; но въ зависимости отъ Ливонскаго Епископа После тридцатилѣтней трудной борьбы съ ту-

земцами, Меченосцы успѣли мечемъ и пламенемъ подчинить большую часть упорныхъ язычниковъ Римской церкви. Покоряя Ливонію, они обращали оружіе и на Русскіе предѣлы, сначала для отраженія Полоцкихъ Князей, силившихся исхитить подвластную имъ страну на Двинѣ изъ рукъ пришельцевъ, въ послѣдствіи для утвержденія своего господства и Латинской церкви въ земляхъ Кривскихъ. Но чувствуя слабость своихъ средствъ, встрѣчая неодолимыя препятствія въ дикомъ упорствѣ Ливонцевъ и въ мужествѣ Русскихъ, Меченосцы, съ согласія
1237. Папы Григорія IX, въ 1237 году присоединились къ Ордену Тевтонскому, господствовавшему въ Пруссіи; удержали однако свое прежнее устройство, своихъ Епископовъ, своихъ Гермейстеровъ, назначаемыхъ Великими Магистрами Тевтонскими, свое право на покоряемыя оружіемъ ихъ земли, пріобрѣли только новыя силы, новую бодрость, и съ тѣхъ порѣ подстрекаемые Римскимъ дворомъ, духомъ фанатизма, жаждою корысти, вступили въ безпрерывную борьбу съ Князьями Полоцкими, Псковскими и Новгородскими. Постоянныя впаденія ихъ въ наши предѣлы начались въ то время, когда Батый разрушалъ Кіевъ, а Шведы хотѣли овладѣть Новгородомъ. Александръ Невскій, едва успѣлъ отразить Биргера, долженъ былъ спѣшить на помощь Пскову, коимъ Рыцари уже овладѣли. Мужественный Князь

выгналъ ихъ изъ Пскова, освободилъ Изборскъ и поразивъ главныя силы непріятелей на Чудскомъ озерѣ, привелъ Орденъ въ такой 5 Апрѣля. 1224.
ужасъ, что Гермейстеръ его Вельвенъ трепеталъ за самую Ригу и просилъ помощи у Короля Датскаго; между тѣмъ, чтобы остановить успѣхи Русскихъ, уступилъ Новгороду значительную часть Летгаліи. По смерти Александра, война запылала снова. Рыцари, вопреки трактату, напали на Новгородцевъ, шедшихъ въ Эстонію противъ поселившихся тамъ Датчанъ; но при Раковорѣ или Везенбергѣ въ 1268 году потерпѣли жестокое пораженіе, положивъ на мѣстѣ 1268.
много и Русскихъ, коими предводительствовалъ Князь Димитрій Александровичъ. Гермейстеръ собралъ новыя великія силы, до 18.000, и осадилъ Псковъ, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій. Князь Псковской, мужественный Довмонтъ, упорною защитою далъ время Новгородцамъ подоспѣть на помощь и отбилъ Рыцарей. 1269.

При всѣхъ неудачахъ, Меченосцы хотѣли непремѣнно овладѣть Псковомъ, который съ тѣхъ поръ былъ главною цѣлью ихъ походовъ и стражемъ Русскихъ предѣловъ. Къ счастію нашему, въ концѣ XIII вѣка, въ Орденѣ возникли раздоры между Епископами и Рыцарями, за право господства надъ покоренными землями, и на время отвлекли его вниманіе отъ Руси.

Литва. 90. Къ довершенію бѣдствій нашего отечества, въ первый вѣкъ Монгольскаго владычества, на западныхъ предѣлахъ Руси усилился народъ, дотолѣ едва замѣтный въ нашей Исторіи, съ половины XIV вѣка грозный для всѣхъ сосѣдей, — Литва. Единоплеменная съ коренными древнѣйшими народами, жившими по юговосточнымъ берегамъ Балтійскаго моря, съ Пруссами, съ Зимголою въ Семигаліи, Жмудью въ западной части Виленской губерніи, съ Корсью въ Курляндіи, съ Летголою или Латышами въ Лифляндіи, Литва искони обитала въ дремучихъ лѣсахъ, между Нѣманомъ и западною Двиною, въ нынѣшней Виленской губерніи, гдѣ въ низшихъ сословіяхъ доселѣ господствуетъ особенный языкъ, равно отличный отъ Славянскихъ, Нѣмецкихъ и Финскихъ нарѣчій. До нашествія Монголовъ, она извѣстна была нашему отечеству смѣлыми набѣгами, коихъ цѣлью былъ одинъ грабежъ, упорною привязанностію къ полудикой жизни и грубымъ язычествомъ. Для обузданія сего свирѣпаго народа, со времепъ Ярослава Мудраго, рѣдкій изъ Князей Западной Руси не ходилъ въ его бѣдную страну, чтобы завоевать ее. При появленіи Русскихъ, жители скрывались въ глуши священныхъ лѣсовъ своихъ, и только въ крайности платили дань звѣриными шкурами, даже лыками и вѣниками. Походы Русскихъ Князей не всегда были успѣшны; самъ Мстиславъ-Великій, счастливый во

всѣхъ воинскихъ предпріятіяхъ, испыталъ неудачу въ Литвѣ, гдѣ погибли цѣлые полки его, избитые врагами. Скудная дань, которую они иногда платили, стоила намъ дорого: Князья, частыми вторженіями въ Литву озлобивъ ея обитателей и не успѣвъ покорить ихъ своей власти, накликали на себя враговъ непримиримыхъ. Съ половины XII вѣка Литовцы стали мстить намъ неутомимо, обнаруживая въ набѣгахъ грозную силу, страшную злобу, отчаянную дерзость: нерѣдко въ жестокую зиму, вырывались многочисленными толпами изъ своихъ лѣсовъ и съ остервененіемъ опустошали предѣлы Полоцкіе, Новгородскіе, Псковскіе, даже Волынскіе. Романъ Мстиславичъ Галицкій въ концѣ XII вѣка прекратилъ на время ихъ набѣги на Волынь и вообще на Югозападную Русь, одержавъ надъ ними нѣсколько побѣдъ и грозою своего оружія внушивъ имъ такой страхъ, что имя его нѣсколько вѣковъ памятно было въ Литвѣ; тамъ еще въ XVI столѣтіи говорили въ пословицу: „Романе, худымъ живеши, Литвою ореши:" онъ впрягалъ плѣнниковъ въ соху для обработыванія земли. Въ другихъ Княжествахъ сосѣдственныхъ, къ востоку, при слабости ихъ владѣтелей, Литовцы находили болѣе поживы: въ 1224 году они проникли до самой Русы; вскорѣ появились въ области Псковской, потомъ въ Полоцкой; въ 1239 году едва не овладѣли Смоленскомъ. Въ тоже

время тревожили и Орденъ Ливонскій и Польшу: въ одной изъ битвъ съ Меченосцами они едва не истребили всего Ордена; самъ Гермейстеръ Вольквинъ положилъ въ ней голову со многими Псковитянами, призванными на помощь.

91. По завоеваніи Руси Монголами, въ первые годы нашего рабства, Литовцы выступили изъ своихъ лѣсовъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ овладѣть сосѣдственными Русскими городами. Ими предводительствовали многіе Князьки, главою коихъ былъ храбрый и хитрый Миндовгъ, первый достовѣрный Князь Литовскій, имѣвшій свою столицу въ Керновѣ, баснословно производимый Польскими лѣтописцами отъ племени Римлянъ, нашими отъ Князей Полоцкихъ. Сперва онъ двинулъ весь свой народъ, всѣхъ подвластныхъ вождей на Княжества Кривскія, Псковское, Новгородское. Напоръ Литвы такъ былъ стремителенъ, что Александръ Невскій восемь разъ выводилъ въ поле храбрую дружину противъ новыхъ завоевателей, овладѣвшихъ уже Торжкомъ и Торопцомъ: онъ вытѣс-
1243 нилъ ихъ и спасъ свои области. Раздоръ сыновей и внуковъ его облегчилъ Литовскимъ Князьямъ завоеваніе Княжествъ Полоцкаго, Минскаго и Витебскаго. Новгородъ и Псковъ, понимая всю опасность, напрягли всѣ свои силы, чтобы спасти свои города, и отстояли ихъ. Видя здѣсь неудачу, Литовцы обратились къ югу, раздвинули предѣлы свои до самаго

Пинска, и грозили завоеванiемъ Волынскихъ Княжествъ. Отселѣ исторiя Литвы тѣсно соединяется съ исторiею Югозападной Руси.

III. Русь Западная.

1228-1320.

92. Предъ самымъ нашествiемъ Батыя, въ началѣ XIII вѣка, Югозападная Русь испытала жестокое потрясенiе, виновникомъ коего былъ Мстиславъ Удалой. Сей Князь, знаменитый отважнымъ духомъ, но слабый характеромъ, исхитивъ Галицкое Княжество изъ власти Поляковъ и Венгровъ, которые овладѣли было имъ по смерти Романа Мстиславича, воспользовавшись малолѣтствомъ сына его Данiила, добровольно уступилъ престолъ, по совѣту лукавыхъ Бояръ, Королевичу Венгерскому Андрею, своему зятю, сыну Андрея II; а за собою оставилъ небольшую область Понизье или Галицкую Украйну между Днѣстромъ и Бугомъ. Въ послѣдствiи, когда возмужалъ Данiилъ Романовичъ, обнаруживъ рѣдкiя достоинства ума и сердца, Мстиславъ раскаялся въ неблагоразумномъ поступкѣ и хо-

Данiилъ Галицкiй. 1228 - 1264.

тѣлъ, возвративъ ему престолъ, изгнать Венгровъ, но уже поздно: ослабленный битвою съ Монголами на Калкѣ, онъ не имѣлъ силъ отнять Га-
1228. личъ у Королевича, и умеръ, предавъ достояніе предковъ въ руки иноплеменниковъ. Даніилъ не могъ однако забыть правъ на отцовское государство: немедленно по смерти Мстислава, вступилъ въ борьбу съ Венграми и одолѣлъ ихъ. Королевичъ Андрей взятъ былъ въ плѣнъ; вся Галиція съ радостію признала своимъ Государемъ мужественнаго и добраго сына Романова. Тщетно Король Венгерскій Андрей II, знаменитый вождь креснотосцевъ, напрягалъ всѣ силы, чтобы снова овладѣть Галиціею: многочи-
1230. сленныя войска его погибли въ горахъ Карпатскихъ или были избиты Галичанами. Управясь съ врагами внѣшними, Даніилъ долго не могъ обуздать внутреннихъ: безпрестанный переходъ Галиціи изъ рукъ въ руки далъ поводъ высшимъ сословіямъ вмѣшаться въ управленіе государствомъ; Галицкіе Бояре призывали и изгоняли Князей. Пользуясь своеволіемъ ихъ и неповиновеніемъ законному Государю, Михаилъ Всеволодовичъ Князь Черниговскій овладѣлъ Галиціею; однакожь не надолго. Даніилъ вытѣснилъ
1238. его и утвердился на отцовскомъ престолѣ въ то время, когда Монголы уже опустошали Великое Княжество Владимірское.

Нашествіе Батыя оставило въ Югозападной Руси столь же глубокіе слѣды, какъ и въ Восточной:

многіе цвѣтущіе города въ Волыни и Галиціи были разрушены до основанія, въ особенности Каменецъ, Галичъ, Перемышль; многія поколѣнія Волынскихъ Князей изъ рода Изяслава Мстиславича угасли; жители скрылись въ лѣсахъ, или бѣжали въ сосѣдственныя государства, еще болѣе погибли. Даніилъ, видя невозможность бороться съ Монголами, удалился въ Венгрію; по минованіи же грозы, когда Батый возвратился къ берегамъ Волги, спѣшилъ исцѣлить нанесенныя имъ язвы: вызвалъ подданныхъ изъ лѣсовъ, возстановилъ разрушенные города и необыкновенною дѣятельностію въ короткое время образовалъ государство могущественное, заключавшее всю нынѣшнюю Галицію, Волынь, Подолію, часть Гродненской Губерніи, Люблинскаго Воеводства и большую часть Молдавіи.

Держава Галицкая не была подвластна Великимъ Князьямъ Владимірскимъ, утвержденнымъ въ Ордѣ Государями всей Руси, ни Ярославу Всеволодовичу, ни Александру Невскому, тѣмъ менѣе преемникамъ ихъ: ибо Даніилъ осторожностію политики умѣлъ внушить Батыю такое къ себѣ уваженіе, что когда явился въ Орду, послѣ долговременнаго отказа, съ покорностію, Ханъ принялъ его болѣе какъ союзника, чѣмъ подвластнаго себѣ владѣтеля, и объявилъ главою Югозападной 1250.
Руси. Позже всѣхъ другихъ Князей признавъ себя данникомъ Монголовъ, онъ не терялъ надежды на независимость, съ рѣдкимъ благора-

зуміемъ изыскивалъ средства къ освобожденію себя отъ ига и чтобы успѣть въ своемъ намѣреніи, рѣшился искать помощи въ западныхъ Европейскихъ государствахъ. Болѣе всего онъ надѣялся на Папу Иннокентія IV, который могъ ополчить Европу на Монголовъ, вступилъ съ нимъ въ дружелюбныя сношенія и обѣщалъ содѣйствовать соединенію Восточной церкви съ Западною, о чемъ Папы постоянно заботились, если только согласится на оное Вселенскій соборъ, который предполагалось созвать, какъ скоро Русь будетъ избавлена отъ враговъ. Иннокентій такъ обрадовался вызову Даніила, что при-
1254. слалъ ему вѣнецъ Королевскій и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Монголовъ. Ополченіе однако не состоялось отъ раздоровъ христіанскихъ Государей. Даніилъ, видя безсиліе Папы, прервалъ сношенія съ Римскимъ дворомъ, удержавъ за собою титулъ Королевскій, остался непоколебимъ въ православіи и однимъ союзомъ съ Королями Польскимъ, Венгерскимъ, Богемскимъ хотѣлъ избавиться отъ рабства: укрѣпилъ города, собралъ войско многочисленное, такъ хорошо вооруженное, что оно заслужило удивленіе Венгровъ, коимъ помогало противъ Императора Фридриха, и изгнавъ Ханскихъ Баскаковъ изъ всѣхъ областей своихъ до самого
1259. Днѣпра, объявилъ себя непріятелемъ преемника Батыева. Сонмы Монголовъ устремились на Галицкое Королевство; Даніилъ ждалъ только

союзниковъ, чтобы вступить въ борьбу: они его оставили. Тутъ онъ увидѣлъ, что борьба невозможна, снова призналъ себя данникомъ Хана, даже разрушилъ, по волѣ его, укрѣпленія Кременца, Луцка, Львова, Владиміра. При всемъ томъ онъ и преемники его менѣе всѣхъ Русскихъ Князей раболѣпствовали Хану: не ѣздили въ Орду бить челомъ, не требовали Ханскаго утвержденія въ отцовскихъ удѣлахъ, заставили Монголовъ уважать себя, грозя иногда тѣснымъ союзомъ съ Европою, иногда собственнымъ оружіемъ, главное же, не взирая на раздробленіе Галицкаго Королевства по праву удѣльному, дѣйствовали въ политикѣ внѣшней и внутренней съ рѣдкимъ въ нашей Исторіи единодушіемъ.

93. По смерти Даніила, Галицкое Королевство раздѣлилось на четыре удѣла: въ Княжествѣ Владимірскомъ господствовалъ братъ его Василько; въ Перемышльскомъ, Луцкомъ и Галицкомъ сыновья Левъ, Мстиславъ и Шварнъ. Они вели счастливыя войны съ Королями Польскими и съ Князьями Литовскими, удерживая стремленіе сихъ новыхъ завоевателей на южную Русь; строили, обновляли города; платили Монголамъ дань, но не приглашали ихъ для разбора своихъ наслѣдственныхъ правъ на удѣлы, и только въ случаѣ войны съ сосѣдями призывали ихъ на помощь, какъ нѣко- Преемники Даніила.

гда Половцевъ, съ тѣми же послѣдствіями: мнимые союзники болѣе вредили ихъ собственному государству, чѣмъ непріятелямъ, и мало по малу доводили его до изнеможенія.
1301. Сынъ Льва Даніиловича Юрій, вступившій на престолъ въ самомъ началѣ XIV столѣтія, соединилъ подъ свою державу, по праву наслѣдства, всю Югозападную Русь, и по примѣру великаго дѣда своего, въ сношеніяхъ съ иноземцами именовался Королемъ Русскимъ (преемники же его назывались Королями Малой Руси). Государство его было самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ Княжествъ Русскихъ, занимая страну обширную, плодородную, со многими цвѣтущими городами. При всемъ томъ, иго рабства тяготѣло надъ нимъ, такъ точно, какъ и надъ всею Русью; тяжкая дань, своеволіе Баскаковъ, переходы Монголовъ на Литву, Польшу и Венгрію, куда они неоднократно вторгались, все это изнуряло Галицкое Королевство; оно могло назваться счастливымъ, только по сравненію съ другими Княжествами.

Отношенія къ Литвѣ.

94. Послѣ Монголовъ, главнымъ предметомъ политики Королей Галицкихъ была Литва. Миндовгъ, встрѣтивъ отпоръ въ Сѣверозападной Руси, обратилъ своихъ Князьковъ на югъ и завоевалъ Новогродекъ. Даніилъ Романовичъ спѣшилъ заключить противъ него

оборонительный союзъ съ Герцогами Польскими и съ Орденомъ Ливонскимъ; въ тоже время пользовался раздорами Литовскихъ Князей, вооружалъ ихъ другъ противъ друга, билъ враговъ при каждой встрѣчѣ и проникъ въ самую Литву. Миндовгъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, прибѣгнулъ къ хитрости: изъявляя желаніе креститься со всѣмъ народомъ, онъ просилъ покровительства Римскаго Папы Александра IV, получилъ отъ него санъ Королевскій 1255.
въ награду за мнимое усердіе къ христіанской вѣрѣ и при посредничествѣ его избавился отъ Меченосцевъ; Даніила же Романовича склонилъ къ миру, возвративъ ему Новогродекъ, Слонимъ, Волковискъ, и выдавъ дочь свою за меньшаго сына его Шварна, съ обѣщаніемъ не тревожить Вольни. Миндовгъ обманулъ и Папу и Даніила: остался язычникомъ, спѣшилъ воспользоваться раздоромъ Князя Галицкаго съ Монголами, и снова обратилъ оружіе на Волынскія Княжества; но не успѣлъ овладѣть ими, бывъ умерщвленъ 1265.
родственниками.

Смерть его сильно потрясла Литву и была поводомъ соединенія сей страны съ Галицкимъ Княжествомъ, къ несчастію кратковременнаго. Сынъ Миндовга, Воишелгъ, противъ воли отца принявшій христіанскую вѣру по Греческому обряду, еще при жизни его отказался отъ свѣта и удалясь въ Полонинскую обитель (Волынской губерніи), ревностно исполнялъ всѣ обя-

занности инока. Злодѣйство родственниковъ вызвало его къ мести: онъ свергнулъ съ себя монашескую одежду, явился въ Литвѣ грознымъ мстителемъ, при помощи сыновей Даніиловыхъ
1266. овладѣлъ государствомъ, истребилъ убійцъ своего отца и подозрѣвая подданныхъ въ соучастіи, плавалъ въ крови ихъ. Нѣсколько сотъ семействъ Литовскихъ, гонимыхъ Воншелгомъ, искали убѣжища во Псковѣ и тамъ крестились; въ числѣ ихъ былъ Довмонтъ, защитникъ Пскова, знаменитый набожностію и неоднократнымъ спасеніемъ своей новой отчизны отъ Ливонскихъ Рыцарей, отъ самыхъ Литовцевъ. Воншелгъ искалъ престола только для того, чтобы наказать родственниковъ, виновныхъ въ смерти отца; совершивъ месть, онъ снова, въ одеждѣ инока, уда-
1267. лился въ монастырь, а государство уступилъ усердному сподвижнику, зятю своему Шварну, меньшому сыну Даніила Романовича. Шварнъ, получивъ отъ отца большую часть Галицкаго Королевства, присоединилъ къ своему удѣлу все Литовское Княжество, въ коемъ господствовалъ
1269. около двухъ лѣтъ. Преждевременная смерть его не допустила утвердиться соединенію Литвы съ Русью: старшій братъ его Левъ Даніиловичъ, наслѣдовавъ Шварнову область, Галицію, не умѣлъ утвердить свою власть въ Литвѣ, гдѣ его ненавидѣли, какъ убійцу Воншелга. Литовскимъ престоломъ овладѣлъ одинъ изъ туземцевъ, язычникъ Тройденъ, врагъ Русскихъ. Левъ, озлоблен-

ный его вѣроломствомъ и считая себя законнымъ наслѣдникомъ Литвы, обратился съ просьбою о помощи къ Хану Сарайскому Менгутемиру. Призванные имъ Монголы, соединясь съ полками Галицкими, Смоленскими, Сѣверскими, устремились въ Литву, чтобы завоевать ее для сына Даніилова; но остановленные на пути раздорами союзныхъ Князей, дошли не далѣе Новогродека и не столько повредили непріятелямъ, сколько Русскимъ Княжествамъ, разоривъ на возвратномъ пути множество селъ и городовъ въ Галиціи. Эта неудача не образумила Льва: онъ снова призвалъ Монголовъ изъ Ногаева улуса; плоды были тѣже: Тройденъ и преемникъ его Витенъ утвердились на самой Горыни. Малолѣтство же наслѣдниковъ Льва и наконецъ пресѣченіе рода Даніилова доставили всю Волынь въ руки Князей Литовскихъ.

IV. Русь въ началѣ XIV вѣка.

95. Въ началѣ XIV вѣка родъ Владиміра св., раздѣленный по прежнему на многія отрасли, господствовалъ, въ зависимости отъ Хановъ Сарайскихъ, въ тѣхъ же предѣлахъ, кои имѣла Русская земля предъ нашествіемъ Монголовъ, Предѣлы Руси.

исключая Княжествъ Кривскихъ, покоренныхъ Литвою, Ливоніи, присвоенной Меченосцами, и южной Финляндіи, отторгнутой Шведами. Все пространство отъ горъ Карпатскихъ, береговъ Сана, Западнаго Буга, Псковскаго озера и Выборга до Волги и Камы, отъ Ворсклы, верховьевъ Хопра и Медвѣдицы до Мурманскаго или Бѣлаго моря, было подвластно одному семейству. Многія отрасли его угасли, или не ознаменовавъ себя ничѣмъ достопамятнымъ не были замѣчены лѣтописцами. Господствующимъ поколѣніемъ, какъ было до Монголовъ, осталось Мономахово, раздѣлившееся, въ потомствѣ правнука его Ярослава Всеволодовича и праправнука Романа Мстиславича, на два главные рода, изъ коихъ одинъ сосредоточивалъ въ себѣ всю политику въ Восточной Руси, другой въ Западной.

Русь Восточная.

96. Родъ Ярослава Всеволодовича, въ потомствѣ трехъ сыновей его Александра, Андрея и Ярослава, раздѣлился на три отрасли: домъ Александра Ярославича Невскаго господствовалъ въ Княжествѣ Московскомъ, домъ Андрея Ярославича въ Суздальскомъ и Нижегородскомъ, домъ Ярослава Ярославича въ Тверскомъ.

Московское Княжество было слабѣе и малолюднѣе всѣхъ прочихъ Княжествъ. Москва, самый юный изъ городовъ Суздальской области, основанная вѣроятно не прежде Юрія Долго-

рукаго [1]), до нашествія Монголовъ, не имѣла даже своего Князя и составляла отчину Государей Суздальскихъ. Александръ Невскій отдалъ ее въ удѣлъ младшему сыну своему Даніилу, который, владѣя сначала одною Москвою съ нѣсколькими селами и деревнями, въ послѣдствіи увеличилъ свою область, пріобрѣвъ, по духовному завѣщанію племянника своего Іоанна Димитріевича, богатый и многолюдный Переславль Залѣсскій. Сынъ его Георгій присовокупилъ еще Коломну, отнявъ ее у Князя Рязанскаго. Іоаннъ Калита наслѣдовалъ, по смерти брата, кромѣ Москвы, Можайскъ, Коломну, Перемышль, Звенигородъ, Рузу, Серпуховъ, Переславль.

Суздальское, вмѣстѣ *съ Нижегородскимъ*, принадлежало многимъ Князьямъ изъ рода Андрея Ярославича; главою ихъ былъ внукъ его Константинъ Васильевичъ. Господствуя въ древнихъ городахъ, съ именемъ коихъ современники привыкли соединять мысль о Великокняжескомъ достоинствѣ, располагая сверхъ того Нижнимъ Новгородомъ, Галичемъ, Костромою, Городцомъ, Стародубомъ, Угличемъ, Константинъ былъ сильнѣйшимъ Государемъ въ Восточной Руси.

Тверское Княжество, доставшееся по смерти Димитрія Михайловича, соперника Георгія Мос-

1) Москва упоминается впервые въ 1147 году, когда Юрій Долгорукій, воюя съ племянникомъ Изяславомъ Мстиславичемъ, угощалъ въ ней своихъ союзниковъ.

ковскаго, брату его Александру, внуку Ярослава Ярославича, состояло изъ городовъ Твери, Ржева, Зубцова, Кашина; славилось мужествомъ народа и благородною твердостію Князей, менѣе всѣхъ раболѣпствовавшихъ Хану.

Какъ правнуки Ярослава Всеволодовича, признаннаго во время Батыя Великимъ Княземъ всея Руси, Князья Московскій, Суздальскій и Тверской только себя считали въ правѣ быть на Великокняжескомъ престолѣ; потомки другихъ поколѣній Владиміра св. не изъ рода Ярослава Всеволодовича, не оспоривали у нихъ этого права, искали одной независимости и смотря по обстоятельствамъ держались то той, то другой стороны. Въ числѣ этихъ Княжествъ второстепенныхъ, относившихся къ системѣ Восточной Руси, сильнѣйшія были: *Ростовское и Бѣлозерское*, принадлежавшія потомству Константина Всеволодовича, брата Ярославова; *Рязанское*, гдѣ господствовали потомки Ярослава Святославича Черниговскаго въ Рязани, Переяславлѣ, Пронскѣ; *Сѣверское*, здѣсь княжилъ родъ Святослава Ольговича и Михаила Всеволодвича, раздѣляясь на Князей Брянскихъ, Козельскихъ, Курскихъ, Глуховскихъ, Одоевскихъ, Карачевскихъ, Трубчевскихъ, Путивльскихъ, и другихъ; *Смоленское* оставалось за домомъ Ростислава Мстиславича, коего отрасль утвердилась сверхъ того въ *Ярославлѣ*; *Кіевское и Черниговское* Княжества не всегда имѣли своихъ особенныхъ владѣтелей: главные города ихъ,

состоявшіе изъ однѣхъ развалинъ съ немногими жителями, были управляемы Ханскими Баскаками; Кіевъ такъ опустѣлъ, что Митрополитъ всея Руси Максимъ, въ исходѣ XIII вѣка, перенесъ оттуда свой престолъ во Владиміръ на Клязьмѣ, бывшій со временъ Ярослава Всеволодовича столицею Руси. Впрочемъ въ Ордѣ было принято за правило считать Кіевъ и Черниговъ въ числѣ городовъ Великаго Князя; но потомки Ярослава, занятые своими распрями, не имѣли даже времени и подумать о столь отдаленныхъ владѣніяхъ.

Новгородское Княжество по прежнему принадлежало не исключительному поколѣнію, а тому, кто былъ признаваемъ въ Ордѣ главою другихъ Князей. Составляя въ нѣкоторомъ смыслѣ маіоратъ каждаго Великаго Князя, оно давало ему значительный перевѣсъ, если только онъ умѣлъ поладить съ Вѣчемъ. Впрочемъ это случалось рѣдко; своеволіе черни болѣе ослабляло, чѣмъ усиливало Великаго Князя, озабочивая его безпрестанно спорами о правѣ собирать дань, производить судъ и расправу. Владѣнія Новгородскія были весьма обширны; въ нихъ находились города: Новгородъ, Ладога, Орѣшекъ, Руса, Копорье, Торжекъ, Вышній Волочекъ, Вологда, Устюгъ. Земли: Заволоцкая, (въ Архангельской губ.), Печерская, Пермская, Вятская, Югорская, доставлявшія мягкую рухлядь, даже дорогіе металлы, были области Новгородскія.

Псковское Княжество, усвоивъ внутреннее устройство, сходное съ Новгородскимъ, составляло равнымъ образомъ маіоратъ Великаго Князя. Въ немъ находились города: Псковъ, Изборскъ, Опока, Торопецъ.

Русь югозападная.

97. Въ Югозападной Руси господствовалъ также родъ Владиміра Мономаха, въ потомствѣ Романа Мстиславича Волынскаго. Многочисленныя Княжества, извѣстныя прежде подъ именемъ Волынскихъ, Червенскихъ, Туровскихъ, Галицкихъ, принадлежавшія отчасти потомкамъ Мономаха и Володаря, отчасти другимъ отраслямъ Ярослава Мудраго, въ продолженіе XIII вѣка вошли въ составъ одного могущественнаго государства, *Королевства Галицкаго*, въ коемъ хотя были частные удѣлы, но владѣтели ихъ безпрекословно признавали надъ собою господство Короля Галицкаго, въ родѣ Даніила Романовича. Оно простиралось отъ устьевъ Дуная до истоковъ Нѣмана, отъ береговъ Сана и горъ Карпатскихъ до Днѣпра, включая въ своихъ предѣлахъ всю нынѣшнюю Волынь съ частію Кіевской губерніи, Подолію, Галицію, часть воеводствъ Люблинскаго, Сандомирскаго и Гродненской губерніи. Замѣчательнѣйшіе города, подвластные потомкамъ Даніила, были: Галичъ, Львовъ, Перемышль, Дубно, Луцкъ, Владиміръ, Червень, Хелмъ, Белзъ, Каменецъ, Кременецъ,

Овручъ, Туровъ, Пинскъ, Брестъ, Волковискъ, Новогродекъ.

Русь Литовская.

98. Къ сѣверу отъ Королевства Галицкаго, за верховьями Нѣмана, Русскія земли, принадлежавшія до половины XIII вѣка потомству Всеслава Полоцкаго, были во власти частію Литовскихъ Князей, частію Ордена Меченосцевъ. Первые утвердились въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Минскѣ, и зависѣвшихъ отъ нихъ городахъ; вторые въ Крейцбургѣ, Юрьевѣ и проч. Владычество тѣхъ и другихъ имѣло совершенно разныя начала. Литовскіе Князья были идолопоклонники, признавали Перкуна, покланялись священному огню, обожали лѣса, но вообще охотно крестились въ христіанскую вѣру по Греческому обряду, и вступали въ брачные союзы преимущественно съ Русскими Князьями. Они смотрѣли на Русь, какъ на новое отечество, гдѣ ожидала ихъ лучшая жизнь, и нерѣдко въ случаѣ междоусобій искали въ ней убѣжища: цѣлыя сотни семействъ переселились во Псковъ и Новгородъ, принявъ тамъ христіанскую вѣру. Поступокъ Воншелга, отдавшаго свое государство сыну Даніилову Шварну, лучше всего объясняетъ взаимныя отношенія Литвы къ Руси: оба племени сливались въ одинъ народъ, въ коемъ Русскій языкъ, Русская вѣра, Русскіе уставы должны были господствовать. — Меченосцы отбирали наши города съ иною цѣлію: они вводили все свое, и дѣйствовали съ такимъ

успѣхомъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствовалъ Орденъ, все Русское исчезало, все становилось Нѣмецкимъ; самыя названія Русскихъ городовъ и селъ были замѣнены Нѣмецкими именами.

Политика Князей. 99. Изъ вышесказаннаго очевидно, что Русь въ началѣ XIV вѣка находилась въ какомъ то нерѣшительномъ состояніи: съ одной стороны главныя условія жизни общественной, выражавшія всюду одинъ типъ, соединяли всѣ земли ея въ одно цѣлое, въ одно государство, подвластное одному владѣтельному дому (исключая немногихъ областей); съ другой же стороны стремленіе Князей къ самостоятельности разрывало ее на части. Это стремленіе, подъ вліяніемъ Монголовъ, было столь сильно, что надлежало опасаться болѣе, чѣмъ когда либо неминуемаго раздробленія Русской земли на нѣсколько державъ самостоятельныхъ,—и Галицкое Королевство, по видимому, служило примѣромъ для прочихъ Княжествъ. При всемъ томъ узы единства были несокрушимы: кромѣ вѣры, языка, общественныхъ уставовъ, кромѣ недостатка физическихъ началъ раздробленія, самая мысль о первенствѣ, о верховномъ господствѣ того или другаго лица, занимавшая, ссорившая всѣхъ Князей, свидѣтельствовала, что потомки Ярослава Мудраго смотрѣли на Русскую землю по прежнему: т. е. все, что носило на себѣ

Русскій отпечатокъ, было ихъ общимъ достояніемъ. Удѣлы переходили изъ рукъ въ руки, сливались, раздѣлялись и снова соединялись. Какъ одинъ родъ успѣлъ присвоить власть надъ всею Югозападною Русью, такъ другой домъ могъ господствовать въ Восточной и мало по малу составить съ первымъ одно семейство: надлежало только рѣшить вопросъ, кто кого одолѣетъ. Этотъ вопросъ однакожь до того былъ запутанъ, что только продолжительныя, кровавыя распри могли развязать его.

При такомъ положеніи дѣлъ, нельзя было ожидать скораго облегченія рабства. Главною, единственною цѣлію политики Князей было первенство одного надъ другимъ. Стремленіе къ нему вооружало ихъ другъ противъ друга. Ханы Сарайскіе съ искусствомъ поддерживали духъ раздора, не давали преимущества исключительному поколѣнію и, назначая Великихъ Князей то изъ того, то изъ другаго рода, не усиливали ни одного. Всѣ Князья были равны: каждый изъ нихъ могъ надѣяться на достоинство Великокняжеское, и какъ оно стало гораздо почетнѣе, по крайней мѣрѣ прибыльнѣе, чѣмъ прежде, получить же его можно было только угодливостію Хану: то всѣ они, при каждомъ упраздненіи престола, спѣшили въ Орду, кланялись Хану, искали его родства, дарили его женъ, мурзъ, и возвращались непримиримыми врагами. Слѣдовательно Ханъ всегда имѣлъ средства

подавить первый, великодушный порывъ къ государственной независимости. Притомъ же Орда была еще такъ могущественна, что могла бороться со всею Русью.

Золотая Орда.

100. Въ Золотой Ордѣ съ 1313 года господствовалъ Ханъ, доселѣ знаменитый на востокѣ, Узбекъ. Имя его, по Татарскимъ понятіямъ, соединяло въ себѣ идею всѣхъ царственныхъ добродѣтелей: многіе Ханы считали себѣ за честь называться Узбеками. Долговременное 30 лѣтнее царствованіе, ознаменованное строгимъ правосудіемъ, крѣпостью правленія, подавило таившіяся въ Ордѣ сѣмена раздоровъ и такъ ее скрѣпило, что по первому мановенію Хана, она могла подняться съ прежнимъ могуществомъ и сокрушить каждаго непріятеля. Важное обстоятельство еще болѣе усилило ее: уже со времени Беркая, многіе Монголы покланялись Лжепророку: Узбекъ ввелъ магометанскую вѣру во всѣхъ своихъ улусахъ. Духъ нетерпимости, на коемъ основано ученіе алкорана, не нашелъ въ Монголахъ столь усердныхъ фанатиковъ, какъ въ пламенныхъ жителяхъ Аравіи: одинъ неудачный опытъ въ Твери охладилъ въ нихъ ревность къ распространенію магометанства въ нашемъ отечествѣ; при всемъ томъ, исповѣдуя вѣру, согласную съ духомъ завоеванія, Монголы удвоили свои силы,

и при первой борьбѣ, Русскіе могли встрѣтить въ нихъ грозныхъ противниковъ.

Въ слѣдствіе сего, предки наши менѣе, чѣмъ когда либо думали облегчить цѣпи рабства. Оно становилось годъ отъ году тягостнѣе. Князья трепетали Ханскаго зова; пять знаменитыхъ потомковъ Ярослава Мудраго, Михаилъ Тверской, дѣти его Димитрій, Александръ съ сыномъ, Θеодоръ Стародубскій были жертвами звѣрскаго самовластія Узбекова. Баскаки его призывали на судъ потомковъ Мономаховыхъ, выслушивали ихъ оправданія и рѣшали Княжескія ссоры, какъ верховные судьи. Народъ платилъ дань тяжкую; численники, таможники, мытари объѣзжали Русскую землю, собирали подать съ безпримѣрнымъ тиранствомъ, ставили должниковъ на правежъ или отводили въ неволю.

Такъ миновалъ первый вѣкъ нашего рабства!

Глава IV.

МОСКВА И ЛИТВА.

1328-1462.

I. Великое Княжество Московское.

Перемѣна къ лучшему.

101. Участь Руси въ первый вѣкъ ея рабства была самая злосчастная: съ востока и юга громили ее степныя орды, съ сѣвера и запада тѣснили фанатики и опустошали Литовцы; внутри терзали Князья. Тяжкіе, безпрерывные удары довели ее до крайняго изнеможенія, до послѣдняго предѣла бѣдствія народнаго, за коимъ ожидала ее или смерть или новая жизнь. Судьба ея рѣшилась въ первой половинѣ XIV вѣка. Большая, лучшая часть древней Руси Ярославовой, исключая областей Псковской, Новгородской, Суздальской и Рязанской, была исторгнута изъ власти Монголовъ Князьями не Рюрико-

ва племени и подпала господству потомковъ Литовскаго Государя Гедимина; она сохранила вѣру, языкъ, нравы, обыкновенія, отчасти гражданское устройство; но утративъ господство природныхъ Князей, по вступленіи внука Гедиминова Ягелла на Польскій престолъ, дожна была раздѣлять судьбу Польши, участвовать во всѣхъ войнахъ ея, въ самыхъ неустройствахъ внутреннихъ, и терпѣть гоненіе за вѣру. Еще горшая участь грозила остальной Руси, Восточной, подвластной Монголамъ: народъ привыкалъ къ рабству, безмолвно коснѣлъ въ невѣжествѣ и въ суевѣрномъ страхѣ смотрѣлъ на свою неволю, какъ на удѣлъ, назначенный Провидѣніемъ. Князья гордились милостію Хана, кланялись въ Ордѣ, и только заботились, чтобы онъ не отдалъ ихъ престоловъ совмѣстникамъ или своимъ Баскакамъ. Распри ихъ былъ непримиримы; болѣе, чѣмъ когда либо они разрознили Русскую силу, и уже не думали о возможности свергнуть иго. Но когда все, казалось, погибло, среди всеобщаго разстройства, возвысила главу свою Москва, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ сосредоточить раздробленныя силы Русскаго народа, спасти его отъ разновластія, отъ ига чужеземнаго, и подъ сѣнью Москвы, укрѣпляемая св. вѣрою, Русь воскресла къ новой жизни.

102. Новый благотворный порядокъ вещей настаетъ въ Восточной Руси въ первой половинѣ Москва.

XIV вѣка: тамъ съ 1328 года водворяется тишина внутренняя. Князья еще спорятъ о верховномъ правѣ, но уже рѣдко осмѣливаются рѣшать свои споры кровавыми битвами, и уступаютъ исключительное первенство одной фамиліи, которая съ каждымъ поколѣніемъ беретъ явный перевѣсъ. Монголы все еще гнетутъ народъ налогами, но уже опредѣлительными, не терзаютъ его откупщиками, какъ жертву беззащитную, и не разъ встрѣтивъ мужественный отпоръ Князей, властвуютъ не безусловно. Литва разширяетъ свои предѣлы за Днѣпръ и углубляется въ Русь Восточную, но беретъ города послѣ долговременнаго сопротивленія и нерѣдко терпитъ неудачи. Русь сосредоточиваетъ свои силы, повинуется одному уму, одной волѣ, и обнаруживаетъ явное стремленіе къ независимости. Эта благодатная перемѣна началась съ тѣхъ поръ, когда Москва стала главою отечества и достоинство Великокняжеское утвердилось въ потомствѣ Іоанна Даніиловича, внука Александра Невскаго.

Іоаннъ I. 1328-1340. 103. Іоаннъ I (Калита) принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ въ Исторіи Государей, которые, успѣвъ разгадать духъ времени, изобрѣтаютъ сообразную съ нимъ политику и даютъ направленіе судьбѣ народовъ. Онъ понялъ, что Русь, при всемъ изнеможеніи, заключала силы неодолимыя, но раздробленныя, несогласныя, слѣдовательно слабыя, что она умирала единствен-

но отъ внутренняго неустройства, отъ запутанности Княжескихъ отношенiй, что спасти ее отъ неминуемой погибели могло только единодержавiе, которое сосредоточивало бы всѣ силы ея къ одной цѣли, что для введенiя единодержавiя необходимо было утвердить властъ Великаго Князя за однимъ родомъ, который могъ бы слѣдовать постоянной политикѣ, и вкоренить мало по малу мысль объ исключительномъ правѣ одной фамилiи на достоинство верховное.

Въ стремленiи къ этой цѣли Іоаннъ встрѣчалъ великiя препятствiя. Утвержденный Ханомъ въ достоинствѣ Великаго Князя, онъ могъ властвовать неограниченно только въ наслѣдственной области Московской, состоявшей изъ 8 городовъ: Москвы, Можайска, Коломны, Звенигорода, Рузы, Серпухова, Перемышля, Переяславля Залѣсскаго; сверхъ того, какъ Великiй Князь, господствовалъ въ Княжествахъ Владимiрскомъ, Псковскомъ и Новгородскомъ; всѣ прочiя области, подвластныя Монголамъ, имѣли своихъ Государей, не думавшихъ отказаться отъ права наслѣдственнаго. Однѣ изъ этихъ областей принадлежали древнимъ отраслямъ Ярослава Мудраго: Смоленская, потомкамъ Ростислава Мстиславича; Рязанская, Муромская и Пронская поколѣнiю Святослава Черниговскаго; другiя же Княжества возникли изъ удѣла Юрiя Долгорукаго и также имѣли своихъ Князей наслѣдственныхъ: въ Ростовскомъ и Бѣлозерскомъ

господствовали потомки Константина Всеволодовича, въ Суздальскомъ и Нижегородскомъ потомки Андрея Ярославича, въ Тверскомъ потомки Ярослава Ярославича. Каждый Князь удѣльный считалъ свою отчину неотъемлемою собственностію и часто хотѣлъ лучше погибнуть въ Ордѣ, чѣмъ уступить ее другому роду. Такимъ образомъ власть Великаго Князя въ Восточной Руси имѣла три степени: въ отчинѣ своей онъ властвовалъ неограниченно и могъ завѣщать ее въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, даже не спрашивая Ханскаго дозволенія: ибо въ Ордѣ обыкновенно утверждали сына въ отцовской области; Княжествами Владимірскимъ и Новгородскимъ онъ управлялъ, какъ намѣстникъ Ханскій, но не могъ отказать ихъ своимъ дѣтямъ: ибо Владиміръ и Новгородъ были только пожизненнымъ достояніемъ каждаго Великаго Князя. Въ прочихъ областяхъ, имѣвшихъ своихъ Князей, онъ былъ только миротворецъ: сверхъ того получалъ отъ нихъ *выходы Ордынскіе* или ежегодную дань для доставленія Ханамъ. Великій Князь въ свою очередь, наравнѣ съ прочими, зависѣлъ совершенно отъ произвола Татарскаго. Ханъ могъ, безъ всякаго суда, лишить его верховной власти, самой отчины; ни какой умъ, ни какія доблести не могли отвратить удара, въ случаѣ Ханскаго гнѣва; на содѣйствіе Князей удѣльныхъ надежды не было: всѣ они

ловили первый случай, чтобы самимъ сѣсть на престолѣ Великокняжескомъ.

104. При такомъ положенiи дѣлъ, еще рано было думатъ объ искорененiи удѣльной системы, тѣмъ менѣе о сверженiи ига. Iоаннъ Калита не искалъ ни того, ни другаго, и оставилъ событiя итти обыкновеннымъ ходомъ, какъ было прежде: не отнималъ Княжескихъ удѣловъ, не озлоблялъ Хановъ, платилъ имъ дань и ѣздилъ въ Орду. При всемъ томъ, въ кратковременное княженiе свое, онъ положилъ твердое начало новому порядку вещей, изъ коего развивались послѣдующiя событiя. Постояннымъ правиломъ его политики было: 1, дать власти Великаго Князя ту силу, которую она имѣла при Ярославѣ Мудромъ и Владимiрѣ Мономахѣ; 2, утвердить право Великаго Князя исключительно за своимъ родомъ; 3, увеличить наслѣдственную отчину, Московское Княжество, прiобрѣтенiемъ новыхъ областей и городовъ. Политика Iоанна.

Возвышая санъ Великаго Князя и присвоивая верховную власть своему роду, Iоаннъ съ рѣдкимъ искусствомъ пользовался обстоятельствами времени. Главное орудiе къ достиженiю своей цѣли онъ нашелъ въ самомъ источникѣ нашего злополучiя, въ Ордѣ. Ханы Ордынскiе, безотчетно управляя нашимъ отечествомъ, назначали въ свои намѣстники преимущественно тѣхъ Князей, которые успѣвали заслужить ихъ благосклон-

ность смиренною угодливостію, богатыми дарами, поклонами. И прежде Калиты Князья искали милости въ Ордѣ; но никто изъ нихъ не умѣлъ такъ угодить Ханамъ, какъ Іоаннъ Даніиловичъ: онъ неоднократно ѣздилъ къ Узбеку, приносилъ ему груды серебра, представлялъ дѣтей, какъ будущихъ усердныхъ слугъ Ханскихъ, и неутомимо преслѣдовалъ Александра Михайловича Тверскаго, заслужившаго гнѣвъ Узбека. Пользуясь безпредѣльною довѣренностію Хана, удовлетворяя корыстолюбію Монголовъ, Іоаннъ самовластвовалъ въ отечествѣ: именовался *Великимъ Княземъ всея Руси*, тѣснилъ Князей, стращалъ ихъ гнѣвомъ Ханскимъ, посылалъ къ нимъ своихъ Бояръ для сбора Ордынскихъ выходовъ, въ тоже время обогащалъ свою казну значительною частію дани, собираемой для Монголовъ, и могъ накупить себѣ селъ и городовъ въ областяхъ отдаленныхъ.

Не менѣе надежное орудіе нашелъ Іоаннъ внутри отечества, въ духовной власти Митрополита. Пастыри Русской церкви искони были миротворцами нашихъ Князей; не принимая прямаго участія въ ихъ спорахъ, они могли однакожъ нерѣдко давать перевѣсъ тому, чью сторону держали: ибо глубокое благочестіе было отличительною чертою Князей и народа древней Руси. Тяжкое иго, оставивъ нашимъ предкамъ одно утѣшеніе, религію, естественно возвысило санъ духовный тѣмъ болѣе, что и сами Мон-

голы оказывали ему явное уваженіе. Митрополитъ не могъ спорить съ Великимъ Княземъ о правахъ верховной власти, но могъ служить ему крѣпкою опорою. Іоаннъ Калита угадалъ эту истину, и бывъ еще удѣльнымъ Княземъ, убѣдилъ Митрополита всея Руси св. Петра оставить Владиміръ, (куда предшественникъ сего святителя, Максимъ еще въ 1299 году перенесъ свой престолъ изъ Кіева, тѣснимаго Монголами), и поселиться въ Москвѣ, гдѣ набожный Князь обѣщалъ ему тишину и безопасность. Здѣсь остались и преемники св. Петра, тѣмъ охотнѣе, что подъ вліяніемъ Князей Московскихъ, они получали отъ Хановъ многія льготы. Съ тѣхъ поръ Москва стала выше всѣхъ городовъ, какъ градъ первопрестольный, и если владѣтель ея встрѣчалъ еще соперниковъ, то мнѣніе общественное было на его сторонѣ. Іоаннъ Калита и преемники его, понимая всею выгоду столь важнаго обстоятельства, не рѣшались ни на одно значительное дѣло безъ совѣта и благословенія Митрополита, который съ своей стороны, вполнѣ завися отъ Великаго Князя, служилъ ему самымъ надежнымъ орудіемъ къ обузданію внутреннихъ мятежниковъ угрозою отлученія отъ церкви. Такъ обѣ власти, духовная и мірская, соединяясь тѣсными узами, сосредоточивались къ одной цѣли, поддерживали одна другую и вскорѣ обнаружили силу неодолимую.

Симеонъ Гордый. 1340 - 1353.

105. Плоды Іоанновой политики обнаружились немедленно по его кончинѣ. Три Князя искали чести быть намѣстниками Ханскими: Константинъ Михайловичъ Тверской, Константинъ Васильевичъ Суздальскій и Симеонъ Іоанновичъ Московскій. Первые два, какъ старшіе въ родѣ, какъ дяди Симеона, имѣли неоспоримое право на престолъ; но сынъ Калиты представилъ Узбеку вѣрную службу отца, въ тоже время не щадилъ даровъ Ханскимъ вельможамъ, имѣя богатую казну, между тѣмъ, какъ соперники его не могли сыпать золотомъ, и былъ объявленъ Великимъ Княземъ. Онъ вполнѣ понялъ отцовскую политику: столь же усердно угождалъ Узбеку и сыну его Чанибеку, столь же рѣшительно и грозно властвовалъ въ отечествѣ. Усыпляя Хановъ льстивымъ смиреніемъ, онъ торжественно вступилъ на престолъ въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ; по примѣру отца называлъ себя Великимъ Княземъ *всея Руси*, и держалъ удѣльныхъ владѣтелей въ такомъ почтительномъ отдаленіи, что современники прозвали его *гордымъ*. Спокойствіе господствовало внутри Восточной Руси во все время его правленія: уже никто не смѣлъ съ нимъ спорить; сами Новгородцы, испытавъ его твердость, должны были платить ему дань.

Еще болѣе искусства онъ показалъ въ дѣлахъ съ Литвою, которая съ каждымъ поколѣніемъ становилась опаснѣе для Восточной Руси. Тамъ

съ 1341 года господствовалъ единодержавно сынъ Гедиминовъ Олгердъ. Неутомимо дѣятельный и славолюбивый, онъ велъ безпрерывную войну съ Рыцарями Ливонскими, съ Нѣмецкими, съ Польшею, съ Монголами. Дѣйствуя, какъ явный врагъ Хана Кипчакскаго, онъ тревожилъ и подвластную ему Русь, въ особенности Новгородъ. Симеонъ, не имѣя силъ бороться съ нимъ, благоразумно избѣгалъ всякихъ поводовъ къ раздору, допустилъ его даже тѣснить Новгородъ, чтобы тѣмъ скорѣе заставить безпокойныхъ жителей его искать покровительства Москвы, и охотно вступалъ съ Литовскимъ Княземъ въ брачные союзы; но какъ скоро Олгердъ вздумалъ обратить оружіе на города Московскіе, Великій Князь спѣшилъ представить Хану всю опасность, грозившую подвластной ему Руси, и тѣснымъ союзомъ съ Ордою остановилъ стремленіе Олгерда.

106. Къ несчастію, Симеонъ княжилъ недолго, похищенный моровою язвою, Черною смертью [1], и Судьба, какъ бы испытывая Русскую силу, приготовляла ей новые удары. Преемникъ Симеоновъ, второй сынъ Калиты, Іоаннъ, признанный въ достоинствѣ Великаго Іоаннъ II. 1353 - 1359.

1) Эта ужасная язва, истребивъ въ Китаѣ 14 милл. опустошила Сирію, Египетъ, Грецію, проникла въ Италію, Францію, Англію, Германію; потомъ во Псковъ и Новгородъ. У насъ опустѣли цѣлые города.

Князя Чанибекомъ, далеко уступалъ отцу и брату въ твердости и искусствѣ государственнаго управленія. Князья удѣльные, еще не споря съ нимъ о верховномъ правѣ, хотѣли быть по прежнему независимы: рѣзались другъ съ другомъ и не слушали Князя Московскаго. Не умѣя сладить съ внутренними врагами, Іоаннъ тѣмъ менѣе могъ дать отпоръ воинственному сыну Гедимина, коего только благоразуміе предшественника и войны съ Рыцарями Ливонскими удерживали отъ завоеванія всей Руси. Олгердъ, примирясь съ Меченосцами, готовился нагрянуть всею силою на Московское Государство, ослабленное раздорами Князей и лютымъ моромъ, Черною смертью; при Іоаннѣ онъ присвоилъ все пространство отъ Днѣпра до Угры.

Еще не совсѣмъ погибли плоды Іоанна Даніиловича; умные Бояре, воспитанные въ его школѣ, руководили сыномъ. Самою надежною опорою служилъ ему Митрополитъ, св. Алексѣй, духовною властію смиряя крамольниковъ, тѣмъ успѣшнѣе, что самъ онъ пользовался особенною милостію Хана. Но Іоаннъ вскорѣ умеръ; въ тоже время, среди кровавыхъ распрей, погибли и Узбеки, покровители Москвы. Князья удѣльные, доселѣ терпѣвшіе ея насиліе, единственно изъ опасенія раздражить благосклонныхъ къ ней Хановъ, рѣшились возобновить свои права на первенство. Они тѣмъ болѣе надѣялись на успѣхъ, что изъ поколѣнія Калиты остались

только три отрока [1]), изъ коихъ самымъ старшимъ былъ девятилѣтній Димитрій. Пользуясь сими обстоятельствами, Димитрій Константиновичъ Суздальскій [2]), получивъ въ Ордѣ граммату, объявилъ себя Великимъ Княземъ. 1359.

Геній Калиты спасъ Русь. Мысль объ исключительномъ правѣ его рода на первенство глубоко вкоренилась въ умахъ современниковъ. Митрополитъ и Бояре Московскіе, частію для собственныхъ выгодъ, частію по убѣжденію совѣсти, спѣшили воспользоваться общественнымъ мнѣніемъ, и безъ труда выхлопотавъ въ Ордѣ граммату юному Димитрію Іоанновичу, провозгласили его Великимъ Княземъ. Князь Суздальскій не хотѣлъ уступить; но устрашенный полками Московскими, смирился, призналъ 1362. Димитрія главою Руси и въ послѣдствіи скрѣпилъ дружбу, выдавъ за него дочь свою, Евдокію.

107. Доселѣ многія обстоятельства благопріятствовали Князьямъ Московскимъ: собственныя силы ихъ были слабы; но они находили надежную опору въ покровительствѣ Узбековъ и безопасные отъ западныхъ сосѣдей,

Димитрій Донской. 1362-1389.

1) Внуки Калиты: дѣти Іоанна II Димитрій и Іоаннъ, сынъ Андрея Іоанновича Владиміръ Андреевичъ.

2) Правнукъ Андрея Ярославича, брата Александра Невскаго.

удерживаемыхъ Новгородомъ и Псковомъ, имѣли дѣло только съ недальновидными Князьями, которые въ надеждѣ, что властолюбіе Московское скоро минуетъ, не брали мѣръ рѣшительныхъ. Теперь Москва увеличила свои области, могла выставить многочисленное войско и собственною силою одолѣть каждаго Князя отдѣльно; но вмѣстѣ съ тѣмъ она обнаружила явное стремленіе къ самовластію, открыла глаза соперникамъ, могла опасаться отчаяннаго упорства Князей, должна была выдержать всю тяжесть ударовъ Князей Литовскихъ и обнажить мечъ на самихъ Монголовъ. Настало время окончательно рѣшить трудный вопросъ о правѣ, присвоенномъ Калитою. Димитрій рѣшилъ его, къ счастію отечества.

Потрясеніе удѣльн. сист.

108. По примѣру дѣда и дяди, именуясь Великимъ Княземъ всея Руси, онъ хотѣлъ властвовать надъ Князьями удѣльными, вмѣшивался въ ихъ распри, тѣснилъ непокорныхъ, раздавалъ и отнималъ престолы. Князья Ростовскіе, Нижегородскіе, Стародубскіе, Галицкіе и многіе другіе, или безпрекословно, или по слабомъ сопротивленіи, признавали его своимъ главою. Но Тверь, Рязань и Новгородъ хотѣли быть независимы. Самымъ дѣятельнымъ и упорнымъ соперникомъ былъ Князь Тверской Михаилъ Александровичъ, коего отецъ погибъ въ Ордѣ, по навѣтамъ дѣда Димитріева Іоанна Калиты.

Увлекаемый родовою местью и по праву старѣйшинства считая себя законнымъ Государемъ Руси, Михаилъ не хотѣлъ терпѣть въ своей отчинѣ самоуправства Москвы и просилъ помощи у зятя своего Олгерда. Князь Литовскій 1368.
три раза поднималъ всѣ свои силы и доходилъ до самой Москвы, какъ побѣдитель, ознамено-вавъ свои походы жестокимъ опустошеніемъ; но каждый разъ встрѣчалъ мужественный отпоръ и непреклонную волю Димитрія смирить Князя Тверскаго. Олгердъ прекратилъ вторженія въ Московское Государство и оставилъ шурина на произволъ судьбы. Михаилъ обратился къ Монголамъ, выхлопоталъ у Хана грамату на Великокняжеское достоинство, подружился съ Новгородомъ, и все напрасно: непреклонный Димитрій не уступилъ ему престола и заставилъ его смириться. - Тяжкая борьба съ Литвою не только не ослабила Москвы, но и возвеличила ее: Князья удѣльные, опасаясь, въ случаѣ успѣха Олгердова, потерять свои участки, охотно становились подъ знамена Димитрія, обѣщавшаго имъ по крайней мѣрѣ тѣнь независимости. Притомъ же неудача Михаила, убѣдивъ ихъ въ невозможности одолѣть Государя Московскаго сильною помощію сосѣдей, даже содѣйствіемъ Хана, лишила ихъ всякой надежды возвратить самостоятельность. Смиривъ Князя Тверскаго, Димитрій обуздалъ и другаго врага, равно опаснаго, Олега

Рязанскаго, который, еще при отцѣ его присвоивъ власть надъ всею Рязанскою областью, объявилъ себя независимымъ отъ Москвы и былъ жестокимъ врагомъ ея. Полки Московскіе овладѣли Рязанью и отдали ее Князю Пронскому; Олегъ выгналъ совмѣстника; но притворною дружбою спѣшилъ умилостивить Великаго Князя.

Борьба съ Ордою.

109. Стѣсняя Князей удѣльныхъ, Димитрій неоднократно раздражалъ Хановъ непослушаніемъ и хотя еще слѣдуя правилу предковъ, старался усыпить ихъ ласками, даже ѣздилъ въ Сарай; но съ одной стороны сама Орда вызывала его на брань, съ другой, Русь, оживленная умомъ Калиты, готова была измѣрить свои силы, и Димитрій, достойный представитель народа, одушевленнаго ненавистью къ злодѣямъ, упованіемъ на Бога, рѣшился поднять оружіе на Монголовъ.

Орда Батыева, болѣе вѣка постоянно кочуя на Волгѣ, сохранила прежній образъ жизни полудикой, коей не могла смягчить вѣра магометанская, введенная въ концѣ XIII вѣка; не строила ни селъ, ни городовъ, не любила земледѣлія, и находила легкое средство къ существованію въ дани покоренныхъ народовъ. Время охладило въ ней воинственный жаръ, воспламененный Чингизханомъ; но безотчетная страсть къ разрушенію только уступила мѣсто ненасытному коры-

столюбію, которое, измѣнивъ цѣль набѣговъ, не измѣнило ни лютой кровожадности, ни военнаго искусства, и Орда, по прежнему сильная, безусловно покорная своимъ Ханамъ, могла привести въ трепетъ великія государства. Одолѣть и смирить ее внѣшнимъ оружіемъ было невозможно: примыкая съ востока къ несмѣтнымъ ордамъ единоплеменниковъ, она всегда имѣла средства найти, въ случаѣ опасности съ запада, надежное убѣжище и оправиться отъ пораженія. Еслибы одинъ Ханъ допустилъ христіанамъ разсѣять свои улусы, другой легко могъ собрать ихъ, пробудить еще неостывшій фанатизмъ разрушенія и снова разгромить Европу. Это была гидра, которая отъ каждаго удара становилась ужаснѣе. Орда могла погибнуть только сама собою; надобно было выждать, когда внутренній раздоръ предастъ ее въ жертву безначалія и сокрушитъ главную пружину ея крѣпости, единодушіе; раздоръ же былъ неминуемъ, не взирая на всѣ заклятія дальновиднаго Чингизхана: Орда Сарайская, подобно другимъ ордамъ, возникшимъ изъ его Имперіи, уже при первыхъ преемникахъ Батыевыхъ, съ каждою перемѣною Хана, была позорищемъ кровавыхъ сценъ; рѣдкій Ханъ вступалъ на престолъ, не сорвавъ головы съ своихъ совмѣстниковъ. Бердибекъ, внукъ Уз- 1357.
бековъ, умертвилъ отца и 12 братьевъ; преемникъ и родственникъ его Кульпа со всѣми сыновьями чрезъ 5 мѣсяцевъ былъ убитъ Наврусомъ, 1359.

который въ свою очередь зарѣзанъ полководцемъ
1361. Хидыремъ; Хидыря умертвилъ сынъ Темирхожа, княжившій только 6 дней; его свергнулъ Темникъ Мамай, возмутилъ всю орду и назвавъ Ханомъ Авдула, перешелъ на правый берегъ Волги: въ Сараѣ воцарился Мурутъ, въ землѣ Болгарской явился особенный Ханъ, въ Мордовской тоже. Всѣ они рѣзались другъ съ другомъ и плавали въ крови Монголовъ. Эти неустройства были только предвѣстниками паденія Орды, но не сокрушили ея; головы Хановъ падали; она же была крѣпка по прежнему: отдѣлившіяся части ея не могли жить своею жизнію, легко сливались въ одно цѣлое, и сильный Мамай, погубивъ всѣхъ соперниковъ, безъ труда возста-
1370. новилъ Батыево царство, давъ ему въ Ханы Мамантъ Салтана, именемъ коего самъ властвовалъ. Орда по прежнему стала неодолима.

Димитрій мыслилъ иначе: бывъ еще въ малолѣтствѣ свидѣтелемъ мятежей Ордынскихъ, онъ думалъ, что пришло время свергнуть постыдное иго и острилъ мечъ за свободу: договорныя грамматы съ Князьями удѣльными свидѣтельствуютъ, что мысль избавить отечество одушевляла его съ первыхъ лѣтъ правленія. Съ одной стороны ободряло его мнимое безсиліе Орды, терзаемой внутренними раздорами; съ другой же онъ угадывалъ, что при всеобщемъ народномъ озлобленіи на *Татаръ*, достигшемъ высшей степени, Князья удѣльные волею и не-

волею должны будутъ соединить свои полки съ Московскими. Онъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что не взирая на войну съ Литвою, не препятствовалъ народу бить отряды Монголовъ, врывавшихся въ юговосточные города во время мятежей Ордынскихъ; наконецъ управясь съ Олгердомъ, самъ выступилъ противъ нихъ съ Московскими полками и на берегахъ Вожи (въ Рязанской области) истребилъ нѣсколько тысячъ злодѣевъ, посланныхъ 11 Авг.
Мамаемъ для разоренія Московскаго Княжества. 1378.

Мамай поднялъ всю Орду, чтобы смирить Русь, и для лучшаго успѣха заключилъ союзъ съ Ягелломъ Великимъ Княземъ Литовскимъ, который въ одно время съ нимъ долженъ былъ устремить свои силы на Москву съ запада. Димитрій давно ожидалъ грозы, взялъ свои мѣры и такую умѣлъ внушить къ себѣ довѣренность, что, по первому воззванію его, вся Русь Восточная закипѣла бранною тревогою; всѣ Князья, исключая измѣнника Олега Рязанскаго, даже дѣти Олгердовы стали съ своими полками подъ знамена Московскія, и предводимые Димитріемъ, спѣшившимъ предупредить соединеніе Мамая съ Ягелломъ, бодро пошли на встрѣчу Монголамъ къ берегамъ Дона. Кровопролитное по- 8 Сент.
боище на Куликовомъ полѣ [1]) увѣнчало труды 1380.

[1]) На берегахъ Непрядвы, Тульской губерніи въ Епифанскомъ уѣздѣ. На пространствѣ 10 верстъ сражались Русскіе съ Татарами. Димитрій бился въ рядахъ воиновъ. Борьба рѣшилась ударомъ засаднаго полка,

Московскаго Князя и храбрѣйшаго изъ сподвижниковъ, двоюроднаго брата его Владиміра Андреевича Серпуховскаго. Мамай, разбитый наголову, въ бѣгствѣ искалъ спасенія; остатки его войска были разсѣяны близъ Маріуполя соперникомъ его Тохтамышемъ; самъ онъ погибъ въ Кафѣ, убитый Генуэзцами. Но время нашей свободы было еще далеко.

Для избавленія Руси отъ неволи, надобно было разорить въ конецъ улусы Сарайскіе, чтобы искоренить гнѣздившуюся тамъ мысль о правѣ Чингизхановыхъ потомковъ на господство въ нашемъ отечествѣ. Димитрій не рѣшился на столь трудный подвигъ. Русь такъ дорого заплатила за Куликовскую побѣду, что долго не могла собраться съ силами для борьбы отчаянной; Кипчакъ же вскорѣ наполнился несмѣтными толпами Монголовъ, взволнованныхъ въ глубинѣ Азіи новымъ Темучиномъ, Тамерланомъ. 2) Орда Золотая ожила снова. Тохтамышъ, сподвижникъ Тамерлановъ, воцарившись въ Сараѣ, хотѣлъ властвовать и въ Руси; неожиданно ворвался въ ея предѣлы, дошелъ до самой Москвы, предалъ ее огню и грозилъ опустошить всю землю Русскую, если

26 Авг. 1382.

подъ начальствомъ Димитрія Волынскаго и Владиміра Андреевича. Число всѣхъ убитыхъ, по преданію, простиралось за 200.000.

2) Тамерланъ, Эмиръ или Князь Монголовъ Чагатайскихъ, въ то время властвовалъ надъ обѣими Бухаріями и готовился завоевать Вселенную.

Димитрій не смирится. [1]) Оставленный Князьями, не имѣя средствъ продолжать борьбу съ Монголами, онъ согласился платить дань. Побѣда Куликовская не принесла тѣхъ плодовъ, коихъ ожидали современники: они искали свободы и по прежнему остались въ неволѣ. Тѣмъ не менѣе она имѣла благотворное вліяніе на будущую судьбу Руси: слава, озарившая Димитрія, разувѣрила Русскихъ въ суевѣрномъ мнѣніи о непобѣдимости Монголовъ, пробудила живѣйшее желаніе свободы и, что всего важнѣе, возвысила въ понятіяхъ современниковъ поколѣніе Калиты на чреду Царскую. Народъ не могъ забыть Донскаго побоища, и съ мыслію о побѣдѣ сливалъ мысль о Москвѣ: въ ней одной свѣтился отрадный лучъ свободы.

110. Оставшись данникомъ Орды, Димитрій не терялъ надежды на свободу отечества, съ твердымъ упованіемъ передавалъ ее преемникамъ, и тѣмъ ревностнѣе заботился о довершеніи мысли своего дѣда сосредоточить раз- Борьба съ Новгород.

1) Великій Князь удалился изъ столицы, чтобы собрать войско, поручивъ Москву Остею, внуку Ольгердову. Мужественный Остей отбилъ всѣ приступы Татаръ. Тохтамышъ вступилъ въ мирные переговоры и воспользовавшись оплошностью Москвитянъ, повѣрившихъ клятвѣ Князей Нижегородскихъ, что Татары не сдѣлаютъ имъ зла, нечаянно ворвался въ городъ и все предалъ огню и мечу. Димитрій по возвращеніи нашелъ 24.000 труповъ

дробленную Русь въ одно Государство Московское. Никто изъ Князей удѣльныхъ не смѣлъ съ нимъ спорить: [1]) побѣда Куликовская поставила его выше всѣхъ; одни только Новгородцы искали независимости, не хотѣли относиться въ дѣлахъ церковныхъ къ Митрополиту, грабили Московскiе города и самовольно отдавали свои волости Князькамъ Литовскимъ въ управленiе. Димитрiй видѣлъ всю опасность отъ тѣсной связи ихъ съ Литвою и спѣшилъ разорвать ее: грознымъ ополченiемъ 26 обла-
1386. стей осадивъ Новгородъ, обязалъ его признать себя верховнымъ Государемъ, платить ежегодно дань [2]) и внести въ казну Великокняжескую значительную пеню.

Престолонаслѣдiе.

111. Усмиренiемъ Князей удѣльныхъ, обузданiемъ своеволiя Новгородцевъ, отпоромъ Литвѣ, блестящею побѣдою надъ Монголами, Димитрiй достигъ той цѣли, къ коей стремился Калита, безспорнаго первенства Князя Московскаго среди потомковъ Ярослава. Но этого было мало: удѣлы древнiе исчезали; новые готовы были воз-

1) Олегъ Рязанскiй былъ наказанъ опустошенiемъ страны его за дружбу съ Тохтамышемъ.

2) Такъ называемый *Черный боръ*, или поголовную подать съ низшихъ класовъ народа. Новгородцы болѣе всего спорили съ В. Князьми за эту дань: ибо въ такомъ случаѣ они признавали его *Государемъ*. Имъ хотѣлось, чтобы онъ бралъ только судныя пошлины и дары и былъ ихъ *Господиномъ* или покровителемъ.

никнуть въ самомъ родѣ Калиты; могла повториться прежняя исторія дѣтей Ярослава, Мономаха, Всеволода. Доселѣ одно случайное малолюдство Московскаго дома спасало его отъ раздоровъ. Димитрій оставлялъ по себѣ пять сыновей и одного двоюроднаго брата Владиміра Андреевича Храбраго, героя Куликовской битвы; по древнему обыкновенію, Владиміръ, какъ старшій въ родѣ Калиты, имѣлъ неоспоримое право на власть Великокняжескую; дѣти же Димитрія должны были получить въ наслѣдственную отчину особенные удѣлы. Наступалъ рѣшительный переломъ, долженствовавшій погубить или спасти отечество: при переходѣ власти Великокняжеской изъ одной линіи въ другую, Князья неминуемо равнялись и мысль о царственности одной фамиліи исчезала. Московской державѣ грозило то же раздробленіе, съ тѣми же гибельными послѣдствіями, которыя испытала Русь по смерти Александра Невскаго. Димитрій спасъ ее, утвердивъ Великокняжескій престолъ исключительно *въ своемъ* родѣ, съ согласія Владиміра, который договорною грамматою отказался отъ первенства и призналъ 1389. племянника, Василія Димитріевича старшимъ или Великимъ Княземъ. Димитрій не могъ окончательно уничтожить удѣльнаго права, освященнаго вѣками, назначивъ отчины младшимъ сыновьямъ своимъ и брату, не могъ установить и наслѣдства престола въ прямой низ-

ходящей линіи, объявивъ преемникомъ Василію не внука, а одного изъ сыновей своихъ; но главный шагъ былъ сдѣланъ: право старѣйшинства, еще неискорененное, однакожь весьма ослабленное, при новыхъ понятіяхъ о державной власти, должно было неминуемо уступить мѣсто праву первородства. 1)

Василій I. 1389-1425.

112. Довершивъ великую мысль Калиты, возвысивъ свой домъ выше всѣхъ домовъ удѣльныхъ, на чреду Царскую, главою Руси Восточной, Димитрій оставилъ своимъ преемникамъ довершить то, что самъ онъ началъ: сосредоточить Русскія силы въ одну державу Московскую, спасти ее отъ Литвы, вырвать изъ рукъ Монголовъ и утвердить новое право престолонаслѣдія, которое одно могло подавить удѣльную систему. Два поколѣнія созрѣвала мысль Калиты; еще болѣе требовалось времени, ума, благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы исполнить планы Донскаго. Хотя они были неминуемымъ слѣдствіемъ того, что уже совершилось, и развивались такъ сказать сами собою,

1) Димитрій назначилъ: 1) *Василію*, кромѣ Великаго Княжества, въ особенный удѣлъ Коломну; 2) *Юрію* Галичь, Звенигородъ, Рузу; 3) *Андрею* Можайскъ, Верею, Калугу, Бѣлозерскъ; 4) *Петру* Дмитровъ; 5) *Іоанну* нѣсколько селъ. В Княгиня *Евдокія* получила разныя помѣстья. *Владиміръ Андреевичъ* имѣлъ свой удѣлъ, состоявшій изъ городовъ Серпухова, Боровска, Волока, Ржева и др.

вопреки всѣмъ препятствіямъ; тѣмъ не менѣе они могли исчезнуть, такъ точно, какъ исчезла система Мономахова, если бы благоразумный преемникъ Димитрія продолжительнымъ 36 лѣтнимъ правленіемъ не далъ времени окрѣпнуть дѣлу отцовскому.

Василій Димитріевичъ не ознаменовалъ себя ни подвигомъ ратнымъ, ни блестящими дѣлами внутренними; но онъ дѣйствовалъ такъ хитро, дальновидно, что Москва, по смерти его стояла уже на развалинахъ удѣльной системы, готовая вступить въ рѣшительную борьбу съ Литвою и Монголами, невредимая даже среди кровавыхъ распрей, терзавшихъ ее при внукѣ Донскаго. Въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, Василій слѣдовалъ болѣе осторожной системѣ Іоанна Калиты и Симеона Гордаго, чѣмъ рѣшительной политикѣ своего отца. Подобно Димитрію, онъ старался увеличить Московскую державу присвоеніемъ въ отчину тѣхъ областей, въ которыхъ преемники Калиты господствовали, какъ Великіе Князья, не имѣя права передавать ихъ своему дому въ смыслѣ отчины; стольже неутомимо тѣснилъ Новгородъ и Князей удѣльныхъ, вмѣшиваясь въ ихъ распри, требуя ихъ къ себѣ на судъ; но всѣ свои дѣйствія, по примѣру Калиты, подкрѣплялъ волею Хана Сарайскаго, для чего неоднократно путешествовалъ въ Орду, искалъ благосклонности *Царя*, и тѣмъ болѣе успѣвалъ, что Монголы, зная его силу, дорожи-

ли его покорностью. При такихъ мѣрахъ Князья удѣльные спасали тѣнь самостоятельности смиренными договорами и постоянною дружбою съ Москвою. Княжества Владимірское, Ростовское, Суздальское, Нижегородское, Муромское одно за другимъ вошли въ составъ Московскаго Государства.

Ожидая неминуемаго паденія другихъ Княжествъ отъ времени, Василій тѣмъ ревностнѣе заботился о внѣшней безопасности отечества, что ему грозилъ страшный врагъ съ запада, Литва. Тамъ господствовалъ могущественный Витолдъ: обладая большею частію древней Руси, онъ хотѣлъ присвоить и остальныя земли ея, подвластныя Монголамъ, былъ естественнымъ врагомъ и Москвы и Орды Сарайской. Василій, проникнувъ его замыслы, могъ бы всего скорѣе искать защиты у Монголовъ; но какъ съ одной стороны, при страшномъ потрясеніи Орды Тамерланомъ, эта защита была ненадежна; съ другой Князь Литовскій былъ опасенъ и для самихъ Монголовъ: то Василій хотѣлъ лучше истреблять враговъ врагами и вооружалъ ихъ другъ на друга; для вѣрнѣйшей безопасности женился на дочери Витолда, Софіи, согласился даже, чтобы тесть завладѣлъ Смоленскомъ; при всемъ томъ въ политикѣ съ Литвою наблюдалъ правиломъ: все, чего не успѣла она присвоить, Князь Московскій считалъ своимъ, и какъ скоро Витолдъ обнаружилъ властолюбивые замыслы на

Псковъ и Новгородъ, Василій объявилъ войну тестю и своею рѣшительностію удержалъ его стремленіе.

Въ томъ же смыслѣ онъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ Монголамъ: главною цѣлію его было ослабить узы рабства и мало по малу уничтожить въ Ордѣ мысль о правѣ ея господствовать въ Руси. Къ этой цѣли онъ стремился неутомимо съ тѣхъ поръ, когда Тамерланъ, ужа- 1395.
снувъ Русь движеніемъ въ ея предѣлы (не далѣе впрочемъ Ельца), на возвратномъ пути разорилъ царство Батыево. [1] Василій не хотѣлъ озлоблять Монголовъ явнымъ отказомъ въ покорности, посылалъ дары, впрочемъ скудные, принималъ Ордынскихъ пословъ; но уже не билъ смиренно челомъ и всегда имѣлъ готовое войско къ отраженію злодѣевъ, не потерявъ бодрости даже и во время нашествія Тамерлана. Въ особенности онъ ожидалъ, чѣмъ кончится борьба Витолда съ Ханомъ Кипчакскимъ. При такой политикѣ, онъ менѣе всѣхъ предшественниковъ своихъ платилъ дани, и хотя хитрый Эдигей, управлявшій подобно Мамаю Золотою Ордою, разгадавъ его планъ, со всѣми

1) Тамерланъ преслѣдовалъ неблагодарнаго Тохтамыша и съ полумилліономъ шелъ на Русь въ 1395; Василій не оробѣлъ; готовился къ отпору; между тѣмъ велѣлъ перенести изъ Владиміра въ Москву св. икону Богоматери Владимірской; въ тотъ самый день, когда Москвитяне встрѣтили Чудотворный образъ (26 Августа), Тамерланъ обратился назадъ къ берегамъ Каспійскаго моря.

силами нагрянулъ на Русь, подступилъ къ самой Москвѣ, взялъ тяжкій окупъ; [1] при всемъ томъ Василій не измѣнялъ своей политикѣ: ласкалъ Хановъ безъ униженія и всегда былъ готовъ къ отпору.

Василій II. 1425 - 1462. 113. Русь Восточная болѣе и болѣе сосредоточивалась въ одно цѣлое подъ знамена Москвы; боковыя линіи такъ ослабѣли, что немногіе изъ потомковъ Мономаха смѣли думать о равенствѣ съ Княземъ Московскимъ. Оставалось только предупредить междоусобія въ самомъ семействѣ Калиты. Ихъ опасался Димитрій Донской и успѣлъ устранить распри на цѣлое поколѣніе, благодаря великодушію Владиміра Храбраго; но въ тоже время онъ глубоко посѣялъ сѣмя раздора, назначивъ Великимъ Княземъ, въ случаѣ смерти старшаго сына, одного изъ прочихъ. Василій хотѣлъ исправить ошибку отца и наименовалъ себѣ преемникомъ не брата, Юрія Димитріевича, коему престолъ принадлежалъ по завѣщанію Донскаго, а собственнаго сына Василія. Юрій не хотѣлъ уступить, и первымъ несчастнымъ слѣдствіемъ его упорства былъ судъ въ Ордѣ съ племянникомъ. Правда искусство и дары Бояръ Московскихъ склонили Хана Улу-

1) Въ 1408. Эдигей, раздраженный отказами Василія въ дани, нечаянно вторгся въ его владѣнія, но не могъ взять Москвы: ее спасъ сподвижникъ Донскаго Владиміръ Андреевичъ мужественною обороною.

Махмета утвердить въ Великокняжескомъ достоинствѣ Василія Васильевича; но дѣти Юріевы, Василій Косой, Дмитрій Красный и Дмитрій Шемяка, частію изъ личной вражды, частію по праву отца, частію по интригамъ Бояръ Московскихъ, объявили войну Василію Васильевичу. Эта война, продолжавшаяся около 20 лѣтъ, превосходила своею жестокостію всѣ прежнія войны удѣльныя. Великій Князь ослѣпилъ Косаго; Дмитрій Шемяка ослѣпилъ его самого. При всемъ томъ, не взирая на очевидную слабость Василія, на умъ и дарованія Шемяки, мысль о законности права первородства по низходящей линіи такъ глубоко вкоренилась, что Василій удержалъ за собою престолъ, отнялъ у совмѣстниковъ собственные ихъ удѣлы Кострому, Галичъ, Боровскъ, и умеръ Великимъ Княземъ, передавъ свое достоинство сыну своему Іоанну.

Вступленіе на престолъ Іоанна III было эпохою новой жизни Русскаго народа.

II. Великое Княжество Литовское. [1])

1320 - 1462.

Обозрѣніе. 114. Въ то время, когда Восточная Русь, одушевляемая св. вѣрою, руководимая мудрою политикою Князей Московскихъ, обнаруживала явное стремленіе къ государственной назависимости, когда все предвѣщало ей лучшую долю, Западная Русь успѣла уже разрушить оковы Монгольскаго владычества, и образовать могущественное, самостоятельное государство, подъ именемъ *Литовскаго Княжества*, грозное для всѣхъ сосѣдей воинственнымъ духомъ своихъ властителей. Но самостоятельность его продолжалась недолго: чрезъ полвѣка блестящей жизни, оно соединило судьбу свою съ судьбою Польскаго Королевства, не могло однакожь съ нимъ слиться, не могло и отдѣлиться, должно было терпѣть жестокія потрясенія внутреннія и неоднократно обнажать мечъ на единовѣрную, единокровную Русь Восточную.

Образованіе Литовско-Русскаго Княжества многимъ историкамъ кажется непонятною загадкою: обыкновенно спрашиваютъ, какимъ образомъ народъ слабый, малочисленный, упорный въ идо-

1) Koialowicz Historiae Litvanae pars prior, 1650.

лопоклонствѣ, платившій нѣкогда Русскимъ Князьямъ дань скудную, лыками, вѣниками, тѣснимый со всѣхъ сторонъ сильными сосѣдями, Орденомъ Тевтонскимъ, Рыцарями Ливонскими, Русскими Князьями, Польскими Королями, однимъ словомъ народъ Литовскій могъ въ короткое время, безъ явныхъ побудительныхъ причинъ, присвоить силу исполинскую, завоевать все пространство отъ западной Двины до Дуная, отъ Угры до Сана, соединить покоренные народы въ государство благоустроенное и своимъ оружіемъ привести въ трепетъ самихъ Монголовъ? Предложивъ такой вопросъ, бытописатели оставляютъ его безъ отвѣта. Но стоитъ только вникнуть въ отношенія Литвы къ Руси, чтобы понять, что такое было Княжество Литовское и какъ оно достигло въ XIV вѣкѣ до степени первенствующаго государства въ восточной Европѣ.

Отнош. Литвы къ Руси

115. Литва, въ собственномъ смыслѣ (особенное племя, живущее въ Виленской губерніи и досслѣ сохранившее свой языкъ), и прежде и послѣ Гедимина, истиннаго основателя Литовскаго Княжества, всегда была народомъ малочисленнымъ, подвластнымъ чуждому вліянію во всѣхъ условіяхъ жизни общественной; она могла грабить сосѣдственныя Княжества Русскія и Польскія, только отъ раздоровъ и слабости ихъ владѣтелей, такъ точно, какъ грабили насъ Печенѣги, Половцы, Болгары: первый храбрый Князь безъ

труда ее обуздывалъ: вспомнимъ побѣды Романа Волынскаго, Даніила Галицкаго, Александра Невскаго. Никогда не имѣла она и гражданственности самобытной, заимствовавъ внутреннее устройство или отъ Русскихъ, или отъ Поляковъ, удержавъ одинъ языкъ, и то въ низшихъ сословіяхъ. Князья Литовскіе успѣли утвердить свою власть въ Западной Руси не побѣдами своего народа, а иными средствами.

Прежде всего надобно замѣтить, что съ давняго времени они были въ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ съ потомками Владиміра св. Сыновья ихъ обыкновенно женились на Русскихъ Княжнахъ, дочери выходили за Русскихъ Князей. Это родство такъ было постоянно, такъ часто возобновлялось, что со временъ Миндовга, въ особенности послѣ Гедимина, рѣдкій изъ Литовскихъ Князей не принадлежалъ по женскому колѣну къ роду Владиміра св. Такъ племянница Миндовга была за Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ, дочь его за Шварномъ Даніиловичемъ, Олгердъ сынъ Гедиминовъ женатъ былъ на Княжнѣ Тверской, другой сынъ Любартъ на Княжнѣ Волынской, сынъ Олгердовъ Корибутъ на Княжнѣ Рязанской, другой сынъ Свитригайло на Княжнѣ Тверской; одна дочь его была за Борисомъ Константиновичемъ Суздальскимъ, другая за Княземъ Черниговскимъ; дочь Кейстута за Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ; дочь Витолда Софія за Василіемъ Димитріевичемъ

сыномъ Донскаго. Не упоминаемъ другихъ родственныхъ связей, не столь замѣчательныхъ.

Неминуемымъ слѣдствіемъ родства Князей Литовскихъ съ Русскими было другое важное обстоятельство, тѣсно соединявшее одно поколѣніе съ другимъ: крещеніе большей части Литовскихъ владѣтелей по Греческому закону. Не только Воишелгъ и Довмонтъ (причисленный Грекороссійскою церковью къ лику Святыхъ), всѣ дѣти Олгерда исповѣдывали Русскую вѣру, даже самъ Ягелло, крещенный Папою какъ язычникъ; есть поводъ думать, что и Олгердъ умеръ схимникомъ. [1]) Народъ Литовскій большею частію оставался въ язычествѣ: ибо Русское духовенство никогда не употребляло насилія къ обращенію идолопоклонниковъ; самая Пермь озарилась св. ученіемъ не прежде Димитрія Донскаго. Но Князья Литовскіе, рожденные отъ Русскихъ Княженъ, женатые на Русскихъ Княжнахъ, крещенные въ Русскую вѣру, видѣли въ потомкахъ Владиміра св. своихъ единоплеменниковъ. Русскіе Князья смотрѣли съ своей стороны также точно и на Литовскихъ Князей: вели съ ними споры и войны въ томъ же смыслѣ, какъ воевали другъ съ другомъ, уступали удѣлы, мѣнялись ими, отнимали ихъ, ссорились, мирились,

1) По свидѣтельству Литовскаго историка Кояловича, Олгердъ былъ убѣжденъ къ принятію христіанской вѣры Греческаго закона супругою своею Уліаніею, Княжною Витебскою.

родились. Такъ Воншелгъ уступилъ все свое государство сыну Даніилову Шварну; такъ внукъ Даніиловъ отдалъ дѣтямъ Гедиминовымъ Владиміръ Волынскій; одинъ сынъ Олгердовъ помогалъ Мамаю противъ Димитрія Донскаго; другіе дѣти его поддерживали Димитрія, много содѣйствовали къ побѣдѣ Куликовской и получили отъ сына Донскаго удѣлы даже въ Княжествѣ Московскомъ; однимъ словомъ уже со временъ Миндовга, а можетъ быть и ранѣе, Литовскіе Князья такъ тѣсно были соединены съ Русскими, что можно было бы согласиться съ современными сказаніями и съ мнѣніемъ новѣйшихъ ученыхъ о происхожденіи ихъ отъ Князей Полоцкихъ, изъ рода старшаго сына Владиміра св., если бы наши лѣтописи не удостовѣряли, что не всѣ они были христіане и что нѣкоторые изъ нихъ оставались въ язычествѣ, чего не могло случиться съ потомками Владиміра св. Теперь стоитъ только бросить взглядъ на состояніе Западной Руси, около того времени, когда возникло Литовское Княжество, чтобы понять истинныя причины его величія.

Гедиминъ. 1320 - 1345.

116. Западная Русь въ началѣ XIV вѣка раздѣлена была между двумя главными поколѣніями: къ сѣверу отъ верховьевъ Нѣмана, въ древнихъ Кривскихъ Княжествахъ, господствовалъ Литовскій Князь Гединипъ, овладѣвшій престоломъ по смерти Витена, коего онъ умертвилъ; къ югу, въ об-

шириомъ Королевствѣ Галицкомъ, царствовали правнуки Даніила Романовича, Андрей и Левъ, сыновья Юрія Львовича. Гедиминъ былъ Государь выше своего вѣка и народа: язычникъ отъ колыбели, онъ оказывалъ почтеніе Богу христіанскому, строилъ церкви въ Новогродкѣ и въ столицѣ своей Вильнѣ, даже дозволялъ сыновьямъ своимъ креститься, старался образовать народъ, заключалъ торговые договоры съ Ганзейскимъ Союзомъ, призывалъ купцовъ, художниковъ ремесленниковъ; сверхъ того былъ хитрый и дальновидный политикъ. Онъ смотрѣлъ на Югозападную Русь, какъ на легкую добычу, и хотя сынъ его Любартъ, женатый на дочери одного изъ потомковъ Даніловыхъ, уже господствовалъ, съ согласія Андрея и Льва, въ Владимірѣ Волынскомъ: но родство съ Королями Галицкими было только поводомъ къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Онъ велъ съ ними войну, такъ точно, какъ и прежде и послѣ воевали на Руси Князья, братья съ братьями, дяди съ племянниками. Короли Галицкіе не въ силахъ были одолѣть его; одинъ изъ нихъ погибъ въ сраженіи подъ стѣнами Владиміра Волынскаго, другой соединился съ Князьями Сѣверскими, съ Монголами, и въ свою очередь былъ пораженъ на берегахъ Ирпени. 1320.
Эта побѣда доставила Гедимину весь правый берегъ Днѣпра съ Черниговомъ, Кіевомъ и Волынью: онъ принялъ титулъ Великаго Князя Литовскаго и Русскаго.

Литовс. Княж.

117. Приготовивъ господство въ большей части Югозападной Руси свойствомъ съ потомками Даніила Романовича, довершивъ пріобрѣтеніе оной силою оружія, Гедиминъ утвердилъ свою власть благоразумнымъ правленіемъ: не тѣснилъ вѣроисповѣданія, не отмѣнялъ древнихъ уставовъ, оставилъ потомковъ Владиміра св. намѣстниками въ покоренныхъ городахъ, не отнявъ у нихъ и Княжескаго титула; сверхъ того признавалъ верховный судъ Московскаго Митрополита въ дѣлахъ церковныхъ Русскіе безъ прекословія повиновались ему, уже привыкнувъ къ частымъ переходамъ удѣловъ изъ однихъ поколѣній въ другія, если только они были отраслями господствующаго племени; Литовскіе же Князья, по темному преданію, коему впрочемъ вѣрили современники, еще болѣе по родству ихъ съ Русскими Князьями, считались потомками Владиміра св, и уже давно принадлежали къ владѣтельному дому. Гедимина тѣмъ охотнѣе признавали Государемъ въ Черниговѣ, Кіевѣ, Волыни, что здѣсь видѣли въ немъ грознаго соперника Монголамъ и избавителя отъ тягостнаго рабства: въ самомъ дѣлѣ, не вступая въ явную ссору съ Узбекомъ, даже дозволяя приходить его Баскакамъ за дарами, Литовскій Князь не думалъ ѣхать въ Орду съ поклономъ, и смѣло ополчался на злодѣевъ, державшихъ сторону потомковъ Даніиловыхъ. Преемники же его отказались отъ всякихъ дружелюбныхъ связей съ Ордою, и тѣмъ

заслуживъ признательность своихъ новыхъ подданныхъ, еще болѣе утвердили свою власть любовію народною.

Сообразивъ все вышесказанное, очевидно, что основанная Гедиминомъ держава, подъ именемъ Великаго Княжества Литовскаго, была чисто Русская; что не только религія, языкъ, гражданскіе уставы выражали Русскій отпечатокъ; но и сами Князья, въ глазахъ современниковъ, принадлежали къ владѣтельному дому Владиміра св.

118. Княжество Галицкое, въ собственномъ смыслѣ, не вошло въ составъ Гедиминовой державы: оно признало надъ собою власть Короля Польскаго. По смерти послѣдняго потомка Даніила Романовича, Георгія, коимъ пресѣкся знаменитый домъ Романа Волынскаго, Галичане призвали на Галицкій престолъ единовѣрнаго Князя Болеслава Мазовскаго, обязавъ его клятвою не отмѣнять древнихъ уставовъ, не касаться сокровищъ ни государственныхъ, ни церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ требовать согласія Боярскаго. Болеславъ нарушилъ клятву, измѣнилъ православію, хотѣлъ обратить подданныхъ въ Латинскую вѣру, угнеталъ ихъ налогами, и заслужилъ всеобщую ненависть. Онъ былъ отравленъ. Казимиръ Великій, Король Польскій, спѣшилъ воспользоваться неустройствами Галиціи, и въ 1340 году овладѣлъ ею, давъ объ-

Судьба Галиціи.

1336.

1340.

щаніе не тѣснить Греческой вѣры. Но гоненія вскорѣ возобновились, и Галиція испытала многія бѣдствія, увеличенныя Венгерскими Королями, искавшими ея престола. Съ тѣхъ поръ, Львовъ, Перемышль, Любачевъ, Санокъ, Теребовль, Кременецъ, переходили изъ рукъ въ руки отъ одного иноплеменника къ другому.

Олгердъ. 1345-1377. 119. Гедиминъ, слѣдуя обыкновенію Русскихъ Князей, еще при жизни раздѣлилъ свое государство между семью сыновьями: младшему Явнуту отдалъ Вильну съ титломъ Великаго Князя, Монтвиду Керновъ и Слонимъ; Наримунду Пинскъ, Мозырь и половину Волыни; Любарту другую половину Волыни съ городомъ Владиміромъ; Олгерду Кревъ и Витебскъ; Кейстуту Самогицію, Троки и Полѣсье; Коріату Новогродекъ и Волковискъ. Раздробленіе Западной Руси было не продолжительно; Олгердъ, превосходя всѣхъ братьевъ умомъ, мужествомъ, властолюбіемъ, при содѣйствіи Кейстута, овладѣлъ Вильною и присвоилъ верховную власть надъ Литовскимъ Княжествомъ. Явнутъ нашелъ убѣжище въ Москвѣ и тамъ крестился; Наримундъ въ Новгородѣ, гдѣ также принялъ христіанскую вѣру; братья ихъ, равнымъ образомъ христіане, оставшіеся въ Западной Руси, долго не соглашались признать Олгерда Государемъ; наконецъ, при посредничествѣ Московскаго Митрополита, примирились съ нимъ и остались

въ своихъ удѣлахъ, но въ зависимости отъ Великаго Князя Литовскаго.

Олгердъ, во все продолженіе долговременнаго царствованія, былъ грозою сосѣдей; подстрекаемый властолюбіемъ, онъ велъ безпрерывныя войны, чтобы расширить, по примѣру отца, предѣлы своего государства. Самою упорною и продолжительною была борьба съ Орденомъ Меченосцевъ: нѣсколько разъ онъ предпринималъ походы на Ливонію, проникъ до самаго Юрьева, разрушилъ Королевецъ (Кенигсбергъ); но въ свою очередь долженъ былъ поднять всѣ силы Западной Руси, чтобы спасти сѣверныя владѣнія отъ Ордена, подкрѣпленнаго новыми крестоносцами, пришедшими въ великомъ числѣ изъ западной Европы, по заключеніи мира Короля Французскаго Филиппа съ Эдуардомъ Англійскимъ. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Олгерда, Казимиръ Великій, Король Польскій занялъ Брестъ, Бельзъ и значительную часть Волыни. Это вовлекло Западную Русь въ продолжительную войну съ Польшею. Олгердъ восторжествовалъ и вытѣснилъ Поляковъ изъ Волыни. Еще счастливѣе воевалъ съ Монголами, разбилъ три орды, кочевавшія въ Подоліи, загналъ ихъ за Дунай, проникъ въ самую Тавриду и разрушилъ Херсонъ.

Дѣйствуя, какъ явный врагъ Монголовъ, Олгердъ не могъ быть другомъ Князей Московскихъ, подвластныхъ Ханамъ Орды Кипчакской:

Симеонъ Гордый, именуясь Великимъ Княземъ всея Руси, покровительствуя гонимыхъ имъ братьевъ, самъ вызывалъ его нѣкоторымъ образомъ на брань. Война съ Меченосцами не дозволяла Литовскому Князю обратить всѣхъ силъ на Восточную Русь. Озабоченный этою войною, онъ старался исподоволь проложить путь къ престоламъ Восточныхъ Княжествъ, тѣми же средствами, коими дѣйствовалъ отецъ его въ Югоза-
1346. падной Руси: вмѣшивался въ дѣла Новгородскія, далъ Пскову въ намѣстники сына своего Андрея, хотѣлъ быть миротворцемъ Симеона съ Княземъ Смоленскимъ, женился на Княжнѣ Тверской Уліаніи Александровнѣ и выдалъ дочь свою за Бориса Константиновича Суздальскаго. Политика его обнаружилась при слабомъ пре-
1356. емникѣ Симеоновомъ Іоаннѣ II и въ малолѣтство Димитрія Донскаго: безъ явной войны, онъ занялъ Брянскъ, Бѣлый, Мстиславль и Ржевъ. Новгородъ, Тверь и Смоленскъ считали его своимъ покровителемъ. Однимъ словомъ, Олгердъ былъ въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Восточной Руси, или къ Московскому Государству, въ какихъ находился прежде отецъ его Гедиминъ къ Югозападной или къ Галицкому Королевству. Какъ тамъ, такъ и здѣсь Князья удѣльные видѣли въ Литовскихъ Князьяхъ не столько завоевателей сколько избавителей отъ ига Монгольскаго: города, болѣе другихъ ненавидѣвшіе рабство, Новгородъ, Псковъ охотно признавали дѣтей и внуковъ Гедиминовыхъ

своими Князьями, и если не могли съ ними ужиться, то по тѣмъ же самымъ причинамъ, по коимъ не ладили съ потомками Мономаха. Народъ не чуждался ихъ, видя въ нихъ ревностныхъ христіанъ. Оставалось только рѣшить вопросъ, кто кого одолѣетъ: сынъ ли Гедимина, внукъ ли Калиты? Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ Димитріемъ Донскимъ. Онъ не только не хотѣлъ уступить Олгерду того, чего Литовскій Князь не успѣлъ присвоить въ Восточной Руси, но думалъ присоединить къ своей державѣ и тѣ области, коими домъ Гедимина уже владѣлъ за Днѣпромъ, слѣдуя правилу великаго дѣда своего, что всѣ Русскія земли должны войти въ составъ одного государства, подвластнаго одному семейству. Отселѣ началась родовая вражда между потомками Гедимина и Калиты, какъ прежде между домами Олега и Мономаха, обратившаяся мало по малу, по соединеніи Западной Руси съ Польшею, въ распрю народную.

Сынъ Гедимина, разгадавъ политику Димитрія Донскаго, уже безопасный со стороны Меченосцевъ, спѣшилъ нанести ему рѣшительный ударъ; поводомъ къ этой борьбѣ отчаянной было стѣсненіе Княземъ Московскимъ шурина Олгердова Князя Михаила Александровича Тверскаго. Три раза онъ собиралъ всѣ свои силы и вторгался въ Восточную Русь, чтобы овладѣть ею: въ 1368 году въ кровопролитной битвѣ близъ Тростенскаго озера (въ Рузскомъ уѣздѣ), истребилъ со-

вершенно полки Московскіе, достигъ до самой Москвы и не успѣлъ взять только одного Кремля;
1370. чрезъ два года онъ пришелъ снова и опять проникъ до столицы, съ тою же неудачею: Димитрій успѣлъ взять свои мѣры; двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ Храбрый, угрожая Олгерду съ тыла, принудилъ его заключить миръ, укрѣпленный родственнымъ союзомъ: дочь Кейстута отдала свою руку Владиміру Храброму.
1372. Этотъ миръ чрезъ два года былъ нарушенъ: Кейстутъ, посѣдѣвшій въ битвахъ, быстрымъ набѣгомъ разорилъ Переяславль Залѣскій и Кашинъ; въ слѣдъ за нимъ явился Олгердъ въ третій разъ, но встрѣтилъ Димитрія готоваго къ бою, и потерявъ надежду смирить его, снова заключилъ миръ съ условіемъ, чтобы Князь Тверской остался независимъ отъ Князя Московскаго, въ надеждѣ господствовать въ Твери, и рано или поздно овладѣть Москвою, которая одна только могла съ нимъ бороться. Димитрій однако устоялъ на своемъ и принудилъ Михаила Александровича признать себя Государемъ.

Ягелло 1377-1434. 120. Смерть пресѣкла замыслы Олгерда и повлекла за собою кровопролитныя междоусобія въ Западной Руси: имѣя одиннадцать сыновей, онъ назначилъ преемникомъ Великокняжескаго достоинства Ягелла, сына Тверской Княжны, миновавъ не только старшихъ дѣтей, рожденныхъ отъ перваго брака съ Княжною Витебскою, но

и брата своего Кейстута, бывшаго правою рукою во всѣхъ его походахъ; сверхъ того оставилъ множество племянниковъ и внуковъ. Кейстутъ, какъ старшій въ родѣ, рѣшился овладѣть Великокняжескимъ престоломъ, взялъ Вильну и далъ племяннику Княжество Кревское и Витебское; но хитрый Ягелло успѣлъ одолѣть дядю, заключилъ его въ темницу и тамъ замучилъ; таже участь грозила роднымъ и двоюроднымъ братьямъ Ягелла; преслѣдуемые его лютостію, они бѣгствомъ спасали свою жизнь: сынъ Кейстута, знаменитый въ послѣдствіи Витолдъ бѣжалъ въ Пруссію, сосѣдственную страну съ отцовскимъ удѣломъ; Олгердовичи, Андрей и Димитрій, и Князья Волынскіе отдались въ покровительство Димитрія Донскаго. Пользуясь раздорами въ семействѣ Гедиминовомъ, Князь Московскій послалъ сильное войско въ Литовско-Русскія области, для присоединенія ихъ къ своей державѣ; города Стародубъ, Трубчевскъ сдались безъ бою; другіе ждали только рати Московской, чтобы отворить ей ворота. Но Димитрій принужденъ былъ отозвать войско, получивъ вѣсть о нашествіи Монголовъ. Борьба съ Мамаемъ и Тохтамышемъ, въ коей Олгердовичи помогали ему, какъ самые усердные и опытные родственники, исключая Ягелла, державшаго сторону нашихъ злодѣевъ, не позволила ему исполнить намѣренія соединить всѣ Русскія земли въ одно государство. При всемъ томъ Русь Западная такъ сблизилась съ

Восточною, узы родства такъ крѣпко связывали домъ Гедимина съ родомъ Калиты, оба поколѣнія такъ замѣтно сливались въ одно семейство, что споръ Донскаго съ Ягелломъ принималъ видъ семейной распри, въ томъ смыслѣ, какъ прежде ссорились наши Князья за удѣлы, только въ обширнѣйшемъ объемѣ. И тотъ и другой стремились къ первенству, къ господству надъ всѣми Русскими землями; Князья Западные изъ рода Гедимина старались утвердить свою власть въ Смоленскѣ, Твери, Псковѣ, Новгородѣ, чтобы присвоить и самую Москву; Князья Московскіе изъ рода Калиты отстаивали эти города и въ свою очередь помышляли о распространеніи своихъ владѣній за самый Днѣпръ, покровительствуя даже Князьямъ Волынскимъ. Иногда бралъ перевѣсъ владѣтель Западной Руси, иногда владѣтель Восточной; даже трудно сказать, отъ кого болѣе зависѣли Княжества Смоленское, Тверское, Псковское, Новгородское. Однимъ словомъ соединеніе всѣхъ Русскихъ земель въ одно цѣлое было приготовлено уже при Димитріи Донскомъ. Но Судьбѣ угодно было отсрочить это вожделѣнное событіе, чтобы тяжкими уроками еще болѣе убѣдить потомство въ необходимости Единодержавія въ землѣ Русской.

Въ 1386 году домъ Гедимина вступилъ на Польскій престолъ и связавъ судьбу своего государства съ судьбою Польши, поставилъ Западную Русь въ такое положеніе, что она могла

соединиться съ Восточною, только послѣ долговременной, трудной борьбы: ибо съ тѣхъ поръ самая Польша должна была неминуемо войти въ составъ одной державы Русской. Для объясненія этого достопамятнаго случая, бросимъ взглядъ на судьбу Польши до избранія Ягелла въ Короли.

121. Польша возникла почти въ одно время съ Русью, также въ отрасли племени Славянскаго, которое дало бытіе и нашему отечеству, но подъ вліяніемъ иныхъ обстоятельствъ. Народы, вошедшіе въ составъ Польскаго Королевства, около того времени, когда оно получило прочное основаніе введеніемъ христіанской вѣры, подъ общимъ названіемъ Ляховъ или Лехитовъ, раздѣлялись на 4 главныя поколѣнія: Мазовшанъ, Ленчицанъ, Куявовъ и Полянъ или Поляковъ. Они занимали страну, извѣстную въ послѣдствіи подъ названіемъ Великой Польши, и подобно Русскимъ Славянамъ, издревле вели жизнь патріархальную; когда же въ VIII и IX столѣтіяхъ въ восточной Европѣ обнаружилось стремленіе къ жизни общественной, пробужденное христіанскою вѣрою, и народы одноплеменные составили союзы для защиты отъ сильныхъ сосѣдей, Ляхи, тѣснимые съ запада Нѣмцами, съ юга Чехами, признали надъ собою верховную власть поколѣнія Пястовъ и при Мечиславѣ I, во второй половинѣ X вѣка, озарились свѣтомъ христіанской вѣры. Принявъ св. Ученіе отъ Латинскихъ Польша до 1386. 965.

проповѣдниковъ, въ то время, когда Папа хотѣлъ господствовать надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ въ дѣлахъ церкви, а Римскіе Императоры искали верховной власти въ дѣлахъ свѣтскихъ, Польша не могла избавиться отъ вліянія ни того, ни другаго, и вошла въ систему Западной Римской Имперіи. Мечиславъ I долженъ былъ признать себя вассаломъ Императора, платить ему дань, помогать во всѣхъ его войнахъ и просить Королевской короны, какъ милости, отъ Папы, въ чемъ однако не успѣлъ, не удостоенный даже званія Герцога: его считали только Барономъ въ разрядѣ владѣтелей, зависѣвшихъ отъ Римской Имперіи.

992-1025. Сынъ Мечиславовъ Болеславъ Храбрый, современникъ Владиміра св. и Ярослава Мудраго, поставилъ свое государство на высокую степень могущества, раздвинулъ его предѣлы счастливыми побѣдами на югѣ до горъ Карпатскихъ, на западѣ до Сала и Эльбы, на сѣверѣ до Балтійскаго моря, на востокѣ до западнаго Буга и Волыни; далъ ему внутреннее устройство, служившее въ послѣдствіи основаніемъ общественной жизни Польскаго народа, оградилъ его крѣпостями, возбудилъ промышленность основаніемъ многихъ городовъ и получивъ отъ Императора Оттона III титулъ Королевскій, съ правомъ быть союзникомъ, а не вассаломъ Имперіи, избавилъ свою державу отъ тягостнаго вліянія Нѣмцевъ, даже былъ грозою самихъ

наслѣдниковъ Оттоновыхъ. Онъ оставилъ своимъ преемникамъ обширное государство, присоединивъ къ отцовскому достоянію, къ Великой Польшѣ, отъ Руси города Червенскіе или западную часть Галиціи и Волыни, отъ Чеховъ Малую Польшу съ городомъ Краковомъ и Сандомиромъ, отъ Имперіи Моравію, Силезію и Померанію. Но какъ земли, пріобрѣтенныя оружіемъ Болеслава Храбраго, принадлежали по праву перваго владѣнія уже извѣстнымъ династіямъ и составляли часть ихъ государствъ, то наслѣдники его должны были или отказаться отъ его завоеваній, или вести, для удержанія ихъ за собою, безпрерывныя войны съ тѣми державами, кои имѣли на нихъ первоначальное право. Скорѣе всего они утратили города Червенскіе, гдѣ домъ Рюрика утвердилъ свою власть прежде Пястова поколѣнія. Ярославъ Мудрый возвратилъ ихъ безъ труда; съ тѣхъ поръ они составляли неотъемлемую собственность потомковъ Владиміра св. до половины XIV вѣка. Отказавшись отъ всякихъ притязаній на Галицію и Волынь, Польскіе Короли утвердили свою власть въ земляхъ, извѣстныхъ въ послѣдствіи подъ именемъ Малой Польши, столицею коей былъ Краковъ: ибо здѣсь не было равныхъ имъ совмѣстниковъ; но усилія ихъ удержать за собою Моравію, Силезію, Лузацію и Померанію, были поводомъ къ безпрерывнымъ войнамъ съ туземными владѣтелями, искавшими независимости, и съ Императорами

Нѣмецкими. При всемъ томъ преемники Болеслава Храбраго, до половины XII вѣка, неоднократно брали верхъ надъ западными сосѣдями, удержали за собою Силезію, Лузацію, восточную Померанію, и были могущественными Государями.

1140. Со временъ Болеслава Кривоустаго, въ продолженіе двухъ вѣковъ, Польша была жертвою внутреннихъ междоусобій Королевскаго дома, добычею магнатовъ, Римскаго двора, Нѣмцевъ, Евреевъ и Литвы. Болеславъ Кривоустый утвердилъ въ своемъ государствѣ удѣльную систему, такъ точно, какъ Ярославъ Мудрый въ Русской землѣ: и тотъ, и другой раздѣлилъ свою державу по числу сыновей на нѣсколько Княжествъ неотъемлемыхъ, отказавъ старшему въ родѣ право верховной власти. Болеславъ оставилъ четыре Княжества: Краковское (съ Помераніею и Силезіею), Сандомирское, Мазовецкое, (съ Куявіею) и Польское (воеводства Гнѣзненское и Познаньское). Потомки слѣдовали его примѣру и дробили доставшіеся имъ удѣлы между дѣтьми на новые участки. Слѣдствія были тѣ же, какія испытало наше отечество: домъ Пяста раздѣлился на нѣсколько отраслей самостоятельныхъ, присвоившихъ наслѣдственное право на извѣстныя области. Отъ старшаго сына Болеславова Владислава II пошли Герцоги Силезскіе въ двухъ главныхъ отрасляхъ, Нижнесилезской и Верхнесилезской; къ первой относились Герцоги Глогав-

скіе, Саганскіе, Ельсскіе, Швейдницкіе, Яурскіе, Минстербергскіе, Лигницкіе, Бригскіе, Волаускіе и Бреславскіе; ко второй Тешенскіе, Заторскіе, Козельскіе, Опельнскіе, Ратиборскіе. Отъ Мечислава III: Князья Великопольскіе, Познаньскіе, Калишскіе. Отъ Казимира II: Князья Кулявскіе и Мазовецкіе, подраздѣлявшіеся на Ленчицкихъ, Серадскихъ, Иновроцлавскихъ, Черскихъ, Плоцкихъ, Сохачевскихъ. Всѣ эти поколѣнія, въ видѣ самостоятельныхъ отраслей, возникли съ половины XII до половины XIV столѣтія: одни угасали; другія занимали ихъ мѣсто; иногда сливались, но вскорѣ раздѣлялись и вновь дробились. Междоусобіе было безпрерывное: споры за удѣлы, стремленіе однихъ Князей къ самостоятельности, усилія другихъ присвоить Краковскій престолъ, владѣтель коего принималъ титулъ Королевскій, оспориваемый впрочемъ Императоромъ и Папою, все это влекло за собою пагубныя слѣдствія, ослабленіе государства, медленные успѣхи гражданственности, кулачное право.

Къ бѣдствіямъ междоусобія присоединилось другое зло, коего мы не испытали. Съ одной стороны тѣсная связь съ Германіею познакомила высшія сословія съ феодальными понятіями: Польскіе магнаты, присвоивъ себѣ обширныя помѣстья, искали тѣхъ же правъ, коими пользовались Германскіе Бароны, хотѣли господствовать въ своихъ отчинахъ независимо отъ

Князей, и самовольно располагали Краковскимъ престоломъ, предлагая оный тому изъ Пястовъ, кто обѣщалъ не касаться ихъ вольностей. Съ другой стороны исключительная зависимость Польскаго духовенства отъ Папы давала Римскому двору средства вмѣшиваться въ Княжескіе раздоры, располагать церковными отчинами и дѣйствовать вообще такъ, какъ дѣйствовали Папы во всѣхъ подвластныхъ имъ государствахъ. Этого мало: не только высшее дворянство и духовенство, противуборствуя соединенію Польскихъ силъ къ одной цѣли, разрушали всякую мысль о единствѣ и вкореняли сѣмена разногласія, мятежа, самое среднее сословіе, оказавшее такъ много услугъ въ западной Европѣ, было чуждымъ элементомъ въ Польскомъ государствѣ и по языку и по правамъ своимъ: оно состояло преимущественно изъ Нѣмцевъ, коими нѣкоторые Короли населили цѣлые города; захвативъ въ свои руки всю внутреннюю промышленность, сіи пришельцы не признавали законовъ Польскихъ и пользовались Магдебургскимъ правомъ. По примѣру ихъ, тоже право предоставлено было и природнымъ Полякамъ привилегированныхъ классовъ. Съ половины XIV столѣтія Польшу наводнили еще Евреи, для коихъ она съ тѣхъ поръ стала истиннымъ отечествомъ: Евреи отбили у Нѣмцевъ торговлю; но сами Поляки мало отъ того выиграли.

Въ половинѣ XIV столѣтія состояніе Польши было несравненно злополучнѣе нашего: не

взирая на Монгольское иго, на распри Князей, у насъ всѣ условія жизни общественной были ознаменованы какимъ то неразрывнымъ единствомъ: все стремилось къ дружному согласію, и притомъ все выражало одинъ національный типъ. Власть духовная поддерживала свѣтскую и никогда съ нею не спорила; Бояре и высшія сословія, не имѣя даже понятія о правахъ феодальныхъ, были истинною опорою престола; среднія и низшія сословія горѣли пламенною любовію къ своей вѣрѣ, къ своему Государю, въ коемъ видѣли своего судью и защитника. Въ этомъ согласіи основныхъ элементовъ государственныхъ заключалась неодолимая сила Рускаго народа.

Въ Польшѣ, напротивъ того, во всемъ замѣтно было чудное разногласіе: Король спорилъ съ Папою, съ Императоромъ за Королевскій титулъ; съ родственниками за Краковскій престолъ; Князья удѣльные спорили другъ съ другомъ за удѣлы, съ Королемъ за независимость, съ вельможами за право суда, съ среднимъ сословіемъ за пошлины и оброки, съ духовенствомъ за десятину. Народъ раздѣлялся на природныхъ Поляковъ, на всельниковъ Нѣмецкихъ, на Евреевъ: тѣ и другіе имѣли свой языкъ, свои правы и обыкновенія, свой судъ и расправу; сверхъ того были еще многочисленные классы привилегированные, имѣвшіе исключительное право монополій. Наконецъ въ самомъ языкѣ было

разногласіе съ понятіями: въ Божественной службѣ, въ дѣлахъ судебныхъ, въ словесности господствовалъ языкъ Латинскій, непонятный для большей части народа; такъ было и во всей Европѣ (исключая одной Руси, гдѣ во всѣхъ случаяхъ употреблялся одинъ языкъ Русскій): но для государствъ, возникшихъ на развалинахъ Римской Имперіи, Латинскій языкъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ роднымъ, по крайней мѣрѣ благороднѣйшимъ; въ Славянской же землѣ онъ рѣшительно былъ чуждымъ нарѣчіемъ. При такомъ разногласіи правъ, понятій, уставовъ, при всеобщемъ противорѣчіи основныхъ элементовъ государственныхъ, Польша едва ли могла существовать въ видѣ самостоятельнаго государства: ей не доставало внутренней силы, чувства народнаго, которое возникаетъ только подъ вліяніемъ родныхъ уставовъ, роднаго языка, родныхъ обыкновеній, при неразрывномъ согласіи всѣхъ условій общественныхъ. Ей необходима была опора, которая поддерживала бы это нестройное тѣло, носившее отъ самаго рожденія недугъ разрушительный.

1333 - 1370. Въ срединѣ XIV вѣка царствовалъ въ Польшѣ Казимиръ III, наслѣдовавшій отъ отца власть единодержавную, которую признавали всѣ потомки Пяста, исключая Герцоговъ Силезскихъ. Многія отрасли владѣтельнаго дома угасли въ войнахъ междоусобныхъ; другія такъ раздробились, что не въ силахъ были спорить съ Го-

сударемъ Краковскимъ: удѣльное правленіе ослабѣло. Казимиръ, одаренный умомъ и характеромъ, умѣлъ господствовать самодержавно, велъ счастливыя войны съ сосѣдями, строилъ города, исправлялъ законы, старался облегчить участь крестьянъ, заботился о просвѣщеніи народа и по справедливости заслужилъ отъ потомства имя *Великаго*. Смертью его угасъ Королевскій домъ Пяста; хотя не всѣ отрасли его пресѣклись, но Казимиръ, вѣроятно постигнувъ бѣдственное положеніе Польши и надѣясь поддержать ее тѣснымъ союзомъ съ сосѣдственными государствами, убѣдилъ магнатовъ, еще при жизни своей, предложить престолъ племяннику своему Людовику Королю Венгерскому [1]). Магнаты тѣмъ охотнѣе согласились на желаніе Казимира, что надѣялись воспользоваться этимъ случаемъ къ утвержденію своихъ правъ, доселѣ основанныхъ на одномъ обыкновеніи, силою закона, и вмѣстѣ съ короною предложили Людовику pacta conventa или условія, ограничившія власть Короля и утверждавшія права дворянства. Людовикъ подписалъ pacta conventa; но вступивъ на престолъ Польскій, встрѣтилъ во всѣхъ со-

1) По свидѣтельству Литовскаго Историка Кояловича, при жизни Казимира, въ Польскіе Короли былъ избранъ Константинъ Коріатовичъ, Князь Подольскій, племянникъ Олгерда; но онъ не хотѣлъ, по требованію Поляковъ, измѣнить православной вѣрѣ и отказался отъ короны.

словіяхъ такой раздоръ, что рѣшился возвратиться въ Венгрію, и отнявъ у Польши Галицію, присоединилъ ее къ наслѣдственному Королевству.

Ягелло на Польс. прес. 1386.

122. Послѣ сильнаго потрясенія государства всеобщими мятежами, магнаты Польскіе объявили Королевою меньшую дочь Людовика, пятнадцатилѣтнюю Ядвигу, снова устранивъ всѣ поколѣнія Пяста, и искали ей жениха. Естественнѣе всего было сочетать ее съ Вильгельмомъ Герцогомъ Австрійскимъ, съ коимъ она была помолвлена еще съ колыбели; но Польскій Сенатъ весьма хорошо понималъ, что Герцогъ Австрійскій не въ силахъ будетъ спасти Королевство отъ страшнаго врага, грозившаго ему съ востока, отъ Литовскаго Великаго Князя Ягелла, который съ своей стороны искалъ руки Ядвиги и короны Казимировой [1]). Онъ наводилъ такой ужасъ на Поляковъ, что его считали косматымъ чудовищемъ, и юная Ядвига ни за что въ свѣтѣ не соглашалась отдать свою руку свирѣпому *язычнику* [2]). Тщетно старались вельможи побѣдить ея упорство, представляя всѣ бѣдствія, кои обрушатся на Польшу, если Ягелло получитъ отказъ; Королева была непреклонна, доколѣ Польскіе Епископы не тронули ея набожности:

1) За два года предъ тѣмъ Ягелло опустошилъ въ конецъ Малую Польшу.

2) Такъ считали его въ Польшѣ.

помня, какъ безуспѣшны были всѣ усилія Меченосцевъ ввести въ Литву Латинскую вѣру, и зная, что не только потомки Гедиминовы, но и подданные ихъ, оставляя идоловъ, обнаруживали явную наклонность къ закону Греческому, они опасались присоединенія всего Литовскаго народа къ восточной церкви, слѣдовательно для Римскаго духовенства ни что не могло быть пріятнѣе предложенія Ягеллова: оно всѣми силами поддерживало магнатовъ, старавшихся склонить Королеву къ брачному союзу съ Литовскимъ Княземъ, обѣщая ей царство небесное. Ядвига принуждена была наконецъ согласиться, уступивъ впрочемъ болѣе насилію, чѣмъ убѣжденіямъ. Братья Ягелловы уже исповѣдывали Грекороссійскую вѣру; нельзя думать, чтобы и самъ онъ оставался въ язычествѣ: мать его Княжна Тверская была христіанка; отецъ умеръ схимникомъ; но честолюбіе было главною страстію сына Олгердова: замучивъ роднаго дядю Кейстута, чтобы господствовать въ Литвѣ, онъ по всей вѣроятности промѣнялъ Греческій законъ на Латинскій, чтобы получить титулъ Короля Польскаго и руку прекрасной Ядвиги. Въ 1386 году онъ прибылъ въ Краковъ, крестился по Римскому обряду, вступилъ въ бракъ съ Королевою и короновался, давъ предварительно присягу соблюдать Польскіе законы, ввести Латинскую вѣру въ Литвѣ и соединить наслѣдственное Княжество съ Польшею въ одно государство.

Крещеніе Литвы совершилось безъ большаго труда: въ Вильнѣ уже давно славословили Христа Спасителя; знатнѣйшіе вельможи исповѣдывали Грекороссійскую вѣру. Простой народъ былъ погруженъ въ язычество; поклонялся огню Перкунову, обожалъ змѣй, боготворилъ рощи; но естественно уже терялъ уваженіе къ идоламъ, презираемымъ и Князьями и высшимъ сословіемъ. Самъ Ягелло съ Королевою и духовенствомъ прибылъ въ Вильну, древній огонь велѣлъ угасить, змѣй истребить, рощи вырубить. Идолопоклонники ждали, что небесный громъ поразитъ его, однако тщетно; имъ дали бѣлые кафтаны, красивую обувь; Королева не щадила денегъ; они съ радостію брали дары и принимали къ себѣ Латинскихъ священниковъ. Одна Жмудь упорствовала; чрезъ полвѣка и она крестилась. Гораздо труднѣе было соединить Литовское Княжество съ Польшею въ одну державу: Поляки встрѣтили неожиданныя препятствія и не прежде, какъ чрезъ два столѣтія, успѣли уничтожить ихъ.

Витолдъ. 1392 1430.

123. Союзъ Литовскаго Княжества съ Польскимъ Королевствомъ разорвался въ самомъ началѣ. Главною виною тому было различіе вѣроисповѣданій. Не только въ Русскихъ областяхъ, подвластныхъ дому Гедимина, вѣра предковъ сохранялась во всей чистотѣ; въ самой Вильнѣ были ревностные послѣдователи Греческаго закона. Всѣ православные смотрѣли на преданность

Ягелла Полякамъ съ негодованіемъ; когда же Король, ободренный успѣхомъ обращенія язычниковъ, подстрекаемый Римскимъ духовенствомъ, вздумалъ требовать и отъ Русскихъ присоединенія къ Латинской церкви, они изъявили явный ропотъ, и чтобы разорвать ненавистный союзъ съ гонителями своей вѣры, охотно признали Великимъ Княземъ, независимымъ отъ Короля, двоюроднаго брата его Витолда.

Витолдъ, сынъ Кейстута, вмѣстѣ съ Ягелломъ оставилъ законъ Греческій и перекрестился въ Краковѣ. Но равнодушный къ различію вѣроисповѣданій, онъ искалъ одной славы и громкаго имени въ потомствѣ: хотѣлъ поставить государство своихъ предковъ на степень первенствующей державы въ восточной Европѣ и утвердить его самостоятельность. Для этой цѣли вмѣшивался въ дѣла Меченосцевъ и неоднократными побѣдами едва не сокрушилъ Ливонскаго Ордена; перенесъ свое оружіе за Днѣпръ, овладѣлъ Смоленскомъ, унизилъ гордость Новгородцевъ и не завоевалъ Москвы только потому, что встрѣтилъ дѣятельнаго соперника въ благоразумномъ сынѣ Донскаго, Василіи Димитріевичѣ. Монголы его трепетали: Витолдъ легко очистилъ отъ ихъ улусовъ все пространство между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ, нѣсколько тысячь Татаръ переселилъ въ Литву, гдѣ потомки ихъ живутъ доселѣ, сохранивъ вѣру праотцевъ, и думалъ господствовать надъ Золотою

Ордою, поддерживая Тохтамыша, какъ присяжника своего, въ борьбѣ съ Тимуромъ. Жестокое пора-
1399. женіе Литовцевъ на берегахъ Ворсклы Эдигеемъ разстроило замыслы Витолда: онъ такъ ослабѣлъ, что оставилъ всѣхъ сосѣдей въ покоѣ и примирился до времени съ Ягелломъ, который доселѣ видѣлъ въ немъ опаснаго недруга. Съ тѣхъ поръ постоянною заботою его было утвердить самостоятельность Литовскаго Княжества. Для этой цѣли онъ установилъ въ своемъ государствѣ Митрополію, отдѣльную отъ Московской. Витолдъ не предпочиталъ Латинскаго вѣроисповѣданія Грекороссійскому и не тревожилъ совѣсти своихъ подданныхъ; но не могъ равнодушно смотрѣть на зависимость Западнаго православнаго духовенства отъ Московскаго первосвятителя, и подъ предлогомъ нерадѣнія Фотія о паствѣ, требовалъ у Патріарха Царяградскаго особеннаго Митрополита для своего государства; получивъ же отказъ, велѣлъ Епископамъ собственною властью посвятить Григорія Цимвлака на Кіевскую митрополію. Епископы не согла-
1416. шались долго и уступили только насилію, бывъ угрожаемы самою смертію. Разрывая союзъ духовный съ Москвою, Витолдъ рѣшился уничтожить политическій съ Польшею, и чтобы поставить свое Княжество на равную степень съ нею, хотѣлъ принять титулъ Королевскій. Ягелло съ своей стороны, руководимый совѣтами Римскаго духовенства, всѣми мѣрами старался от-

клонить его отъ столь пагубнаго для Польши намѣренія: умолялъ Папу не давать ему благословенія, отговаривалъ Императора, не щадилъ даровъ, наконецъ, когда ничто не помогало, уступалъ Витолду Польскую корону: Великій Князь отвергъ ее съ презрѣніемъ и пригласилъ многихъ Вѣнценосцевъ въ Литву быть свидѣтелями своего коронованія. Скоропостижная смерть разрушила всѣ его планы.

124. Смерть Витолда, вопреки ожиданію Римскаго двора, не утвердила соединенія Западной Руси съ Польшею: мѣсто его занялъ родной братъ Ягелла Свитригайло; онъ былъ для Королевства опаснѣе даже своего предмѣстника, питалъ непримиримую вражду къ брату, неоднократно обуздывалъ его силою оружія, истреблялъ Поляковъ, и успѣвъ заслужить всеобщую любовь Русскихъ, видѣвшихъ въ немъ защитника своей вѣры и независимости, подобно предшественнику, хотѣлъ принять вѣнецъ Королевскій; но не имѣя талантовъ его, былъ не въ силахъ бороться съ хитрымъ Ягелломъ, который умѣлъ произвести въ Литвѣ войну междоусобную. Сигизмундъ, братъ Витолдовъ, поддерживаемый Поляками, вооружился на Свитригайла, изгналъ его и объявилъ себя Великимъ Княземъ, съ обязанностію платить Королю дань, 1243.
помогать ему во всѣхъ войнахъ, уступить Польшѣ Волынь съ Подоліею и не думать о вѣнцѣ

Свитригайло.

Королевскомъ. Между тѣмъ Свитригайло собралъ многочисленное войско, призвалъ на помощь Татаръ, Нѣмцевъ, еще болѣе нашелъ усердныхъ доброжелателей въ самомъ Княжествѣ и вступилъ въ новую борьбу съ Сигизмундомъ.

1434. Ягелло не дожилъ до окончанія этой войны кровопролитной, и старшій сынъ его Владиславъ III, избранный Поляками въ Короли, не былъ признаваемъ Великимъ Княземъ Литовскимъ, за достоинство коего спорилъ Свитригайло съ Сигизмундомъ; послѣдній одолѣлъ соперника, но въ свою очередь, раздраживъ всѣ сословія жестокимъ правленіемъ и угодливостію Полякамъ,

1440. былъ убитъ Князьями Чарторижскими.

Казиміръ 1440-1492. 125. По смерти Сигизмунда, Литовскіе чины не хотѣли слышать о подданствѣ Королю Польскому и объявили Великимъ Княземъ своимъ втораго сына Ягеллова Казиміра. Союзъ обоихъ народовъ рушился. Поляки старались возобновить его, и какъ скоро не стало Владислава III, погибшаго въ войнѣ съ Турками подъ стѣнами Варны, спѣшили предложить Польскую корону Казиміру. Онъ желалъ принять ее; но Литовскіе чины, уже испытавъ многія невыгоды союза съ Польшею, отклоняли своего Государя. Поляки убѣждали его неотступно; цѣлые два года терпѣли всѣ неустройства междуцарствія, не теряя надежды на согласіе Казиміра, не щадили ни даровъ, ни обѣщаній; наконецъ дости-

гли своей цѣли: Великій Князь согласился принять Польскую корону; но не прежде могъ выѣхать изъ Вильны въ Краковъ для коронованія, какъ обязавшись не считать Великаго Княжества за одно съ Королевствомъ, уничтожить всѣ прежніе акты соединенія, оставить неприкосновенными всѣ права своего народа, гражданскія и церковныя, и возвратить Литовскому Княжеству Волынь съ Подоліею, бывшую со временъ Олгерда постояннымъ предметомъ спора между Великими Князьями Литовскими и Королями Польскими.

Снова соединивъ корону Великокняжескую съ Королевскою, Казимиръ не могъ соединить обоихъ народовъ: они обнаруживали жестокую непріязнь другъ къ другу; Литовскіе чины не хотѣли являться на Польскіе сеймы, собирали свои собственные, неотступно требовали уничтоженія прежнихъ актовъ соединенія и грозили войною за Волынь и Подолію. Слабый Казимиръ, не зная, что дѣлать, думалъ даже отказаться отъ короны Польской. Смертью его союзъ опять 1492.
разорвался. Великое Княжество провозгласило своимъ Государемъ сына его Александра; Поляки же, видя явную непріязнь Литвы, не смѣли уже надѣяться на согласіе Великаго Князя принять Королевскую корону; желали по крайней мѣрѣ видѣть на своемъ престолѣ брата его, чтобы не совсѣмъ отдѣлиться, и избрали въ Короли другаго сына Казимирова Іоанна Албрех-

та. Оба они правили своими государствами независимо другъ отъ друга, и были современниками Іоанна III, такъ же, какъ и отецъ ихъ Казимиръ.

III. Русь въ половинѣ XV вѣка.

1. *Государство Московское.*

Составъ его. 126. Въ началѣ второй половины XV вѣка, предъ восшествіемъ на Московскій престолъ Іоанна III, Русь раздѣлялась на двѣ главныя системы, на Восточную или Московскую и на Западную или Литовскую. Политика Восточной Руси сосредоточивалась въ домѣ Іоанна Калиты, политика Западной въ домѣ Гедимина.

Домъ Іоанна Калиты въ одно столѣтіе овладѣлъ большею частію Восточной Руси, сначала прикупкою къ наслѣдственному удѣлу селъ и деревень въ сопредѣльныхъ областяхъ, потомъ присоединеніемъ цѣлыхъ Княжествъ. Іоаннъ Калита, получивъ отъ брата своего Георгія область небольшую, заключавшуюся въ границахъ нынѣшней Московской губерніи, съ частію Владимірской, прикупилъ къ ней многія села Ко-

стромскія, Ростовскія, Владимірскія, даже Новгородскія; примѣру его слѣдовали дѣти Симеонъ Гордый и Іоаннъ II: они также пріобрѣли значительную часть Княжества Рязанскаго на лѣвой сторонѣ Оки и нѣсколько селъ въ окрестностяхъ Московскихъ. Димитрій Донской и преемники его дѣйствовали еще рѣшительнѣе: Димитрій присоединилъ цѣлое Княжество Владимірское, область Мещерскую и часть земли Мордовской; Василій Димитріевичъ Княжество Суздальское, Городецкое, Муромское, Ростовское; наконецъ Василій Темный отнялъ Елецкую область у Князя Рязанскаго; сверхъ того удѣлы у двоюродныхъ братьевъ и оставилъ своему дому государство обширное.

Въ составъ Московскаго Государства вошли всѣ удѣлы, возникшіе въ родѣ Юрія Долгорукаго, исключая Тверскаго, Владимірскіе, Ростовскіе, Суздальскіе, Нижегородскіе, сверхъ того многія области, принадлежавшія другимъ отраслямъ Владиміра св., Смоленскія, Ярославскія, Черниговскія. Родъ прежнихъ удѣльныхъ Князей не угасъ: потомки ихъ сохраняли даже титулъ Княжескій и имѣли отчины, которыя передавали въ наслѣдство дѣтямъ; но они такъ раздробились въ своихъ многочисленныхъ отрасляхъ, что многіе изъ нихъ едва удержали за собою нѣсколько деревень и вполнѣ зависѣли отъ Великаго Князя Московскаго, утративъ всѣ права Государей

владѣтельныхъ: Такихъ отраслей безудѣльныхъ, возникшихъ изъ дома Владиміра св., въ Восточной Руси было до 150; въ родѣ Андрея Ярославича Суздальскаго считалось 17 отраслей; 1) въ родѣ Константина Всеволодовича Ростовскаго до 26 отраслей; 2) въ родѣ Ивана Всеволодовича Стародубскаго до 18 отраслей; 3) въ родѣ Ѳедора Чернаго Ярославскаго до 38 отраслей; 4) въ родѣ Михаила Всеволодовича Черниговскаго до 43 отраслей; 5) сверхъ того были отрасли безудѣльныхъ Князей Тверскихъ, Рязанскихъ, Сѣверскихъ, Волынскихъ.

Домъ Калиты спасся отъ подобнаго раздробленія сколько благоразумною политикою его преемниковъ, столько и случайными обстоятельствами. Въ родѣ Калиты право удѣльное также опредѣляло порядокъ престолонаслѣдія, но съ тѣмъ достопамятнымъ различіемъ, что участки были неравны: старшій сынъ всегда получалъ самую большую часть отцовскаго достоянія. Этого правила держались всѣ Князья Великіе, при назначеніи удѣловъ своимъ дѣтямъ. Сверхъ того отъ самаго начала Княжества Московскаго господствовала мысль, что право владѣнія

1) Въ числѣ ихъ были поколѣнія Скопиныхъ, Шуйскихъ, Горбатыхъ.
2) Между прочими Князья Лобановы, Буйносовы.
3) Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны Пожарскіе.
4) Курбскіе, Шаховскіе, Львовы, Прозоровскіе и многіе другіе.
5) Долгорукіе, Оболенскіе, Щербатовы.

принадлежало не всему роду Калиты, а только семейству Великокняжескому по нисходящей линіи: въ слѣдствіе этой мысли, каждый Государь Московскій, наслѣдовавъ отъ отца державу раздробленную съ братьями, мало по малу соединялъ ее въ одно цѣлое и снова дробилъ между сыновьями, минуя племянниковъ и двоюродныхъ братьевъ, или назначая имъ незначительные участки. При томъ же сама Судьба благопріятствовала быстрому развитію единодержавія въ Государствѣ Московскомъ: большая часть сыновей, внуковъ и правнуковъ Іоанна Калиты умерли или бездѣтными или во младенчествѣ.

Удѣлы въ Московск. Кн.

Василій II распредѣлилъ удѣлы въ своемъ родѣ слѣдующимъ образомъ: 1, старшему сыну *Іоанну*, съ титуломъ Великаго Князя, назначилъ Москву, Коломну, Владиміръ, Переяславль, Кострому, Галичъ, Вятку, Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ, Боровскъ, Суходолъ, Калугу, Алексинъ, и большую часть селъ Московскихъ; 2, *Юрію* Дмитровъ, Можайскъ, Мядынь и Серпуховъ; 3, *Андрею большему* Угличъ, Устюжну, Бѣжецкъ, Звенигородъ; 4, *Борису* Ржевъ, Волокъ Ламскій, Рузу; 5, *Андрею меньшему* Вологду, Кубену, Заозерье. 6, Половина Ростова, Романовъ, Усть-Шексна и Нерехта назначены въ удѣлъ супругѣ Василія Темнаго; другая половина Ростова осталась за Князьями наслѣдственными. 7, Верея, Вышгородъ,

Малый Ярославецъ и Бѣлоозеро отданы въ удѣлъ Князю *Михаилу Андреевичу* Можайскому. 8, Ярославль имѣлъ своего удѣльнаго Князя, владѣвшаго имъ по праву наслѣдства, но въ полной зависимости отъ Великаго Князя Московскаго. 9, Касимовъ отданъ въ удѣлъ Казанскому Царевичу Касиму, также зависѣвшему отъ Государя Московскаго.

127. Вмѣстѣ съ домомъ Калиты господствовали въ Восточной Руси, подвластной Монголамъ, поколѣнія Михаила Ярославича Тверскаго и Ярослава Святославича Рязанскаго. Новгородъ и Псковъ имѣли также права державъ самостоятельныхъ.

К. Тверское.

I) Родъ *Михаила Ярославича* Тверскаго, властвуя въ тѣхъ же предѣлахъ, въ коихъ заключалось Тверское Княжество въ половинѣ XIV вѣка, по прежнему пользовался не только правами независимости, но и равенствомъ въ отношеніи къ Великому Князю Московскому. Раздѣленная до 1425 года на два удѣла, на Тверской и Кашинскій, отчина Михаилова въ 1462 году принадлежала одному *Великому Князю* Михаилу Борисовичу: онъ владѣлъ Тверью, Старицею, Кашиномъ, Зубцовымъ и Клиномъ.

Рязанское.

II) Родъ *Ярослава Святославича* Рязанскаго, утративъ значительную часть своей отчины, весь лѣвый берегъ Оки, съ областью Елецкою, и все Княжество Муромское, сохранилъ однакожь

свою самостоятельность и господствовалъ независимо въ Переяславлѣ Рязанскомъ, Пронскѣ, Ростиславлѣ, Перевитескѣ и Старой Рязани. Старшій въ родѣ изъ владѣтелей Рязанскихъ именовался Великимъ Княземъ, по примѣру Московскаго и Тверскаго.

III) Княжество *Новгородское*, признавая со времени Іоанна Калиты своимъ Господиномъ или покровителемъ Великаго Князя Московскаго, пользовалось по прежнему всѣми правами удѣльнаго Княжества, сосредоточенными въ народномъ Вѣчѣ. Оно состояло изъ Пятинъ и Волостей. Пятины были: Бѣжецкая, Вотская, Деревская, Шелонская и Обонежская; Волости: Заволочье, Лопь, Двинская земля, Пермь, Печора, Югра; города: Великій Новгородъ, Ладога, Руса, Торжокъ, Волокъ, Великіе Луки, Кексгольмъ, Выборгъ, Орѣшекъ, Каргополь и другіе. Новгородск.

IV) Княжество *Псковское*, имѣя внутреннее устройство подобное Новгородскому, и также признавая своимъ Господиномъ Великаго Князя Московскаго, состояло изъ главнаго города Пскова и 12 пригородовъ, въ числѣ коихъ находились: Изборскъ, Опока, Гдовъ, Торопецъ и другіе. Псковское.

Изъ вышесказаннаго очевидно, что Восточная Русь въ 1462 году была раздѣлена на 5 главныхъ удѣловъ, а именно:

I, Государство Московское, состоявшее:
1) Изъ Великаго Княжества Московскаго.
2) Изъ Княжества Дмитровскаго.
3) Изъ Княжества Углицкаго.
4) Изъ Княжества Волоцкаго.
5) Изъ Княжества Вологодскаго.
6) Изъ Княжества Ростовскаго.
6) Изъ Княжества Ярославскаго.

II, Великое Княжество Тверское.
III, Великое Княжество Рязанское.
IV, Княжество Новгородское.
V, Княжество Псковское.

Отношенія Князей

128. Главою Восточной Руси былъ Великій Князь Московскій. Онъ имѣлъ исключительное право именоваться Государемъ *всея Руси*, вести войну и заключать миръ по своему усмотрѣнію; требовать отъ Князей содѣйствія противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, такъ, что недругъ Москвы былъ непріятелемъ всѣхъ удѣльныхъ владѣтелей; господствовать въ Новгородѣ и Псковѣ; сверхъ того только онъ одинъ могъ сноситься съ Ханами Кипчакскими и отъ него зависѣло платить дань или нѣтъ; въ первомъ случаѣ удѣльные Князья обязаны были доставлять въ его казну Ордынскій выходъ по расчету. Однимъ словомъ, Великій Князь Московскій сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ всю внѣшнюю политику, давалъ ей направленіе и строго наблюдалъ, чтобы Князья безъ его вѣдома

ни съ кѣмъ не ссорились, ни дружились, въ особенности съ Ордою и съ Литвою.

Власть Государя Московскаго имѣла четыре степени: въ наслѣдственной отчинѣ она была неограниченна; тамъ Великій Князь былъ верховнымъ судьею, правителемъ и законодателемъ. Въ Княжествѣ Новгородскомъ, гдѣ народное Вѣче присвоило большую часть правъ Князей удѣльныхъ, онъ довольствовался только опредѣленною данью, подъ названіемъ даровъ, виры, пошлинъ и Чернаго бора. Новгородцы обязаны были платить эту дань Государю Московскому, какъ покровителю своему; онъ же съ своей стороны обязывался договорными грамматами не вмѣшиваться въ управленіе внутреннее, безъ согласія Посадника не раздавать областей, ни въ какомъ случаѣ не требовать Новгородцевъ на судъ въ Москву, не покупать въ ихъ Княжествѣ селъ, не увеличивать налоговъ, не назначать отъ себя таможенныхъ приставовъ. Еще болѣе ограничено было вліяніе Великаго Князя на братніе удѣлы: владѣтели ихъ пользовались въ своихъ участкахъ тѣми же правами, какими онъ въ своихъ, имѣя долю въ самой Москвѣ, гдѣ одна треть доходовъ шла въ казну Великокняжескую, а двѣ трети принадлежали всѣмъ его братьямъ: они имѣли свой дворъ, своихъ Бояръ, свое войско, чеканили монету, производили судъ и расправу, назначали налоги, вносили опредѣленную часть ихъ въ казну Великаго Князя

для выхода Ордынскаго только тогда, когда онъ самъ платилъ дань; иначе оставляли ее у себя; наконецъ пользовались правомъ передавать свои отчины дѣтямъ. Имъ недоставало одного права мира и войны, чтобы сравняться съ Государемъ Московскимъ: въ обоихъ случаяхъ, они обязаны были дѣйствовать съ нимъ заодно; сверхъ того считали его своимъ покровителемъ и судьею въ семейныхъ спорахъ. Еще болѣе было ограничено вліяніе Великаго Князя Московскаго на владѣтеля Рязанскаго; а Государя Тверскаго онъ признавалъ равнымъ себѣ; удѣлъ же его неприкосновеннымъ даже въ томъ случаѣ, еслибы Ханъ Ордынскій вздумалъ присоединить его къ Московскому.

Орда Кипчакская.

129. Узы нашего рабства съ конца XIV вѣка явно ослабѣвали не столько отъ побѣды Куликовской, сколько отъ внутреннихъ потрясеній царства Батыева.

Пораженіе Мамая на Придонскихъ поляхъ не сокрушило Золотой Орды. Тохтамышъ, одинъ изъ потомковъ Чингизовыхъ, сильный дружбою Тамерлана, Эмира Хановъ Чагатайскихъ, изгнавъ Мамая и воцарившись въ Ордѣ, умѣлъ возстановить ея грозное могущество, смирилъ Димитрія опустошеніемъ его государства, заставилъ платить себѣ тяжкую дань и возобновилъ право ордынскихъ Хановъ располагать Великокняжескимъ престоломъ. Утвержденный

имъ главою Восточной Руси, Василій Димитріевичъ, въ первые годы своего правленія неоднократно ѣздилъ въ Сарай бить челомъ. Орда стала сильна по прежнему. Но въ концѣ XIV вѣка она получила жестокій ударъ, слѣдствіемъ коего была столѣтняя непримиримая распря двухъ поколѣній, давшая нашему отечеству время собраться съ силами. Этотъ ударъ нанесъ ей Тамерланъ. Подобно Темучину, сынъ ничтожнаго Князька въ Имперіи Чагатайскихъ Монголовъ, онъ задумалъ покорить вселенную въ то время, когда не имѣлъ ничего, кромѣ тощаго коня и дряхлаго верблюда, и чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался владыкою 26 державъ средней, южной и западной Азіи. На пути побѣдъ встрѣтивъ соперника въ Тохтамышѣ и оскорбленный его неблагодарностію, онъ далъ ему два жестокіе урока, сперва на Уралѣ, потомъ на Терекѣ. Оба раза Тохтамышъ былъ разбитъ на голову и бѣжалъ наконецъ изъ Сарая въ Литву. Царство Кипчакское было разорено; столица его предана огню; несмѣтное множество Монголовъ погибло. По удаленіи Тамерлана, Тохтамышъ возвратился въ Кипчакъ и хотѣлъ возстановить Орду; но здѣсь встрѣтилъ опаснаго совмѣстника въ сподвижникѣ Тамерлановомъ, Тимуръ-Кутлуѣ. Онъ велъ съ нимъ распрю за престолъ до самой смерти своей; эта распря продолжалась при дѣтяхъ и внукахъ ихъ. Сторону Тохтамыша держалъ Литовскій Князь Витолдъ, желавшій

видѣть его на Сарайскомъ престолѣ, чтобы именемъ его самому властвовать въ Москвѣ; за Тимуръ-Кутлуя стоялъ Эдигей, также сподвижникъ Тамерлановъ, дотолѣ управлявшій Ханами Синей или Нагайской орды на Уралѣ. Соединивъ эту орду съ Сарайскою, Эдигей одолѣлъ Витолда, утвердилъ Тимура и дѣтей его на Кипчакскомъ престолѣ и располагалъ имъ подобно Мамаю. Орда снова стала сильною и опасною для насъ, однакожъ не надолго. Чингизиды изъ рода Тохтамышева не давали покоя Тимуридамъ, которые въ тоже время не щадили самихъ себя: братья рѣзались съ братьями, сыновья убивали отцевъ. Въ слѣдствіе постоянной вражды Чингизидовъ съ Тимуридами, царство Батыево въ первой половинѣ XV вѣка распалось на три, независимыя одна отъ другой, части, на Орду Большую или Золотую, на Орду Крымскую и на Царство Казанское.

Большая Орда, оставшись за поколѣніемъ Тимуръ-Кутлуя, занимала самую обширную часть Батыевыхъ улусовъ и присвоивала себѣ право господствовать надъ Русью. При вступленіи на престолъ Іоанна III въ ней царствовалъ одинъ изъ потомковъ Тимуровыхъ Ахматъ, послѣдній нашъ повелитель.

Крымская Орда получила прочное основаніе со временъ внука Тохтамышева Гаджи Гирея, который вмѣстѣ съ дѣдомъ нашелъ покровителя въ Великомъ Князѣ Литовскомъ, и под-

держиваемый Казимиромъ I, объявилъ себя независимымъ Ханомъ Крымскихъ улусовъ, мало подвластныхъ властителямъ Сарайскимъ уже со временъ Ногая. Гаджи-Гирей родоначальникъ Крымскихъ Гиреевъ, господствовавшихъ въ Тавридѣ до Екатерины II, питалъ родовую вражду къ Тимуридамъ, Ханамъ Золотой Орды, и передалъ свою непріязнь дѣтямъ и внукамъ.

Казанское Царство возникло въ одно время съ Крымскою Ордою. Основателемъ его также былъ Чингизидъ, но не изъ рода Тохтамышева, Улу-Махметъ, царствовавшій сначала въ Золотой Ордѣ, куда приходилъ къ нему на судъ Василій Темный, спорившій о Великокняжескомъ престолѣ съ дядею своимъ Юріемъ Дмитріевичемъ. Изгнанный изъ Кипчака Тимуридами, Махметъ искалъ покровительства у Великаго Князя Московскаго, и занялъ Бѣлевъ; но вытѣсненный и отсюда, бѣжалъ въ Камскую Болгарію. Тамъ обитали Монголы, перемѣшавшіеся съ потомками древнихъ Болгаръ и Черемисовъ. При Батыѣ и первыхъ преемникахъ его, они зависѣли отъ Золотой Орды; въ послѣдствіи имѣли неоднократно своихъ Хановъ; грабили Русскія земли и въ свою очередь нерѣдко были смиряемы нашимъ оружіемъ. Средоточіемъ ихъ была Казань, основанная во время Батыя и разоренная Русскими въ концѣ XIV вѣка. Махметъ построилъ для защиты новую крѣпость на выгоднѣйшемъ мѣ-

стѣ, соединилъ подъ свою власть всѣхъ обитателей древней Болгаріи и положилъ основаніе сильному государству. Сынъ его Мамутякъ, современникъ Іоанна III, принялъ титулъ Царя Казанскаго: ибо отецъ его все еще именовался Ханомъ Золотой Орды.

Раздробленію Батыева царства предшествовали кровавые раздоры. Государи Московскіе Василій Димитріевичъ и сынъ его Василій Темный не хотѣли ими воспользоваться и объявить себя независимыми, изъ опасенія образумить своихъ злодѣевъ, искали ихъ дружбы, ѣздили въ Орду Сарайскую для легчайшаго стѣсненія Князей удѣльныхъ, получали отъ Хановъ грамматы на цѣлыя Княжества, на пр. Суздальское, Новгородское; но вообще старались только ласкать ихъ и даже не всегда платили дань, отзываясь оскудѣніемъ своего отечества; если же Монголы приходили съ оружіемъ, чтобы силою исторгнуть то, чего они не хотѣли платить, Москва смѣло ополчалась и вступала въ борьбу съ врагами. Такъ самъ Эдигей, раздраженный неповиновеніемъ Василія Димитріевича, встрѣтилъ мужественный отпоръ подъ стѣнами столицы и могъ взять только временный окупъ. Ханы прибѣгали иногда къ рѣшительнымъ мѣрамъ и назначали въ достоинство Великаго Князя потомковъ не Іоанна Калиты: но уже поздно; Государи Московскіе не уступали своихъ правъ. Однимъ сло-

вомъ Москва еще не дерзала на рѣшительную борьбу съ Ордою, обращалась къ ней иногда въ случаѣ необходимости для собственныхъ выгодъ, постоянно ласкала ее; но въ тоже время не рѣдко оказывала явное ослушаніе и не скрывала надежды на близкую свободу: въ рѣдкой договорной граммате Великихъ Князей съ удѣльными не находимъ словъ: *аще Богъ освободитъ отъ Орды.*

При твердомъ намѣреніи потомковъ Калиты свергнуть иго, при очевидномъ превосходствѣ Русскихъ надъ Монголами въ успѣхахъ жизни гражданской, при явномъ изнеможеніи Орды, рабство наше не могло быть продолжительно: оно приближалось къ концу; но слѣды его уже обнаружились.

130. Монголы оставили глубокіе слѣды въ нашемъ отечествѣ. Вліяніе ихъ на судьбу Руси наиболѣе замѣтно въ ходѣ самыхъ событій, въ раздробленіи Русской земли на двѣ части на Московскую и Литовскую, въ перевѣсѣ Князя Московскаго надъ удѣльными. Это однакожь не главное и притомъ едва ли прямое слѣдствіе нашего рабства: правда, поддерживая домъ Іоанна Калиты, Ханы сильно потрясли удѣльную систему и приготовили для Руси Единодержавіе; но соображая Исторію свою до Монголовъ, мы вправѣ сказать, что и безъ нихъ удѣльная система, при новыхъ, лучшихъ понятіяхъ о правахъ вер- Слѣдствія ига.

ховной власти, рушилась бы такъ точно, какъ пала феодальная въ западной Европѣ, гдѣ зло вкоренилось еще глубже. Притомъ же Ханы не всегда покровительствовали Князей Московскихъ: со временъ Димитрія Донскаго, они неоднократно покушались исторгнуть у нихъ первенство, отдавая Великокняжескій престолъ Князьямъ Тверскимъ, Нижегородскимъ, Рязанскимъ. Монгольская печать глубоко врѣзалась въ многообразныхъ формахъ жизни общественной или внутреннемъ устройствѣ и въ характерѣ народномъ. Съ перваго взгляда вліяніе Монголовъ на гражданственность Русскаго народа не могло быть значительно: они вели жизнь кочевую, далеко уступали намъ въ развитіи ума, не могли передать намъ ни какихъ идей гражданскихъ; управляли нашими предками издали, не смѣшиваясь съ ними; наконецъ мы видѣли въ нихъ злодѣевъ, нехристей, и все *Татарское* считали поганымъ; при всемъ томъ они властвовали надъ Русью долго, болѣе 2 вѣковъ: вліяніе было неминуемо.

Для объясненія слѣдствій нашего ига, необходимо сравнить, въ главныхъ условіяхъ жизни общественной, Русь XIII вѣка съ Русью XV вѣка, чтобы видѣть, какія перемѣны произошли въ государственномъ организмѣ. Главные предметы, на кои должно обратить вниманіе, суть: 1) Право верховной власти; 2)

Сословія народныя; 3) Государственное управленіе въ отношеніи къ сбору податей, суду и расправѣ; 4) Дѣло ратное; 5) Языкъ; 6) Вѣра.

Верховн. власть.

До Монголовъ верховная власть надъ Русскою землею принадлежала всему роду Владиміра св., раздѣленному на многія отрасли. Каждый потомокъ его имѣлъ право на удѣлъ и въ своемъ участкѣ былъ Государь неограниченный: производилъ судъ и расправу, воевалъ и мирился по произволу, собиралъ подати, оставлялъ свой удѣлъ въ наслѣдство дѣтямъ. Каждый владѣтель довольствовался простымъ титуломъ Князя, исключая старшихъ въ родѣ, кои назывались Великими Князьями, вступалъ на свой *столъ* безъ пышныхъ обрядовъ, имѣлъ не многочисленную Дружину или Дворъ, самъ собиралъ подати, самъ производилъ судъ и расправу и распоряжалъ дѣлами ратными на полѣ брани.

При Монголахъ, въ концѣ ихъ владычества, верховная власть надъ Русскою землею сосредоточивалась въ немногихъ поколѣніяхъ и притомъ такъ, что только одно лице давало направленіе общимъ дѣламъ государственнымъ: безъ согласія его, Князья удѣльные не могли ни воевать, ни мириться, иначе подвергались опасности потерять свои удѣлы. Верховный Князь носилъ титулъ Великаго Князя всея Руси, принималъ свое достоинство торжественно въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ; прочіе потомки Владиміра св. удержали названіе Князей, но исклю-

чая двухъ или трехъ не изъ дома Іоанна Калиты, утратили всѣ права удѣльныя и вошли въ разрядъ подданныхъ. Столь важная перемѣна въ понятіяхъ о верховной власти была слѣдствіемъ мудрой политики Государей Московскихъ, коимъ много однакожъ содѣйствовали Монголы.

Сословія народныя.

Менѣе перемѣнъ замѣтно въ состояніи народа, въ раздѣленіи его на сословія, въ кругѣ его обязанностей и въ отношеніяхъ къ верховной власти. Сословія народныя по прежнему были высшее, среднее и низшее. Къ первому относились *мужи Княжіе* или тѣ особы, которыя составляли Княжескій совѣтъ и занимали почетныя мѣста въ управленіи. Они имѣли званія *Бояръ,* первостепенныхъ сановниковъ, *Воеводъ,* предводителей войска, *Намѣстниковъ,* областныхъ правителей, и *Тіуновъ* или судей. Къ среднему классу принадлежали владѣльцы поземельные, подъ именемъ *Дѣтей Боярскихъ, люди градскіе,* граждане, *гости;* они имѣли свою собственность недвижимую. Въ низшемъ классѣ состояли *черные люди и смерды* (крестьяне), неимѣвшіе ни земли, ни собственныхъ домовъ, однакожъ лично свободные, наконецъ *холопи,* крѣпостные люди: это были плѣнники, или несостоятельные должники, давшіе на себя кабалу. Всѣ вообще сословія вполнѣ зависѣли отъ своего Государя и были обязаны ему безотчетнымъ повиновеніемъ. Одни Бояре могли переходить отъ Князя къ Князю, но въ такомъ случаѣ

теряли свои помѣстья. Монголы не имѣли прямаго вліянія на развитіе гражданскихъ понятій нашихъ: ибо не могли передать намъ ничего новаго. Замѣтно однакожь, что при нихъ власть Князей въ отношеніи къ подданнымъ усилилась болѣе прежняго: до Монголовъ неоднократно встрѣчаются Вѣча, или народныя собранія въ Ростовѣ, Владимірѣ, Кіевѣ; при Монголахъ Вѣча вездѣ замолкли, исключая Новгорода и Пскова. Все стало покорствовать безъ всякаго условія Великому Князю: въ немъ одномъ видѣли избавителя отъ тяжкаго рабства; ему готовы были жертвовать и имуществомъ и жизнію.

Сборъ податей.

Прямое, непосредственное вліяніе ига обнаружилось въ государственномъ управленіи, относительно къ двумъ главнымъ предметамъ, сбору податей и суду. До Монголовъ финансовая система наша имѣла самыя простыя основанія: внутреннее устройство не требовало отъ Государя значительныхъ издержекъ: заведеній общественныхъ не было; судьи получали пошлины съ вершенныхъ дѣлъ; люди ратные содержали себя сами; въ награду за усердіе или за отличные подвиги, Князь раздавалъ добычу, земли; а чаще всего угощалъ своихъ сподвижниковъ роскошными пирами. Государственные расходы ограничивались издержками на содержаніе Князя, его семейства и двора. Для покрытія ихъ, онъ имѣлъ свои *Княжескія села*, съ коихъ получалъ доходы естественными про-

изведеніями, подобно всѣмъ поземельнымъ владѣльцамъ; имѣлъ свои заповѣдные лѣса, рыбныя ловли; сверхъ того въ извѣстное время года объѣзжалъ свой удѣлъ и собиралъ дань натурою, по мѣрѣ возможности, и едва ли въ опредѣленномъ количествѣ, хлѣбомъ, медомъ, воскомъ, живностію; наконецъ съ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлъ обвиненный судомъ платилъ виру или пеню въ казну Княжескую. При такой ограниченности государственныхъ расходовъ, владѣльцы поземельные и люди житые жертвовали Князю только избыткомъ своего достоянія; промышленность сельская и городская имѣла путь свободный, не встрѣчая заставъ между отдѣльными Княжествами; наконецъ не было большой необходимости въ звонкой монетѣ: предки наши знали цѣну серебра и золота, охотно брали то и другое отъ Грековъ и Нѣмцевъ, для удобнѣйшей покупки чужеземныхъ товаровъ; но въ домашнемъ быту не встрѣчали въ дорогихъ металлахъ особенной надобности, и обыкновенною ходячею монетою была мягкая рухлядь подъ названіемъ кунъ, бѣлокъ и проч.

Монголы ввели новую, дотолѣ неизвѣстную намъ финансовую систему: покоривъ Русь и всѣми силами удерживая надъ нею господство преимущественно изъ корысти, они требовали съ насъ дани. Сборъ дани въ первые годы нашего рабства было ничто иное, какъ грабежъ. Ханы присылали своихъ Баскаковъ съ войскомъ

брать все, что можно было взять, или отдавали Русскія Княжества въ откупъ Хивинцамъ, Бухарцамъ, Армянамъ, Жидамъ, которые также приходили съ вооруженными отрядами и собирали десятину поголовно. Въ послѣдствіи, когда иго смягчилось, въ XIV столѣтіи Князья Московскіе приняли на себя доставлять Ханамъ *Ордынскій выходъ*. Количество его опредѣлительно неизвѣстно: Димитрій Донской вносилъ 5000 рублей тогдашнихъ на свою долю; прочіе Князья по соразмѣрности. Надлежало изыскивать всѣ средства къ удовлетворенію корыстолюбія Орды: кромѣ выхода, Князья Московскіе должны были доставлять Ханамъ, женамъ ихъ, мурзамъ богатые подарки и притомъ гораздо болѣе другихъ Князей, своихъ соперниковъ: ибо только дарами они могли поддержать свое право на первенство. Для покрытія столь тягостной повинности, введены были разнообразные налоги, отчасти съ Татарскими названіями: со всѣхъ произведеній сельской и городской промышленности взималась пошлина въ разныхъ видахъ, за провозъ, за складку, за мѣру, за вѣсъ, за куплю, за продажу; съ дворовъ, лавокъ, съ земли, съ рыбныхъ ловель, съ мелницъ, со всего сбирали подать. Однимъ словомъ Русскій не могъ ни купить, ни продать самаго ничтожнаго предмета промышленности безъ явки и безъ пошлины; для этой цѣли учреждены были за-

ставы въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ, при всѣхъ перевозахъ: ихъ отдавали обыкновенно на откупъ. Металлическая монета, подъ Татарскимъ названіемъ *деньги* и *алтына*, нерѣдко съ Татарскимъ клеймомъ, замѣнила прежнюю мѣну произведеній.

Легко вообразить, какъ много затрудняли эти налоги развитіе промышленности внутренней и внѣшней: въ самомъ дѣлѣ она какъ будто онѣмѣла. Кромѣ частаго опустошенія городовъ и селъ Монголами, самая безнадежность пользоваться плодами трудолюбія отнимала руки у земледѣльцевъ и у городскихъ промышленниковъ. Даже Великіе Князья (напр. Іоаннъ Калита), были бѣднѣе нынѣшнихъ зажиточныхъ дворянъ. Одинъ Новгородъ постоянно расширялъ кругъ своей торговой дѣятельности: отдаленный отъ Монголовъ, безопасный отъ ихъ вторженій, онъ находился въ тѣсной связи съ Нѣмецкими землями, былъ вторымъ въ числѣ городовъ, составлявшихъ Ганзу, получалъ отъ нея товары Европейскіе, передавалъ ей произведенія востока и славился своими богатствами. Примѣру его слѣдовалъ отчасти и Псковъ. Но цвѣтущее состояніе этихъ городовъ не могло оживить внутреннія области нашего отечества, гдѣ народъ, обремененный налогами, страдалъ въ бѣдности, а города знаменитые, Кіевъ, Черниговъ, лежали въ развалинахъ.

Судъ и расправа.

Тягость налога, падавшаго на среднія и низшія сословія, влекла за собою не менѣе пагуб-

ныя слѣдствія въ другомъ отношеніи: народъ прибѣгалъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы облегчить злополучную участь; унижаясь предъ откупщиками, обманывая ихъ, привыкая къ разнымъ уловкамъ, свойственнымъ человѣку, угнетенному неволею, онъ утратилъ прежнюю благородную гордость и познакомился со многими пороками. Новый порядокъ суда и расправы былъ неизбѣженъ.

До Монголовъ, за самыя важныя преступленія виновный платилъ только своимъ имуществомъ, внося опредѣленную закономъ пеню; обвиняемый же въ преступленіи недоказанномъ былъ судимъ смотря по уликамъ или по свидѣтельству постороннихъ лицъ, и нерѣдко могъ оправдать себя присягою или судебнымъ поединкомъ. Тѣлесное наказаніе не было терпимо ни въ какомъ случаѣ. Выраженіе *да будетъ мнѣ стыдно,* служило порукою въ ненарушимости самыхъ священныхъ обязательствъ. Монголы ввели свою расправу: требуя дани, они выводили должниковъ на *правежъ,* сѣкли кнутомъ, пытали, казнили смертію, чтобы страхомъ муки получить то, чего хотѣли. Правда они не вмѣшивались въ судъ гражданскій; но какъ съ одной стороны, при тяжкомъ наказаніи должниковъ, уголовные преступники не могли ожидать лучшей доли; съ другой же стороны, нравы народные загрубѣли и денежная пеня стала возмездіемъ недостаточнымъ: то расправа Татарская мало

по малу введена была и въ дѣлахъ гражданскихъ. Со времени Донскаго уголовныхъ преступниковъ казнили уже смертію. Правежъ, кнутъ, пытка, оставались долго памятниками владычества Монголовъ, доколѣ успѣхи образованности не смягчили нравовъ.

Дѣло ратное.

Наконецъ въ дѣлѣ ратномъ замѣтна также значительная перемѣна. Въ древнихъ походахъ на Грековъ, Печенѣговъ, Половцевъ, въ междоусобныхъ распряхъ, война постоянно была дѣломъ Княжескихъ *дружинъ*; каждый Князь имѣлъ свою Она состояла изъ *Бояръ*, *Отроковъ*, *Мечниковъ*. Съ нею обыкновенно совѣтовался Князь о дѣлахъ общественныхъ, презъ нее производилъ судъ и расправу; она же была и главнымъ войскомъ его. Отправляясь въ походъ, Князь вооружалъ свою дружину топорами, саблями, мечами, стрѣлами, копьями, и присоединивъ къ ней на время войны нужное число *воевъ* или ратниковъ изъ своихъ слугъ, иногда изъ купцовъ и градскихъ обывателей, рѣдко изъ земледѣльцевъ, составлялъ *полкъ*, раздѣлявшійся на стрѣлковъ и копѣйщиковъ. Главный воевода полка именовался *Тысяцкимъ*; впрочемъ рѣдкій Князь не самъ предводительствовалъ своею *ратью*. При звукѣ трубъ, вои собирались около Княжескаго *стяга* или знамени, и выступали въ походъ: за ними везли оружіе, которое воины разбирали предъ началомъ самой битвы. Впереди *сторожи* развѣдывали путь, добывали *языковъ*,

искали *сакму* или слѣдъ непріятелей, стараясь узнать по оному о числѣ ихъ и направленіи. Встрѣтясь съ врагами въ полѣ, союзные Князья *держали совѣтъ* и устроивали полки: каждый занималъ опредѣленное мѣсто. Отрядъ стрѣлковъ начиналъ битву, пуская тучу стрѣлъ; потомъ вступали въ рукопашный бой: иногда хватались за руки и сѣклись мечами. Князь обыкновенно былъ впереди, съ копьемъ или топоромъ въ рукѣ, ободряя воиновъ словами и еще болѣе собственнымъ примѣромъ. Войско малочисленное ограждало себя *осѣкомъ* или тыномъ изъ кольевъ съ насыпью. Участь битвы обыкновенно зависѣла отъ смѣтливости Князей: обыкновенно одерживалъ побѣду тотъ, кто успѣвалъ зайти врагу въ тылъ и разстроить его нечаяннымъ ударомъ. Веселый пиръ и добыча была наградою побѣдоносной дружинѣ.

Подъ владычествомъ Монголовъ, военное искусство наше, не измѣняясь въ основѣ, въ общей идеѣ, мало по малу получило особенный характеръ, отпечатокъ времени и обстоятельствъ. Главное войско состояло по прежнему въ Княжеской дружинѣ или въ *дворѣ;* однако часто долженъ былъ вооружаться и весь народъ. Сверхъ того, при постоянномъ изнеможеніи, мы отвыкли встрѣчать враговъ въ открытомъ полѣ и болѣе любили воевать подъ защитою крѣпостей. Поголовное ополченіе и оборонительная война суть двѣ отличительныя черты ратнаго дѣ-

ла нашего при Монголахъ. Прибавимъ и третью: Норманны язычники ободряли себя въ битвахъ мыслію объ Одинѣ, о наслажденіяхъ въ Валгаллѣ; Руссы христіане въ походахъ Половецкихъ призывали на помощь Пресвятую Богородицу, въ распряхъ междоусобныхъ мечтали о славѣ; при Татарахъ умирали съ единственною мыслію о терновомъ вѣнцѣ Христовомъ. Въ устройствѣ ратей, въ раздѣленіи и отчасти въ вооруженіи войскъ, въ самомъ образѣ войны, мы встрѣчаемъ многое, чего не видимъ въ древней Руси и что могло быть заимствовано отъ Монголовъ. По примѣру ихъ, мы раздѣляли свои рати на десятни, сотни и тысячи; движеніями ея управляли два или три Воеводы, изъ коихъ одинъ былъ старшимъ; главное же, мы дѣйствовали исключительно конницею и притомъ вооружали весь народъ, такъ, что когда во всей Европѣ болѣе и болѣе убѣждались въ необходимости войскъ постоянныхъ, мы, уже чуждые Европѣ, вступивъ въ сферу Азіатскихъ народовъ, перенимали ратное дѣло у своихъ властителей; мало думали объ искусствѣ и славѣ: желали только сокрушить враговъ массою силъ и опустошить въ конецъ непріятельскую землю.

Языкъ. На языкъ и церковь Монголы не имѣли прямаго вліянія: исключая немногихъ словъ, означавшихъ нѣкоторые, неизвѣстные намъ до нихъ

предметы, [1]) языкъ Русскій не принялъ ни какихъ формъ Татарскихъ; сохранилъ свою чистоту, свою стройность и по прежнему служилъ единственнымъ средствомъ къ выраженію мыслей для всѣхъ сословій свѣтскихъ и духовныхъ, во всѣхъ случаяхъ жизни общественной и домашней. Несчастныя обстоятельства, въ коихъ находилась Русь подъ игомъ Монголовъ, не могли благопріятствовать успѣхамъ нашей словесности; при всемъ томъ языкъ сдѣлался обильнѣе словами и оборотами: Русскіе вполнѣ чувствовали свое злополучіе, не могли утаить своей горести, говорили смѣло противъ Татаръ и для выраженія своей ненависти, своего злосчастія, старались быть краснорѣчивыми. Отъ того, сравнивая письменные памятники XII столѣтія съ памятниками XV вѣка, мы находимъ въ послѣднихъ болѣе точности, ясности, опредѣлительности; формы стали обильнѣе и разнообразнѣе.

Вѣра.

Въ томъ же смыслѣ Монголы содѣйствовали развитію религіозныхъ понятій. Одна только вѣра, надежда на Бога, могла облегчить страданія народныя. Умы приняли религіозное направленіе; возникли многіе монастыри, въ по-

1) Напримѣръ введены слова: алтынъ, аршинъ, аулъ, базаръ, балалайка, барышъ, башня, буеракъ, и другія немногія, изъ коихъ неболѣе 50 доселѣ сохранились въ языкѣ; другія исчезли вмѣстѣ съ владычествомъ Монголовъ.

слѣдствіи знаменитые; [1]) Московскіе Митрополиты стали дѣятельно участвовать въ дѣлахъ государственныхъ, поддерживали Самодержавіе и не взирая на дарованныя Ханами льготы, благословляли Князей и народъ на борьбу съ злодѣями земли Русской. Это религіозное направленіе однакожь не было фанатизмомъ: всегда благоразумные въ дѣлахъ вѣры, предки наши чуждались только нововведеній, крѣпко держась старины. И догматы и обряды церкви остались неприкосновенными. Такимъ образомъ давъ иное направленіе почти всѣмъ условіямъ жизни общественной, Монголы не измѣнили того, что служитъ залогомъ самобытности народной, ни языка, ни вѣры.

Болѣе перемѣнъ замѣчаемъ въ судьбѣ Западной Руси: тамъ съ конца XIV вѣка обнаружилось Польское вліяніе.

2. *Великое Княжество Литовское.*

ставъ его. 131. Домъ Гедимина въ одно столѣтіе присвоилъ себѣ цѣлую половину Руси Ярославо-

1) Троицко-Сергіевскій; Валаамскій; Ипатьевскій; Чудовъ; Симоновъ; Савинъ; Вознесенскій; Срѣтенскій; Кириллобѣлозерскій; Соловецкій, и многіе другіе. Вообще съ 1240 по 1480 основано до 150 монастырей.

вой и Мономаховой. Гедиминъ, наслѣдовавъ отъ Витена Литву въ собственномъ смыслѣ, заключавшуюся въ предѣлахъ нынѣшней Виленской губерніи, присоединилъ къ ней сначала Кривскія Княжества Полоцкое, Минское, Витебское, частію посредствомъ родственныхъ связей, частію силою оружія. Здѣсь онъ нашелъ средства безъ труда овладѣть югозападною Русью или Княжествами Черниговскимъ, Кіевскимъ и Волынскими. Однѣ области достались ему также по родственнымъ связямъ; другія по праву завоеванія: Князей онъ сокрушалъ оружіемъ; народъ склонялъ на свою сторону надеждою на свободу отъ ига Монгольскаго. Сынъ его Олгердъ вытѣснилъ мелкія орды Монгольскія изъ Подоліи и раздвинулъ предѣлы своего государства до устья Днѣпровскаго. Витолдъ наконецъ овладѣлъ Смоленскомъ. Соединенныя такимъ образомъ Русскія земли получили названіе Литовскаго Княжества. Въ половинѣ XV вѣка оно простиралось на сѣверъ до Динабурга, Великихъ Лукъ и Вязьмы; на востокъ до Калуги, Курска и Ворсклы; на югъ до устья Днѣпровскаго; на западъ до Люблина, Дрогичина и Ковна.

Въ составъ Литовскаго Княжества вошли слѣдующія земли:

I. *Литовскія* въ собственномъ смыслѣ: 1) *Литва,* восточная часть нынѣшней Виленской губерніи, раздѣлявшаяся на воеводства Виленское

и Трокское; 2) *Жмудь* или Шамайте (Самогиція), западная часть Виленской губерніи, нынѣ уѣзды Россіенскій, Шавльскій, и Тельшевскій. Въ Литвѣ и Жмуди обитали коренные Литовцы, крещенные при Ягеллѣ въ Римскокатолическую вѣру; но обѣ эти страны не составляли и 12 части Великаго Княжества; въ прочихъ 11 частяхъ обиталъ Русскій народъ.

II. *Русскія земли:* 1) *Бѣлая Русь,* Княжества Полоцкое, Минское, Витебское, Смоленское, Мстиславское; 2) *Черная Русь,* воеводства Новогродское, Слонимское, Волковиское, Слуцкое; 3) *Полѣсье,* воеводства Брестское, Пинское; 4) *Подляхія* (нынѣ часть Бѣлостокской области), страна древнихъ Ятвяговъ съ Русскими городами Бѣльскомъ и Дрогичиномъ: 5) *Волынь,* воеводства Луцкое, Владимірское, Кременецкое; 6) *Подолія,* воеводства Каменецкое, Летичевское; 7) *Украйна,* воеводства Кіевское, Черниговское и Новгородъ-сѣверское.

Заключая въ предѣлахъ своихъ преимущественно Русскія земли, Литовское Княжество, до вступленія Ягелла на Польскій престолъ, представляло такой же союзъ Княжествъ, какой мы видѣли въ Восточной Руси. Тамъ были Князья частію изъ рода Гедимина, частію изъ рода Владиміра св. Поколѣніе Гедимина было господствующимъ и находилось въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Княжескимъ отраслямъ изъ рода Владиміра св., къ Князьямъ Мстиславскимъ, Во-

ротынскимъ, Одоевскимъ, Брянскимъ, Трубчевскимъ, въ какихъ былъ домъ Калиты къ Князьямъ Тверскимъ, Рязанскимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ. Великій Князь Литовскій стремился ко неограниченному, самодержавному господству надъ всею Западною Русью и утверждалъ первенство въ своемъ семействѣ, устраняя какъ боковыя отрасли своего дома, такъ и другія владѣтельныя поколѣнія. [1]) Одни изъ удѣльныхъ Князей безпрекословно признавали его своимъ Государемъ, удерживая впрочемъ наслѣдственное право на извѣстные города; [2]) другіе спорили съ нимъ за самостоятельность, заключали договоры, разрывали ихъ и въ случаѣ неудачи дружились съ Государями Московскими, [3]) такъ точно, какъ непріятели потомковъ Іоанна Калиты искали помощи у Литовскихъ Государей. Однимъ словомъ здѣсь повторялась Исторія Москвы, съ тѣмъ однако важнымъ различіемъ, что въ распри Князей Литовскихъ не вмѣшивались Монголы, утратившіе право господства надъ Югозападною Русью уже со временъ Олгерда. Легко понять, что при такомъ ходѣ событій, Литовское Княжество,

1) Гедиминъ передалъ верховную власть своимъ дѣтямъ; Олгердъ своимъ, устранивъ братьевъ и племянниковъ. Ягелло тоже.
2) Таковы были Князья Одоевскіе, Трубчевскіе, Карачевскіе, Острожскіе, Слуцкіе, Друцкіе.
3) Олгердъ спорилъ съ братьями; Витолдъ и Свитригайло съ Ягелломъ.

представляя систему Русскихъ Княжествъ, выражало всѣ условія Русской жизни, тѣмъ болѣе, что дѣти и внуки Гедимина исповѣдывали христіанскую вѣру по Греческому закону.

Вліяніе Польши.

132. По вступленіи Ягелла на Польскій престолъ, дѣла приняли иной оборотъ. Не взирая на слабость союза Литовскаго Княжества съ Польшею, на рѣшительное намѣреніе Князей и народа расторгнуть его, Поляки исподоволь успѣли ввести въ Западную Русь гораздо болѣе новизнъ, несродныхъ Русскому народу, чѣмъ Монголы въ Восточную, хотя первые были только союзниками и то менѣе 100 лѣтъ, а вторые властвовали безотчетно уже два вѣка. Польское вліяніе началось при Ягеллѣ, усилилось при его преемникахъ и въ половинѣ XV вѣка было замѣтно въ образѣ правленія, въ составѣ народныхъ сословій, въ правахъ и обязанностяхъ разныхъ классовъ, въ судѣ и расправѣ. Не надобно думать, что Поляки въ XIV и XV столѣтіяхъ далеко превосходили Русскихъ успѣхами гражданственности: Русская жизнь, развившись изъ собственныхъ началъ, имѣла многія выгоды предъ Польскою, выражая во всемъ, если не зрѣлость уставовъ, по крайней мѣрѣ согласіе элементовъ своихъ. Виною Польскаго вліянія на Западную Русь были иныя обстоятельства. Болѣе всего содѣйствовалъ тому самъ Ягелло: чтобы получить руку прекрасной Ядвиги, онъ

обѣщалъ Полякамъ соединить Великое Княжество съ Королевствомъ въ одно государство, не опредѣливъ впрочемъ условій соединенія. Но какъ въ слѣдъ за тѣмъ Витолдъ присвоилъ верховную власть въ Литовскомъ Княжествѣ и обнаружилъ рѣшительное намѣреніе утвердить его самостоятельность; то Ягелло, въ надеждѣ разрушить замыслы соперника, на Городельскомъ Сеймѣ издалъ постановленіе, коимъ Ли- 1413.
товское дворянство уравнено съ Польскимъ во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ: оно получило право собираться на Сеймы, для сужденія о дѣлахъ государственныхъ; неограниченную власть въ своихъ помѣстьяхъ; гербы, званія по образцу Польскому. Послѣ того Ягелло царствовалъ еще двадцать лѣтъ и во все время продолжительнаго царствованія своего неутомимо заботился о тѣсномъ союзѣ обоихъ народовъ уравненіемъ ихъ во всѣхъ правахъ, считая это средство единственнымъ способомъ удержать за своимъ потомствомъ наслѣдственное государство. Такимъ образомъ уже при немъ въ Литовскомъ Княжествѣ установились Сеймы; появились могущественные магнаты; возникла шляхта или мелкопомѣстное дворянство; многіе города получили такъ называемое Магдебурское право; государство раздѣлилось на воеводства и повѣты; Воеводы, Каштеляны, Старосты, Земскіе Судьи замѣнили прежнихъ Намѣстниковъ, Посадниковъ, Волостелей и Тіуновъ. Все это влекло

за собою многія перемѣны въ образѣ внутренняго управленія, въ судѣ и расправѣ, въ сборѣ податей, въ дѣлѣ ратномъ, наконецъ въ правахъ и обыкновеніяхъ. Польскій аристократизмъ обнаружился въ Литовскомъ Княжествѣ, и сынъ Ягелла Казимиръ уже долженъ былъ угождать Сеймамъ.

Языкъ. 133. Впрочемъ, около половины XV вѣка, Польскія формы еще не успѣли совершенно вытѣснить Русскія: Литовское Княжество удержало свои гражданскіе законы, свою монету; спасло и главные элементы народности, языкъ и вѣру. При Виленскомъ дворѣ, въ высшемъ обществѣ, въ судопроизводствѣ, въ богослуженіи, господствующимъ языкомъ былъ Русскій. Правда, при недостаткѣ твердыхъ, положительныхъ правилъ, онъ уже началъ принимать Польскія слова, отчасти самые обороты; но какъ для тѣхъ и другихъ находились равносильныя слова и обороты въ Русскомъ языкѣ, то онъ безъ труда могъ освободиться отъ несродныхъ ему новизнъ подъ перомъ искуснаго писателя [1]).

1) Въ актахъ Князей Литовскихъ XV вѣка, писанныхъ обыкновенно по Русски, встрѣчаются слѣдующія слова: *предкове* предки, *шкоды* вредъ, *абыхмо* чтобы мы, *казалъ* приказалъ, з' *Вильны* изъ Вильны; *маетъ* имѣетъ; *за дѣда нашого* при дѣдѣ нашемъ; *тымъ рѣчомъ* тѣмъ рѣчамъ. — Такія новизны безъ сомнѣнія не могли измѣнить основнаго характера языка; притомъ же онѣ встрѣчаются изрѣдка, и всѣ бумаги Литовскія XV вѣка легко можетъ понимать каждый незнающій по Польски.

Вѣра же Греческаго закона сохранилась во всей чистотѣ ея первобытной. Напрасно Ягелло, по внушенію Римскаго двора или Польскаго духовенства, думалъ насильственными мѣрами поколебать православіе, запрещая браки католиковъ съ не-католиками, не дозволяя последователямъ Грекороссійской церкви занимать государственныя должности, покровительствуя приверженцевъ Римскаго закона: старанія его были безуспѣшны и только раждали непріязнь между обоими народами; въ Литовскомъ Княжествѣ неоднократно обнаруживалось всеобщее желаніе разорвать тягостный союзъ съ Польшею. Преемники Ягелла, прекративъ гоненіе за вѣру, руководствовались до конца XV вѣка благоразумною терпимостію, окружали себя вельможами Греческаго закона и нѣсколько разъ подтверждали права, дарованныя православному духовенству Ярославомъ I и другими Князьями изъ дома Владиміра св. Самое отдѣленіе Кіевской митрополіи отъ Московской, бывшее слѣдствіемъ не религіознаго раскола, а политики Витолда, не имѣло вреднаго вліянія на православіе. Кіевскій Митрополитъ, по примѣру Московскаго, относился въ дѣлахъ церковныхъ не къ Папѣ, а къ Царяградскому Патріарху. Догматы вѣры и обряды церкви остались неприкосновенными. Вѣра.

Въ первой половинѣ XV вѣка опасность иннаго рода угрожала Грекороссійской церкви въ Литовскомъ Княжествѣ; вскорѣ однакожъ и она Соборъ Флорен.

миновала, не оставивъ почти никакихъ слѣдовъ: то было такъ называемое Флорентійское Соединеніе, снова доказавшее непоколебимость Русскихъ въ православіи. Императоръ Византійскій Іоаннъ Палеологъ, утративъ почти всѣ области своей Имперіи, завоеванныя Турецкимъ Султаномъ Амуратомъ, и опасаясь вскорѣ потерять самую столицу, рѣшился искать помощи у западныхъ Вѣнценосцевъ. Папа Евгеній IV обѣщалъ ему воздвигнуть всю Европу противъ Турковъ, если Греческое духовенство согласится съ Римскимъ на соединеніе Восточной церкви съ Западною. Императоръ, доведенный до крайности, принялъ вызовъ Папы; положено было созвать въ Италіи Соборъ для разсмотрѣнія глав-
1438. ныхъ пунктовъ раскола. Сначала онъ открылся въ Феррарѣ, куда собрались знатнѣйшія духовныя особы Греческія и Римскія; въ числѣ первыхъ былъ и Московскій Митрополитъ Исидоръ, родомъ изъ Ѳессалоники, снискавшій дружбу Папы еще до посвященія своего въ санъ Россійскаго Іерарха. Ученые Богословы съ той и другой стороны 15 разъ сходились для рѣшенія четырехъ главныхъ вопросовъ: 1) о происхожденіи св. Духа; 2) о чистилищѣ, 3) о просфорахъ; 4) о первенствѣ Папы. Ефесскій Митрополитъ Марко, мужъ ученый и непоколебимый, обличивъ ясными доводами заблужденія Латинскихъ Ѳеологовъ, удерживалъ Императора отъ согласія на соединеніе. Соборъ перенесенъ во Флоренцію: здѣсь, во-

преки всѣмъ усиліямъ Марка, Греческіе Святители, отчасти обольщаемые надеждою спасти Имперію помощію Папы, отчасти принуждаемые угрозами, силою, томимые голодомъ, уступили Латинскимъ и признали первенство Папы, о чемъ Римскій дворъ болѣе всего заботился. 1439.

Папа и Императоръ равно обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: вся Греція изъявила громкій ропотъ противъ Флорентійскаго Соединенія; весьма не многіе согласились признать Папу главою христіанства; народъ бѣжалъ изъ храмовъ, гдѣ слышалъ имя его. Усердіе къ защитѣ Имперіи уступило мѣсто Богословскимъ преніямъ, которыя кончились тѣмъ, что Папа былъ отверженъ, а Константинополь взятъ Магометомъ II, успѣвшимъ воспользоваться несогласіями Грековъ. Еще менѣе успѣха видѣлъ Папа въ Русской землѣ. Исидоръ, подписавшій постановленіе Флорентійскаго Собора, едва появился въ Москвѣ и произнесъ на литургіи имя Папы, Великій Князь Василій Васильевичъ Темный торжественно уличилъ его въ ереси и предалъ суду духовному и свѣтскому. Обвиненный въ предательствѣ вѣры изъ личныхъ выгодъ корыстолюбія, онъ былъ заключенъ въ Чудовъ монастырь, откуда тайно бѣжалъ въ Римъ и умеръ тамъ въ санѣ Кардинала. Евгеній надѣялся, по крайней мѣрѣ, утвердить свою власть въ Литовскомъ Княжествѣ: въ самомъ дѣлѣ Исидоръ, самовольно принявъ званіе Патріарха, успѣлъ, при содѣйствіи

Казимира, возвести на Кіевскую митрополію ученика своего Григорія Болгарина, вмѣстѣ съ нимъ бѣжавшаго изъ Москвы; но Григорій былъ единственный Митрополитъ Западной Руси, признававшій власть Папскую; по смерти его, въ теченіе 150 лѣтъ всѣ Кіевскіе Митрополиты отвергали Соборъ Флорентійскій, поддерживали православіе и искоренили слѣды Исидорова ученія.

Со временъ Витолда, Литовскіе Митрополиты имѣли свое пребываніе преимущественно въ Вильнѣ, частію въ Новогродкѣ, рѣдко въ Кіевѣ, и завѣдывали православными Епископами Полоцкимъ, Смоленскимъ, Черниговскимъ, Брянскимъ, Туровскимъ, Луцкимъ, Владимірскимъ, Хелмскимъ, Галицкимъ. Грекороссійское духовенство менѣе всѣхъ другихъ сословій получило выгодъ отъ союза Литовскаго Княжества съ Польшею: Великіе Князья неоднократно старались уравнять его въ правахъ съ Латинскимъ духовенствомъ и нѣсколько разъ торжественно обѣщали дать Митрополиту и Епископамъ мѣсто въ Сенатѣ и на Сеймахъ; но по упорству Римскаго двора, эти обѣщанія никогда не были исполняемы, и Русское духовенство должно было терпѣть весьма многія неудобства.

Для малочисленныхъ послѣдователей Римскаго закона, появившихся въ Западной Руси съ

конца XIV вѣка, Ягелло учредилъ Епископство въ Кіевѣ.

134. Въ заключеніе бросимъ взглядъ на состояніе Ливонскаго Ордена отъ конца XIII вѣка до половины XV столѣтія: судьба его тѣсно связана съ Исторіею Руси. Основанный Албрехтомъ Буксгевденомъ, подъ имецемъ *Братства креста Господня,* для обращенія обитателей нынѣшней Лифляндіи въ христіанскую вѣру, Ливонскій Орденъ, чрезъ 36 лѣтъ послѣ своего основанія, принужденъ былъ соединиться съ Тевтонскимъ Орденомъ, утвердившимся съ тою же цѣлію въ началѣ XIII вѣка въ Пруссіи, и вскорѣ овладѣлъ всею Лифляндіею, Эстляндіею и Курляндіею. Гермейстеры его были назначаемы или утверждаемы Гросмейстерами Тевтонскими; впрочемъ Орденъ дѣйствовалъ самостоятельно. Верховная власть по дѣламъ свѣтскимъ и духовнымъ около ста лѣтъ сосредоточивалась въ лицѣ Рижскаго Епископа, возведеннаго Папою въ 1255 году въ достоинство Архіепископа: онъ имѣлъ право мира и войны, суда и расправы; раздавалъ земли и помѣстья; вообще былъ главою Ордена. Въ концѣ XIII вѣка власть его стала ослабѣвать: города, слѣдуя примѣру Ганзейскихъ городовъ, хотѣли быть независимы въ дѣлахъ внутренняго управленія; владѣльцы поземельные, получившіе отъ Архіепископа помѣстья на правѣ вассаловъ, утверждали ихъ за сво- Орденъ Ливонс.

имъ потомствомъ и составляли многочисленное сословіе феодальнаго дворянства; Гермейстеръ наконецъ стремился къ верховному, исключительному господству надъ всею Ливоніею и старался исхитить оное изъ рукъ Архіепископа силою оружія. Явная вражда партій обнаружилась въ началѣ XIV вѣка и прекратилась только съ паденіемъ Ордена въ половинѣ XVI вѣка. Главными соперниками были Архіепископъ и Гермейстеръ; перваго поддерживали города, въ особенности Рига; второй имѣлъ на своей сторонѣ Орденъ, усилившійся особенно съ тѣхъ поръ, когда Король Датскій уступилъ ему Эстляндію, утраченную въ половинѣ XIII вѣка. Междоусобія нерѣдко доходили до ожесточенія; нѣсколько разъ Рыцари брали Ригу приступомъ. Въ слѣдствіе непримиримыхъ распрей и рѣшительнаго стремленія разныхъ властей къ самостоятельности, Ливонія къ концу XV вѣка раздѣлилась на весьма многія небольшія области, изъ коихъ однѣ принадлежали духовнымъ владѣтелямъ, Архіепископу Рижскому и Епископамъ Дерптскому, Эзельскому, Курляндскому, Ревельскому; другія Ордену, т. е. Гермейстеру, Маршалу, Командорамъ, Бальи и Рыцарямъ; третьи свѣтскому дворянству; четвертыя городамъ. Отъ Архіепископа зависѣли 16 городовъ и замковъ; отъ Ордена до 60. Столицею Гермейстера былъ Венденъ. Города находились въ цвѣтущемъ состояніи и вели обширную торговлю

съ Ганзою; владѣльцы ихъ имѣли огромныя богатства и большею частію утопали въ роскоши. Связь Ливонскаго Ордена съ Тевтонскимъ была весьма слабая, особенно съ тѣхъ поръ, когда Гросмейстеръ принужденъ былъ уступить Польшѣ значительную частьОрденскихъ владѣній, и признать себя вассаломъ Короля Польскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Отечественная Исторія въ смыслѣ Науки 1 - 9.

Цѣль ея, 1; предметъ, 1. Значеніе Русской Исторіи въ кругѣ Наукъ общественнаго образованія, 2. Средства къ изученію ея, 4. Изслѣдованіе источниковъ, 4. Необходимость наблюдать связь событій, 7.

II. Очеркъ Русской Исторіи 9 - 20.

Эпохи Русской Исторіи: основаніе Руси, 9; раздѣленіе Руси, 10; покореніе Руси Монголами, 11; раздѣленіе Руси на Восточную и Западную, 12; Московское Государство, 12; В. Княжество Литовское, 13; преобразованіе Московскаго Государства во Россійскую Имперію, 15; соединеніе Русскихъ земель во одно цѣлое и органическое устройство ихъ, 17.—Періоды Русской Исторіи, 28.

3. *Источники Древней Русской Исторіи*. 21-32.

I) Сказанія современниковъ: a) лѣтописи безъименныя, 21; b) записки людей извѣстныхъ, 22; c) преданія иноземцевъ, 23; d) наблюденія иноземцевъ, 25. II) Акты государственные, 29. III) Памятники словесности, 31 IV) Изустныя преданія; 32. V) Остатки искусствъ и ремеслъ, 32.

ГЛАВА I.

Основаніе Руси.

1. *Славяне*. 33-46.

Первое появленіе Славянъ въ исторіи, 35. Судьба Славянскаго племени, 36. *Славяне южные* въ борьбѣ съ Греками, 37; нравы ихъ, 37. Борьба съ Болгарами и Аварами, 40; переселеніе въ среднюю Европу, 41. *Славяне западные*, подъ разными названіями, 41. *Славяне восточные*, 42. Сосѣди ихъ: *Латыши*, 43, *Финны*, 44, *Хазары*, 44. Поколѣнія и города восточныхъ Славянъ, 45.

2. *Норманны*. 46-57.

Очеркъ ихъ, 46; общественная жизнь Норманновъ, 47. Морскіе походы на западную и южную Европу; 49. Сношенія съ Славянами, 51 Поселеніе Норманновъ въ Славянской землѣ подъ именемъ Варяговъ, 52. Начало Руси, 53. Доказательства, что Варяги были Норманны 53: a) свидѣтельство Нестора, 54; b) свидѣтельство языка 54; c) извѣстія иноземныхъ писателей, 55; d) характеръ Князей, 55. Изслѣдованіе вопроса, какъ утвердились Норманны въ землѣ Славянской, 56.

3. *Начало Русскаго народа*. 58-89.

Быстрое расширеніе Руси и причины тому, 58. Образъ правленія, установленный Норманнами, 59. Удѣльная Система, 61. Права Князя, 63. Русь при *Рюрикѣ*, 64. Расширеніе Руси при *Олегѣ*, 66. Походъ на Византію, 67. Письменный договоръ съ Греками, 69. *Игорь* обуз-

дываетъ мятежи, 70; воюетъ съ Греками, 70. Печенѣги, 71; договоръ съ Греками, 72. Мятежъ Древлянъ, 73. *Ольга* установляетъ начало гражданскаго порядка, 74. Крещеніе ея, 75. *Святославъ*, 76. Войны его: съ Хазарами, 76; съ Болгарами Дунайскими, 77; Съ Печенѣгами, 78; съ Болгарами вторично, 79; съ Византійскимъ Императоромъ, 79; смерть его, 81. *Междоусобія Святославичей*, 81. Смерть Олега Древлянскаго, 82; убіеніе Ярополка Кіевскаго, 82. *Владиміръ язычникъ*, гроза сосѣдей, 83. — *Состояніе Руси въ* 988 *году*: отношенія племенъ, 84; удѣльное право, 85; право дани, 86; право личной и родовой мести, 86. Опасности Руси, 87.

4. *Введеніе христіанской вѣры*. 89-105.

Вліяніе св. вѣры на судьбу народовъ, 89. Крещеніе Руси, по сказанію Нестора, 90. Главныя историческія обстоятельства, 94. *Причины* быстраго распространенія св. вѣры въ Русской землѣ: a) недостатокъ Миѳологіи, 95; b) благоразуміе Греческихъ миссіонеровъ, 96; c) переводъ Библіи на Славянскій языкъ, 97; d) примѣръ св. Ольги и ревность Владиміра, 100. — *Слѣдствія* введенія христіанской вѣры: a) смягченіе нравовъ, 101; b) тѣсная связь съ образованною Греціею, 102; c) сліяніе св. вѣры съ Русскою жизнію, 103; d) установленіе языка, 104. — Сравненіе Руси съ Европейскими государствами въ X вѣкѣ, 105.

Правленіе Ярослава I. 106-122.

Распри дѣтей Владиміра св. 106; Святополкъ 107; Мстиславъ Тмутораканскій, 109. — *Ярославъ законодатель*, 110: Льготы Новгородскія, 111; Русская Правда,

113; господство св. вѣры, 115; Іерархія, 116; отношенія Руси къ Скандинавіи и къ сосѣднимъ народамъ, 118; связи съ Европейскими Государями, 121; предѣлы Руси, 122; основанія удѣльнаго права, 122.

ГЛАВА II.

Удѣльная система.

Судьба Руси по смерти Ярослава и очеркъ удѣльной системы, 123. Удѣлы были неизбѣжны, 125. Различіе удѣльной системы отъ феодальной, въ основаніяхъ 127; въ слѣдствіяхъ, 128; пространство удѣльнаго періода и главныя явленія его, 130.

1. *Уничтоженіе системы Ярославовой* 132-144.

Главныя начала Ярославовой системы, 132. Непрочность ея, 131; источники распрей, 133. Половцы, 135. *Изяславъ I,* 136; вражда старшихъ поколѣній съ младшими 136; междоусобія старшихъ поколѣній, 137. Возобновленіе вражды старшихъ поколѣній съ младшими, 138. *Всеволодъ I:* продолженіе несогласія съ младшими поколѣніями, 139. *Святополкъ II:* раздѣленіе Руси между внуками Ярослава, 140 Начало наслѣдственнаго права извѣстныхъ фамилій, 141; всеобщее междоусобіе Князей, 142. Набѣги Половцевъ, 143. Подвиги и возвышеніе Владиміра Мономаха, 144.

2. *Возобновленіе Ярославовой системы Мономахомъ*. 144 - 150.

Присвоеніе верховной власти *Мономахомъ*, 144. По-

литика его, 145; господство Мономахова дома въ Русской землѣ, 146. *Мстиславъ I* довершаетъ планы Мономаха, 147; паденіе дома Князей Полоцкихъ, 148; зависимость другихъ Князей отъ Мстислава, 149.

3. *Уничтоженіе Мономаховой системы* 150-160.

Причины паденія Мономахова дома, 150. *Ярополкъ II*, междоусобія въ родѣ Мономаховомъ, 151; вражда Ольговичей, 152. *Всеволодъ II*, борьба Ольговичей съ домомъ Мономаха, 153. *Изяславъ* II, въ безпрерывной борьбѣ съ Ольговичами, 156; съ Юріемъ Долгорукимъ, 157; съ Владимíркомъ Галицкимъ, 159. *Юрій Долгорукій*, паденіе Кіевскаго престола и дома Мономахова, 159.

4. *Раздробленіе Руси на Княжества независимыя* 160-176.

Стремленіе къ самостоятельности, 160. Характеръ Исторіи, 161. Главныя поколѣнія, 162. Князья Полоцкіе, 162; К. Галицкіе, 163; К. Черниговскіе, 165; К. Сѣверскіе, 166; К Рязанскіе и Пронскіе, 167; К. Волынскіе, 167; К. Смоленскіе, 168; К. Суздальскіе, 169. - Княжество Новгородское, 171; внутреннее устройство его, 173. Псковъ, 174. Главныя системы, 176.

5. *Русь въ началѣ XIII столѣтія*. . 176-188.

Главныя основанія единства Руси, 176: языкъ, 177; вѣра; 177; господство одного дома, 178; мысль о единодержавіи, 179; гражданское устройство, 179; церковное

устройство, 180.—Элементы Руси, 181.—Общежитіе, 182; Словесность, 187.

ГЛАВА III.

Иго Монгольское.

1. *Монголы*. 189-206.

Судьба Руси въ половинѣ XIII вѣка, 189. Монголы, 190; Чингизханъ 191. Битва на Калкѣ, 192; Оготай, 194. Нашествіе Батыя, 195; опустошеніе Восточной Руси, 196; опустошеніе Югозападной Руси, 198; Батый на берегахъ Волги, 199. Золотая Орда, 200. Главныя черты ига, 203. Монгольскій періодъ, 205.

2. *Русь Восточная* (1243-1328). . .206-227.

Подданство Руси, 206. Раздѣленіе Руси на Восточную и Западную, 207. Политика *Ярослава* Всеволодовича и *Александра Невскаго*. 208. Распри дѣтей Александра Невскаго, *Димитрія и Андрея*, 210. Вражда Тверскихъ Князей съ Московскими, 212.—Враги западные, 215; политика Папъ, 216;Шведы, 217; Меченосцы, 220; Литва, 224.

3. *Русь Западная* (1228 - 1320). . . 227-235.

—Неустройства Югозападной Руси въ началѣ XIII вѣка 227; Даніилъ Галицкій, 228; Подданство его Монголамъ,

229; тщетныя усилія свергнуть иго, 230; Преемники Даніиловы, 231. Отношенія ихъ къ Литвѣ 232. Миндовгъ, 233; Воишелгъ, 233; Шварнъ господствуетъ въ Литвѣ, 234. Тройденъ и Витенъ, 235.

4. *Русь въ началѣ XIV вѣка.* . . . 235-245.

Предѣлы Руси, 235. *Русь восточная:* Княжество Московское, 236; Суздальское и Нижегородское, 238; Тверское, 237; второстепенныя княжества, 237. Новгородское и Псковское Княжества, 239. *Русь Югозападная:* Королевство Галицкое, 240. *Русь Литовская,* 241. Политика Князей, 242. Золотая Орда, 244.

ГЛАВА IV.

Москва и Литва.

1. *Великое Княжество Московское.* . 246-273.

Перемѣна къ лучшему, 246. Москва, 247. *Іоаннъ Калита,* 248. Власть Великаго Князя, 249. Политика Іоанна 250. Средства его, 251. Вліяніе Митрополита Московскаго 259. — *Симеонъ Гордый* поддерживаетъ систему отцовскую, 254.—*Іоаннъ II,* 255. Бояре и Митрополитъ спасаютъ домъ Калиты, 257.—*Димитрій Суздальскій,* 257. *Димитрій Донской,* 257: потрясеніе удѣльной системы, 258. Олгердъ, 259. Борьба съ Ордою, 260. Неустройства Ордынскія, 261. Мамай, 262 Вожская побѣда, 263. Битва Куликовская, 263. Тохтамышъ, 264. Слѣдствія, 265. Новгородъ, 265. Престолонаслѣдіе. 266.—*Василій I,* 268; новое потрясеніе удѣльной системы, 269; отпоръ Литвѣ,

270; политика съ Ордою, 271.—*Василій II*, торжествуетъ въ борьбѣ съ дядею и двоюродными братьями, 272.

2. *Великое Княжество Литовское*. . 274-306.

Обозрѣніе, 274. Отношенія Литвы къ Руси, 275. — *Гедиминъ*, основатель Литовско-Русскаго Княжества, 278. Судьба Галиціи, 281. *Олгердъ*, 282, войны его съ Меченосцами, съ Монголами и Москвою, 283.—*Ягелло*, 286. Отношенія Литовскаго Княжества къ Московскому, 287 —Сближеніе съ Польшею, 288.

Состояніе Польши до 1386 года, 289. Ляхи, 289. Мечиславъ I, 289. Болеславъ Храбрый, 290. Польское Королевство, 291. Раздробленіе его въ домѣ Пяста, 292 Самостоятельныя поколѣнія, 293. Польская аристократія, 293. Вліяніе Римскаго двора; 294. Всельники иноземные, 294. Всеобщее разногласіе коренныхъ условій общественныхъ, 295. *Казимиръ Великій*, 300. Избраніе Людовика Венгерскаго, 297.

Восшествіе Ягелла на Польскій престолъ, 298. Крещеніе Литвы, 300.—*Витолдъ* господствуетъ независимо отъ Ягелла, 300. Кіевская митрополія, 302. *Свитригайло*, самостоятельный Князь Литовскій, 303.—*Казимиръ I*, подтверждаетъ отдѣленіе Литовскаго Княжества отъ Польши, 304.—*Александръ*, 303.

3. *Русь въ половинѣ XV вѣка*. . . 306-345.

Государство Московское. Составъ его, 306. Удѣлы въ Московскомъ Княжествѣ, 309. Княжества Тверское, 310, Рязанское, 310; Новгородское, и Псковское, 311; Отношенія Князей, 312.—Состояніе Орды Кипчакской, 314; Тамерланъ, 315. Вражда Чингизидовъ съ Тимуридами,

316. Раздробленіе Кипчакской Орды на Большую, 316, Крымскую, 316 и Царство Казанское, 317. Политика Московскихъ Князей, 318.—Слѣдствія ига, 319: a) право верховной власти, 321; b) сословія народныя, 322; c) сборъ податей, 323; d) судъ и расправа, 326; e) дѣло ратное, 328; f) языкъ, 330; g) вѣра 331.

Великое Княжество Литовское. Составъ его, 332. Литовскія и Русскія земли, 333. Состояніе Вел. Кн. до союза съ Польшею, 334; начало Польскаго вліянія, 336; перемѣна многихъ формъ, 337; господство Русскаго языка, 338; тщетныя усилія Папы подчинить себѣ Грекороссійскую церковь: Соборъ Флорентійскій, 339; Виленская митрополія, 342.—Состояніе Ливонскаго Ордена 343.

КОНЕЦЪ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Bayerische Staatsbibliothek MÜNCHEN

I.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Bayerische
Staatsbibliothek
München

III.

РУСЬ
предъ
нашествіемъ
МОНГОЛОВЪ
въ началѣ XIII вѣка.
Югра
Швеція
Болгары
Померанія
Богемія
Австрія
Георгія
море
Штетинъ
Торнъ
Плоцкъ
Познань
Глогау
Лигница
Прага
Краковъ
Сумеркентъ
Тоболь
Тифлисъ
Куръ

IV.

РУСЬ
въ началѣ
XIV вѣка.
Обь
Югра
Норвегія
Швеція
Упсала
Кама
Прага
Сарай
Яикъ
Дербентъ
Иберія
Тифлисъ
Кура

V.

РУСЬ
въ
1462.
Югра
Конда
Норвегія
Швеція
Ногаи
Сарай
Прага
Богемія
Померанія
Австрія
Боснія
море

Bayerische
Staatsbibliothek
München

РУСЬ
въ
1600 г.
Отчина Іоанна III.
Пріобрѣтенія
I. Іоанна III.
II. Василія III
III. Іоанна IV.
IV. Феодора I.
Норвегія
Швеція
Упсала
Стокгольмъ
Колмаръ
Данія
Балтійское море
Померанія
Бранденбургъ
Берлинъ
Познань
Дрезденъ
Прага
Вѣна
Югра
Пермь
Кама
Сибирь
Тобольскъ
Тоболъ
Ногаи
Сарайчикъ
Астрахань
Каспійское море
Тарки
Дербентъ
Георгія
Тифлисъ
Кура
Боснія
IV
III
70
65
60
55
50
45
40
10
20

Bayerische
Staatsbibliothek
München

1–4 40.–

~~35087/14~~

35794/19

39108/32

1801

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Ustrjalov, Nikolaj Gerasimovič,

Russkaja istorija

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1837

Russ. 265 l-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783959-9